

Вера Петрук

Фестиваль
гребешка

Вера Александровна Петрук

Фестиваль гребешка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68964144

SelfPub; 2023

Аннотация

Как говорит мой лучший друг, еж Пешкасий, я в нашем Бюро Переводов одна такая – бесфамильная, незамужняя и незаменимая. Фамилий у дриад не бывает, вместо мужа у меня работа, а когда Пешкасий влюбился, и любовь его жизни попала в неприятности, я, не задумываясь, пришла на помощь. Ежики ведь редко влюбляются, а значит, чувство, которое я никогда не испытывала – то самое, настоящее. И вот, бросив работу, я мчусь в морской город Дзио, но неприятности преследуют меня и Пешкасия по пятам. Мало того, что пьяная ведьма превратила меня в человеческую красавицу, так еще и полиция подозревает, что я – помощница маньяка, а сам маньяк – оборотень по имени Ашот, единственный, который не бросил меня, обращенную, в беде. В общем, втянули меня в историю, но я ведь не только незаменимая, а еще и талантливая. Разберемся!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	55
Глава 4	70
Глава 5	86
Глава 6	104
Глава 7	115
Глава 8	143
Глава 9	166
Глава 10	182

Вера Петрук

Фестиваль гребешка

Глава 1

День не задался с утра. За окном моросил дождик, болота накрыло туманом, новый водитель служебного автобуса в наших топях, разумеется, заблудился и приехал на час позже. Знала бы, не неслась сломя голову по кочкам и корягам с туфлями в одной руке и папкой с документами в другой. Пешкасий, мой еж, который считает себя оборотнем-драконом и ангелом-хранителем, добрался до будильника, который я обычно прячу, и отключил важный прибор. Мы с Пешкасием – команда, но иногда его опека сильно мешает строить карьеру. Ведь если бы не опоздал водитель, грозная Седалия Брубештерн выдала бы мне уже третий желтый листок за месяц. Я с начальницей и так не ладила, а эти листки и вовсе все портили.

Брать работу на дом – занятие неблагодарное, но если не я, то кто? Наниша в Бюро одна такая, бесфамильная, незамужняя и незаменимая. Если начать с последнего, то я действительно была сотрудницей выдающихся талантов и умений. Хотя на работу взяли меня по благу. Перед тем как сва-

лить с любовницей, папенька, растивший меня в меру строго и в меру заботливо, покопался в блокноте с полезными знакомствами и нашел одно – самое полезное. Уж не знаю, что связывало его и Седалию из Бюро Переводов, но меня взяли даже без собеседования, пусть я сначала и мыла полы в офисах.

Нашу старую квартиру на Болотном кургане папенька продал, объяснив, что на новом месте ему нужно будет устраиваться, мне же комнату компания предоставит. И действительно предоставила! Общежитие расположилось на соседней улице, через Брусничную рощу и Русалочий омут. Меня поселили на верхнем этаже с прекрасным видом на Орлиную сопку, где стоял один из порталов, который всегда светился по ночам. Межмирье – оно все такое. То болото, то леса, а то высотка, поросшая шиповником и малиной. Территория осваивалась не для жизни, а для работы: везде, где можно, маги понатыкали порталов, вот только для простых сотрудников вроде меня они все равно были недоступны. Порталами пользовалось начальство и, собственно, клиенты, для которых мы тут и работали. Нас же развозили на автобусах. Межмирье на карте маленькое – десять жилых корпусов, старые постройки первопоселенцев, одним из которых был мой отец, да огромная махина главного управления, где мы все трудились с утра до вечера.

Бюро Переводов – это не про лингвистику, если что. Компания Седалии занималась переселением нелюдей в мир лю-

дей, как значилось в уставе организации. Оформляла паспорта, трудоустраивала, обучала языкам, предоставляла жилье и оказывала всяческое содействие и помощь, чтобы оборотни, баньши, ведьмы, русалки, духи, демоны и прочие нелюди как можно гармоничнее «вписались» в человеческий мир. Все это было не совсем законно, но у Седалии, демонницы низших классов, имелись связи в Ковене магов, и Бюро работало – тихо и незаметно. Переселенцы появлялись волнами. То мы сидели без работы, то все нелюди разом хотели переселиться к людям из Альцирона, Готенруга, Архипелага или даже самого Корсиона, который закрылся после того, как к власти пришел черный маг, повелевающий демонами. Чаще всего переезжали по политическим причинам. Например, из Готенруга неожиданно поперли всех вампиров, и мы месяца два оформляли только кровососов. А из Архипелага как-то зеленомордые чудовища валили. Но бывали переселенцы и «климатические», как умничала начальница. Одно время из далекого Санджира в связи с похолоданием прибывали толпы необычных краснокожих людей, который просили выключить вентиляторы, несмотря на сорокоградусную жару – им все было холодно.

Мир людей большой и резиновый. Мы старались расселять всех в разные места, но чаще всего отправляли в крупный портовый город Дзио, где уже жило много наших, которые переправляли мигрантов дальше. Правда, в последнее время у Седалии появился конкурент, который весьма

успешно переманивал наших клиентов, но Бюро все еще лидировало.

Фамилию папенька мне тоже не оставил. Сказал, что и Наниши хватит. Имя прекрасное, а фамилий у дриад не бывает. В отделе кадров меня так и записали – Наниша Бесфамильная, просто потому что оставлять место в бланке пустым было непозволительно. В графе «род и вид» указали «дриада», хотя от своих сводных сестер и братьев, которых папенька забрал с собой, я отличалась, как мотылек от таракана. Или как гриб от плесени. Ну ладно, в сравнениях я, может, и не сильна, однако от дриадиного рода во мне разве что цвет кожи остался. Я была чуть зеленоватой. Все остальное – сухонькое тело, тощие кривые ножки, ручки-палочки и жиденькие волосы, скрученные в вечно тугий узел на затылке, во мне явно было от человека. С кем папенька блудил во время заселения Межмирья, он так и не признался, но я решила, что с принцессой. Самомнение досталось мне по отцовской линии.

А еще я была умной и трудолюбивой. Если первое помогло мне подняться по служебной лестнице от уборщицы до ведущего сотрудника-документоведа, то второе качество только мешало. Когда Седалия поняла, что у меня феноменальная память, то повысила меня до специалиста справочного отдела, где я целыми днями отвечала на письма и звонки желающих переселиться в лучший мир, каким, несомненно, казался мир людей. А потом обнаружилось, что я не могу

уйти домой, не закончив начатое, а так как многие переводы приходилось оформлять неделями, то я поселилась за рабочим столом, совершая короткие пробежки в столовую и душ, который имелся в управлении специально для таких, как я. Через год я стала ведущим документоведом и проводила в Бюро больше времени, чем в отведенной мне комнате в доме у Брусничной рощи.

На улицу я выходила и того реже. Седалия любила шутить, что я совсем от работы «позеленела», но я не сердилась. В конце года начальница обещала хорошие премиальные, на которые я собиралась купить машину. Автобусы с вечно меняющимися водителями меня достали, к тому же, я была жутко брезгливой, и от одной мысли, что на кресле могла сидеть задница орка или гоблина, меня тошнило. Пусть я и дриада по бумагам и немного зеленая на вид, но чистота души и тела была моим жизненным кредо. Мыть руки – каждый час, мыть тело – три раза в день, гнать поганые мысли из головы – ежеминутно!

А поганых мыслей хватало... Появлялись они без спроса и уходить добровольно не желали. Думалось всякое. Я, конечно, умная и способная, для дриады даже красивая, хорошо зарабатываю, по лестнице карьерной не поднимаюсь, а прям лечу, но чего ж на сердце так тоскливо и одиноко бывает. Пешкасий считал, что мне не хватает витаминов, и пичкал меня разными таблеточками, которые доставал из мира людей через знакомых ежеиков. От его витаминов во рту ста-

новилось сладко, но на душе еще горше.

В принципе, меня все устраивало. Замкнутая, тихая, я копалась в бумагах, чувствуя себя повелительницей документов, когда в моей размеренной жизни вдруг наступил ад. Меня перевели в отдел работы с клиентами.

– Выручай, – заявила Седалия, врываясь в мой уютный подвальчик. – Одна половина отдела в отпуске, другая на больничном – аллергия у них, понимаешь, на туманы. Вот тебе справочник, за ночь выучишь, ты у нас умненькая, а утром сразу в корпус Б отправляйся. Весь отдел – твой. За мной премия. Летом переселенцев мало, так что ничего страшного, пара-тройка клиентов в день, а потом свободное время. Советую потратить его на спортзал, он у нас расположен в пентхаусе, если вдруг забыла. Впрочем, откуда бы тебе о нем помнить? Ты ведь, знаешь, что растолстела? И еще. Лучше надень парик и очки, а то клиенты разные ведь бывают. Элитой я сама занимаюсь, но вдруг какой маг мимо меня проскользнет. Они все с причудами. Надо, чтобы ты никого не отпугнула.

Такта у Седалии не было, но начальнице он и не полагался. Я правда чуток на троне повелительницы бумаг поправилась. Пешкасий слишком тщательно следил за тем, чтобы я не голодала. То бублик подсунет, то конфетку, а воли у меня против этих штук – никакой.

Новые инструкции я, конечно, выучила, но еще до этого я весь месяц заполняла новые карточки в архиве. Подсчитав,

поняла, что за последние тридцать суток спала от силы ночей десять. Род дриад славится выносливостью, но, когда я у Пешкасия стала иногда видеть крылья и драконий хвост, то решила лечь хотя бы в три ночи. И тут – новые обязанности! Да еще и к внешности начальство прицепилось. Да, я была не красавица, и страдания по поводу своего облика заедала не только бубликами и конфетами Пешкасия, но и буфетной выпечкой, которую сотрудникам продавали со скидкой. Но делать нечего – пришлось и парик одеть, и очки на немного крючковатый нос нацепить.

На третий день я была готова выть, как тот самый оборотень, который стал моим первым клиентом и трепал нервы до сих пор. Деньги у него водились, а вот с документами творился полный бардак. Документов у нелюдей, вообще-то, никогда не имелось, но по требованию Ковена Магов, перед тем как переместиться в портал к нам, в Межмирье, а потом к людям, они должны были собрать не меньше десяти справок: здоров ли, какого рода-племени, есть ли семья, сколько денег за душой, владеет ли имуществом, судим, казнен ли и прочие формальности. Большинство справок оформлял Ковен магов, но некоторые нужно было брать у местной администрации – в королевстве там, герцогстве, кто откуда. Оборотень тот, судя по всему, долгое время бомжевал, а может, со своими крепко поругался, но справки о месте жительства у него не было. Пытался всучить мне золотые монеты, чтобы я на ту справку глаза закрыла, но я дриада честная, швырну-

ла взятку ему в рожу и приемное окошечко захлопнула.

И вот уже третий день он таскал мне разные поддельные документы, но его проблема была в том, что мне стоило один раз взглянуть на образец справки, чтобы отличить фальшивку от настоящей. В общем, не повезло ему. Я хотела спать, мечтала вернуться в свой уютный подвальчик, заваленный под потолок архивными бумагами, а еще я чертовски устала. А когда дриады устают, они превращаются в стерв, каких поискать. Даже Пешкасий со мной не разговаривал – обиделся, что я назвала его «крысиной мордой». Но ведь это правда! Ежи – как крысы, только в колючках.

Бежать утром до остановки по болотным топям босиком – то еще удовольствие. Водитель долго ругался, когда я полезла к нему в машину с грязными ногами, но, увидев мой гневный взгляд, предпочел не портить себе начало дня. Знал бы, какой хаос творился в моей душе, вообще бы рта не раскрывал. Не в бархатных же туфлях по кочкам скакать, а калоши еще с вечера одолжила соседка-некромантка по комнате снизу, да утром так и не вернулась. Другой обуви у меня не было, пришлось босиком. Ноги отмыть все же легче, чем нежный бархат, тем более, что те туфли знакомый гном делал, и я ими очень дорожила.

Увидев, что к моему окошечку уже выстроилась очередь нелюдей, жаждущих жить с людьми, я замедлила шаг и, шлепая грязными пятками по полу, демонстративно прошла в дамскую комнату. Пусть ждут. Я всей душой мечтала вер-

нуться к бумажкам, которые не умели разговаривать, и всем сердцем ненавидела каждого, с кем сегодня придется общаться. И сильнее всех я ненавидела того оборотня, который стоял у заветного окошечка самым первым. Не иначе как с ночи очередь занимал. Откуда Седалия взяла цифру в два три клиента в день, я не знала. Они ломались в мой отдел толпами, как лосось на нерест.

– Стерва, – прошептал кто-то в очереди, за что я пробыла в туалете еще десять минут. Просто всем назло сидела на краешке раковины и старалась не слушать Пешкасия, который, высунувшись из рюкзака, в котором я его обычно носила, допекал меня своей ежиной моралью. Мне надо больше гулять, больше пить, больше есть – не еж, а мамаша-опекун!

Когда секундная стрелка наручных часов показала ровно девять, я торжественно открыла дверь и выплыла в коридор под всеобщий вздох облегчения. Они еще не знали, что по инструкции мне положен второй завтрак и получасовой перерыв на отдых в одиннадцать. Потом обед, сонный час, еще три перерыва и вечерняя прогулка. Я работала три смены подряд, с девяти до полуночи, и права свои знала. Обычно все эти модные нововведения отдела кадров я игнорировала, работая с утра до ночи, как робот, но что-то во мне надломилось в эти последние три дня, и мне захотелось постервить.

Спустив огромные, вполлица очки на самый кончик зеленого носа и открыв окошко, я встретила оборотня самым убийственным взглядом, на какой была способна.

Мне молча протянули пачку перетянутых бечевкой бланков. Я брезгливо взяла ее двумя пальцами, освободила бумаги от веревки, нарочито медленно вытерла руки влажной салфеткой и принялась внимательно просматривать документы, которые, по правде, знала наизусть, так как видела их уже в четвертый раз.

– Вы Ашот Косиман? – спросила я очевидное, подняв на него глаза. Взгляд у оборотня был не менее убийственным, но со мной в гляделки играть – дело бесполезное. А он ничего, вдруг сообщила мне та часть меня, о которой работающая Наниша постоянно забывала. В окошко были видны злющие глаза и желваки на скулах, но в коридоре та, другая Наниша, которая в редкие выходные старательно отбеливала кожу кремом и красила глаза, чтобы через пару минут тут же смыть макияж, заметила широкие плечи, длинные ноги и тонкую талию – оборотень будто сошел со страниц тех журналов, что я иногда замечала в кабинете Седалии. Правда, изображенные там мужчины, как правило, были обнажены, оборотень же успел приодеться, причем в человеческие шмотки. Они продавались в лавке сувениров на первом этаже. Потертые джинсы и рубашка с жилеткой ему были очень к лицу. Вернее, к морде. Потому что владел он собой, прямо сказать, с трудом. И как только психолога прошел? Впрочем, о чем это я? Какой психолог? Такие типы, как этот, медицинские справки всегда покупали.

– Ашот Косиман из племени горных козлов, ой, простите,

котов, – зачитала я первую взятую из кипы бумажку. – У вас здесь печати не хватает.

– Что? – это был не вопрос, а рык. То, что стоящий у окошка оборотень явно родился не в кошачьем племени, было так же очевидно, как и то, что допуска у меня он сегодня не получит. Хотя бы в зеркало посмотрел, прежде чем липовую справку оформлять. Из проема окна на меня глядела самая настоящая волчья морда.

– Вот здесь, – любезно пропела я, тыкая зеленым пальчиком в бумажку. – Нужно три печати, а у вас две с половиной. Один штамп плохо отобразился, видна только половина, и буквы не читаются.

Не знаю, что сделал бы оборотень по имени Ашот Косиман, если бы дверь за моей спиной не отворилась и в кабинет не вплыла Седалия Бруберштерн собственной персоной.

– Перерыв, – бесцеремонно объявила она, захлопнув створку окошка перед взбешенной мордой оборотня к моему вящему удовольствию.

Впрочем, удовольствия поубавилось, когда я поняла, что Седалия явилась не одна, а, похоже, с очередным клиентом. То, что он из элиты, было видно сразу. Лидер вампирского клана или маг. Оказалось – второе. С клиентами категории А необходимо было общаться исключительно с улыбкой. Окошко перед ними не захлопывали и с плохо поставленной печатью назад не отсылали. Мне даже стало жаль этого Ашота. Слышно было, как он вопил и пытался сломать перего-

родку, но там работала магическая защита, и его гнев был нам не страшен.

Новый клиент обладал прямо-таки незаурядной внешностью. Большие выразительные глаза глядели столь пронзительно, что им хотелось рассказать все: о том, что я устала, что таких мужчин в моей жизни никогда не было и не будет, и что я, кажется, влюбилась. Прямо сейчас, именно в него.

Под носом щелкнули пальцы Седалии, и я очнулась.

– Надо оформить господина мага и побыстрее, – приказала она, умудряясь одновременно елеинно улыбаться клиенту и посылать в меня огненные стрелы недовольства. Не прошибло. Броня, которой я обросла в бумажном подвале, давно уже не пропускала ни колкостей, ни взглядов.

Желание угодить магу сохранялось ровно до тех пор, пока красавчик не открыл рот. Я усердно штамповала его справки, которые подсунула Седалия, когда услышала:

– А тебе, милочка, надо больше общаться. Ты такая зажатая, замкнутая. Из-за кожи не волнуйся. Первый же хороший косметолог сделает из тебя тортик. Вот, возьми. Это визитка моей доброй знакомой, она в Дзио с троллями работает. Макияжит их так, что те и дамочек местных в жены легко берут, и работу с людьми без труда находят.

Разумеется, сказано все это было не Седалии. Начальница приторно улыбалась и кивала, а мне оставалось им подыгрывать. Почему-то захотелось вернуть Ашота. С ним как-то полегче было. Разумеется, куда проще издеваться, чем быть

объектом насмешек.

– Я еду в Дзио, – тем временем разговорился маг, имя которого в новом паспорте значилось как Ролан Роландо. – Ты, наверное, там бывала. Впрочем, по взгляду вижу, что нет. Упущение, милочка! Дзио прекрасен – море, пляжи, закаты, а какая кухня! Я традиционно бываю там на Фестивале гребешка под закрытие сезона. Устраиваю конференцию, всегда аншлаг.

Видимо, взгляд у меня был особенно глупым, потому что Седалия сочла необходимым пояснить. Не хотела, чтобы Ролан Роландо думал, что сотрудницы Бюро совсем уже бестолковые.

– Да она просто заработалась, – неожиданно встала на мою сторону начальница. – Наниша, ты ведь помнишь, что лето кончается и скоро осень?

Наверное, это была шутка, потому что Седалия и Ролан засмеялись. Симпатия к магу испарялась также быстро, как и газы из того напитка, что Пешкасий таскал из лавки сувениров. Кокой, кажется, называлось. Или Колой.

– Чему посвящен ваш семинар? – спросила я, чтобы не выглядеть полной дурой. Первого впечатления было уже не исправить, но надо было держать лицо.

– Я учу таких, как ты, добиваться успеха, – Ролан снова улыбнулся и вытащил из кармана листок. – Держи, милая, это приглашение. Выступаю через неделю. У тебя еще есть время взять отпуск и приехать. Увидишь, как изменит-

ся твоя жизнь.

Сказанное Седалии не понравилось, потому что она протянула руку и вырвала у меня приглашение прежде, чем я успела его прочесть.

– Ей это точно не понадобится, – объяснила она Ролану. – Завтра мы начинаем оформлять вампиров-мигрантов, там аж два клана, а Наниша у нас пока одна работает.

– Это из северного Готенруга? – деловито уточнил маг. – У меня там приятель. У нас с ним встреча в Дзио. Тогда не буду отвлекать. Пусть моего друга оформят в первую очередь.

Седалия с Роланом удалились, я же почувствовала себя такой опустошенной, что испытала настоящее облегчение, когда увидела, что стрелка часов приблизилась к одиннадцати.

– Вам бы почаще молчать, сошли бы за умного, – огрызнулась я вслед магу, правда, шепотом. Потом повернулась к окошку и прокричала через перегородку:

– Перерыв!

С такими темпами сегодняшняя очередь простоит до завтрашнего утра. Где-то в глубине души мне было их жаль. Ведь не просто так они хотели уехать из родных краев. Значит, что-то произошло, случилось. Поиски лучшего места в жизни – нелегкое дело. Я вот о нем даже не задумывалась. Жила на работе и для работы. Даже моя мечта накопить на машину имела похожую цель – чтобы до работы добираться

легче было.

Только я собралась заварить чай, а по сути – высыпать готовый порошок в кружку с кипятком, особо не заморачиваясь процедурой приготовления, как дверь снова открылась и в кабинет ввалилась запыхавшаяся девушка, которая так быстро вбежала, что ее пронесло по инерции до стола с приемным окном, у которого ей с трудом удалось затормозить. Ничуть не смущаясь, девица тут же запрыгнула на пристройку и, привалившись к окну попой, закинула ногу за ногу. Если бы кому-то из клиентов, терпеливо ожидавших, когда я напьюсь чая, удалось открыть створку, ему предстало бы любопытное зрелище.

– Наниша! – раскинула руки девушка в приветствии. – Одни работают, чтобы отдыхать, другие отдыхают, чтобы работать, а ты просто работаешь, причем сутками и безвылазно. Ну как? Ничего во мне не замечаешь?

Увидев, что мой взгляд метнулся к кнопке вызова охраны, незваная гостя закатила глаза.

– Да ты что? Совсем меня не узнаешь? Это же я, русалка Исла!

Какое-то время я молча созерцала ее длинные ноги в красных туфлях на шпильках, потом перевела взгляд на лицо.

– Не может быть...

– Тормоз ты, Нанишка, всегда туго соображала, – довольная произведенным эффектом, произнесла Исла. А ведь это,

действительно, была она. Моя давняя подруга, которая мигрировала к людям примерно в то время, когда я устроилась работать в Бюро. Правда, раньше вместо ног у нее был рыбий хвост, воняющий тиной, и из Межмирья она уезжала в закрытом аквариуме. А еще она была толще раза в три, а волосы у нее были черные, как мои пятки после пробежки по торфяным болотам.

– Ноги! – выдохнула я, признав, наконец, старую знакомую. Похоже, перерыв затянется.

– Да! – тоненько запищала Исла, прижав от восторга к груди кулачки. Она вся стала какой-то маленькой и кукольной. Не верилось, что за четыре года можно так измениться. Белые волосы вместо черных – это понятно, талия вместо объемных складок на животе – тоже объяснимо, а ноги она как сделала?

– Ой, Нанишка, что сейчас расскажу! – начала Исла, но тут в окно нетерпеливо забарабанили. Помещение-то было одно, лишь разделенное на две комнаты тонкой перегородкой. Слышимость была отличная, и клиенты имели все основания волноваться.

– Перерыв! – снова гаркнула я и перевела изумленный взгляд на бывшую русалку. Не знаю, что меня поразило больше – то, что у нее появились ноги вместо хвоста, или то, что она решилась на такие перемены. Я волновалась даже тогда, когда тополь под окном зацвел на неделю позже. Стабильность и неизменность были моими спутниками жизни. А мо-

жет, чужаками, подселившимися в далеком прошлом и теперь казавшимися друзьями? Почему-то мысль о переменах, которые случились в жизни Ислы, крепко застряла в голове и вытесняться ничем другим не желала.

– Ты меня слушаешь? – донесся издали голос Ислы. Я вздрогнула и едва не облилась горячим чаем.

– Так откуда ноги, говоришь? – сделала я слабую попытку реабилитироваться, Исла же закатила глаза.

– Ты давно такая рассеянная? – вопросом на вопрос ответила она. – Тебя прямо не узнать. Когда последний раз отдыхала? Я вот сейчас в отпуске, поэтому и решила на родину заглянуть. Но у вас тут такая тоска, что я лучше обратно в Дзио.

Знакомое название окончательно вывело меня из задумчивости. Я и раньше встречала это слово, но одно – прочитать на бумаге, тем более, в безликом документе, и совсем другое – услышать, причем несколько раз за короткое время, да еще и произнесенное с таким воодушевлением. Поневоле обратишь внимание.

– А что там в Дзио? – вдруг вырвалось у меня.

– Море, пляжи, закаты, а главное – Фестиваль гребешка! – прошептала Исла, а я подозрительно прищурилась. Не могла же она мага подслушать, который пару минут назад такую же фразу произнес. Может, в Дзио другого и не было, раз все только про еду да про море говорили.

– Некогда мне отдыхать, работать надо, – пробурчала я,

на что подруга ответила:

– Надеюсь, ты не всегда так глупа, а лишь сегодня, – выдала Исла и пару раз стукнула в окошко, по которому грохотали с другой стороны. – Фестиваль гребешка пропускать никак нельзя. Это в названии про один гребешок говорится, а на самом деле деликатесов к закрытию сезона в город привозят – уйму! В любом уличном кафе можно и осьминога найти, и трепанга, и теларию. Ты пробовала теларию? Божественный вкус! В некоторых городах она запрещена, так как приравнена к наркотическим средствам, но только не в Дзио. После теларии вся рыба и даже моллюски будут казаться тебе мокрой ватой.

Исла перевела дыхание, но так как я насуплено молчала, она перешла в наступление:

– Да кому я тут все рассказываю? Какая телария? Ты хоть гребешок пробовала? И вообще, долго собираешься превращаться здесь в корягу? Я, как подруга, честно говорю – тебе недолго до этой стадии осталось. Что ты делаешь со своими волосами? Ведь я помню дриад из вашего рода. Все сочные, налитые, с патлами густыми, как водоросли – пальцы воткнешь и не вытащишь. А ты похожа на столетний пенёк, переживший не одно пожарище. Мы ведь с тобой ровесницы! А глядя на тебя, так и хочется сказать: «Отвернись, иначе мне потом кошмары сниться будут».

Я растерянно хлопала глазами, не зная ни что сказать, ни что чувствовать – обиду на Исла за правду или злость на тех,

что ждали очередь за окошком и все слышали. По другую сторону притихли. Наслаждались моим поражением.

– Так откуда ноги? – прохрипела я и деловито посмотрела на часы, решив, что Ислу надо выпроваживать. Нам, работающим, с отдыхающими не по пути.

– Ведьма знакомая сделала, – гордо сообщила русалка. – Я, правда, за них еще пять лет службы ей должна, но работа меня не напрягает, даже наоборот. Как срок отработаю, попрошусь на постоянную ставку.

– И чем ты занимаешься? – уныло спросила я, пытаюсь передать тоном, что работа Ислы меня совсем не интересует, а ей пора бы и уходить.

– Танцы! – вдруг завопила Исла, отчего чай я все-таки пролила. К счастью, он успел остыть, и я отделалась лишь мокрым пятном на юбке.

– Наше шоу называется «Морской сад», – воодушевленно продолжала Исла. – Мы всегда его на Фестивале гребешка показываем. Я надеваю костюм с рыбьим хвостом и вместе с другими девушками плаваю в огромном бассейне, изображая русалку. Потом воду спускают, включают огни и музыку, и мы зажигаем! Танцуем, поем – ах, это все мое. Взяла перед Фестивалем недельку отдыха. Дзюо – город курортный, осенью жизнь в нем уже не та, вот все и стараются выложиться перед закрытием. На Фестивале получаем больше, чем за весь сезон! В Дзюо люди богатые приезжают, да и нелюди в последнее время тоже не скупятся. Мой тебе совет – бросай

все и приезжай к нам. С танцами ты никогда не дружила, но у тебя очень смешное лицо, людям такие нравятся. В нашем шоу все красотки, а с юмористическими персонажами – прямо беда. Я про клоунов.

– Это была шутка? – не вытерпела я. – А то не поняла, когда начинать смеяться.

По правде, рассказ Ислы показался мне сушим бредом. Бывшая русалка, которая надевает костюм русалки, закрытие сезона... К чему все это мне знать?

– Да что ты такая обидчивая? – надула губы Исла. – Правде надо смотреть в глаза. Ты здесь совсем в деревяшку превратилась. Не хочешь в шоу, хотя бы просто на Фестиваль приезжай. Теларию попробуешь. Готова поспорить, что от одного нашего воздуха из тебя новые веточки полезут.

Я машинально пощупала тоненький прутик, который торчал у меня из головы и который я прятала под пучком волос. Да, листьев на нем давненько не выросло. А может, Исла права? Нет, в клоуны идти желания у меня никакого не было, а вот попробовать на вкус этот ее хвалебный воздух вдруг очень захотелось. Мысль была опасной, противоречащей главному жизненному кредо – работе, и я попыталась ее отогнать. А она такой липкой оказалась, зараза, что накрепко засела в голове, и только о Дзио я теперь и могла думать.

– В общем, мне пора, – засобиравлась бывшая русалка. – Смеяться над убогими не в моих принципах, поэтому буду тебя жалеть. Не думала, что у тебя все так плохо. Я ведь

помочь хочу, глупая! Очень надеюсь, что хоть немного тебя разозлила. Бывай! Но если вдруг в твоей деревянной головушке заведутся правильные мысли и ты все-таки прилетишь в Дзио на Фестиваль, позвони. Встречу и помогу отдохнуть так, что ты молодой веточкой себя почувствуешь.

Хоть мы и расстались на позитивной ноте, но горький осадок после встречи с Ислой чувствовался еще долго. Вспомнив, что клиенты за окном все слышали, я нацепила на лицо самое свирепое выражение и решительно распахнула створку.

– Следующий! – крикнула я и утонула в злобном взгляде оборотня Ашота, который каким-то образом снова оказался впереди всех. Не иначе как применил грубую физическую силу, потому что робко выглядывающие из-за его спины феи выглядели совсем расстроенными. Вероятно, понимали, что их сегодня точно не примут.

От мысли, что именно Ашот слышал издевательства Ислы над моим образом жизни, на душе стало совсем тяжело.

– А я в Дзио еду, – ухмыляясь, сообщил он мне. – На Фестиваль гребешка. Хочу объесться теларией и покрыться буйной зеленью.

Наверное, это был какой-то каламбур, но юмор у оборотней всегда был странным, поэтому я даже не стала пытаться понять, что он имел в виду. Оказалось – деньги.

– На Фестиваль сейчас все спешат, – зачем-то пояснил он мне. – Никто не хочет пропустить закрытие сезона. Одни со-

рят деньгами, другие на этом обогащаются.

Я с трудом вспомнила, что цвет купюр в том городе точно был зеленоватым. И зачем мне эта информация, когда я точно в Дзио никогда не поеду? Сейчас уже – назло всем.

– Справку принесли? – хрипло спросила я, потому что в горле вдруг образовался ком, и почему-то захотелось рыдать, причем навзрыд.

– Принес, – зловещим тоном произнес оборотень. – Ты же самую. Да вы хоть представляете, какой путь я проделал, чтобы до вашего Бюро добраться?

И он пустился в долгие и путаные объяснения о том, где находится Горный Кряж, и какие препятствия ему пришлось преодолеть, чтобы найти портал в Межмирье. Так и подмывало спросить, что он забыл в мире людей, раз так целеустремленно пытался туда попасть. Глядя на Ашота, я сомневалась, что работа в такси – его детская мечта.

О такси я узнала из справок. Оборотень мог сколько угодно рассказывать о том, как он будет лакомиться теларией, будь она неладна, но факт оставался фактом – виза у него была рабочая. Таксистом ехал работать. Хорошо, что права водительские имелись. Правда, оставались вопросы, как именно он их получил. Но к водительским документам было не прицепиться – все изготовлены аккуратно и точно по образцу. И собственность на машину у него уже тоже имелась. Связи в мире людей у Ашота, похоже, были. Единственным препятствием на пути к празднику жизни в Дзио была

я, мрачный клерк из Бюро переводов.

Внезапно я почувствовала такую усталость, что весь подготовленный запас остроумия по поводу того, куда послать Ашота с явно фальшивой справкой о бывшем месте жительства, куда-то иссяк. Во имя какого бюрократического бога я тут сражаюсь за порядок и дисциплину? У него даже имени не было. Лишь дикое желание сделать всех друг на друга похожими, заключить в объятия системы и никогда не отпускать. А если подумать еще глубже, то и до потери личности можно было докопаться. Совсем плохие мысли приходили ко мне в голову в тот день, который, как потом выяснилось, стал решающим в моей жизни.

Протянув руку к печати с тиснением «допуск», я громко шлепнула ею по папке с делом Ашота и молча сунула бумаги в окошко.

Оборотень, который приготовился к обороне и последующей атаке, казался даже разочарованным.

– Но почему? – оторопело спросил он. Радовался бы да бежал к порталу, пока не передумала.

– Если вы сейчас исчезнете из этого кабинета, мир станет лучше, – не удержалась я от хамства. Ашот на оскорбление внимания не обратил, зато посмотрел так пристально, будто у меня та самая веточка из прически выбилась. Рука сама потянулась, чтобы проверить, надежно ли ее скрывают волосы, но я себя одернула.

– Не задерживайте очередь, – буркнула ему. – Следую-

щий!

– В Дзио, конечно, хорошо, но, если вдруг понадобится помощь, звони, – сказал Ашот, положив мне на стол визитку. – Помогу. Город курортный, всякое может случиться.

И он ушел, а я так возмутилась, что пропустила мимо ушей все, что пиццала подошедшая к окну фея. С ума они, что ли, сошли? Не собиралась я ни на какой Фестиваль грёбешка, и Дзио их ненаглядный мне тоже не нужен. Великодушничать он решил, помощь предлагает...

Наверное, в чай подсыпали зелье доброты, а может, Исла или оборотень меня сглазили, потому что, сама того от себя не ожидая, я каким-то образом умудрилась принять всю очередь за три часа. Но удивление мое вызвал не тот факт, что к обеду перед окошком не торчало ни одной переселенческой рожи, а то, что я всех пропустила. Штамп «допуск» аж нагрелся, так усиленно я им работала.

В столовую я пришла совсем потерянная. Мысли путались, руки тряслись, хотелось на всех обидеться. Болтливая обычно буфетчица, будто догадавшись о моих настроениях, молча протянула разнос с рагу и компотом, а я едва не грохнула его по дороге к нашему с Пешкасием столику. Ежик меня уже ждал. Я поставила перед ним две тарелки, а сама взяла компот и принялась цедить напиток через трубочку. Аппетит исчез, и я уже приготовилась к сражению с Пешкасием за обед. Друг, конечно, не смирится с тем, что я лишусь порции дневных калорий.

Однако Пешкасий придвинул тарелки к себе и, попробовав из обоих, выбрал ту, что, по его мнению, была вкуснее. Вторую отставил на середину – мол, хочешь, ешь, хочешь, выбрасывай. И тут я поняла, что с Пешкасием тоже было что-то не так. Первую половину дня он спал в шкафу в моем рюкзаке, и настроение ему мало что могло испортить. Разве какая-нибудь моль, шуршавшая крыльями слишком громко?

Он был такой хорошенький, этот Пешкасий! Глазки-бусинки, лапки-крохотульки, пузико упитанное, иголки причесанные. Мордочка у него умненькая, а тельце потешное. Немного басоватый голосок придавал ему удивительную харизму. Конечно, я держала все эти сюсюканья при себе и насчет внешности Пешкасия помалкивала. Во-первых, мой друг ходил в тренажерный зал и качал какую-то там мышцу, не знаю, как она у ежей называется. Во-вторых, он был жутко умным и даже писал статьи для местной газеты «Новости Межмирья». Какие уж тут глазки-бусинки. Поэтому обычно я умилялась молча.

– Что случилось? – спросила я с упавшим сердцем. Если Пешкасий не рассказывал мне об утренних снах и их символике, значит, заболел.

– Она такая прекрасная, – поднял он на меня свои круглые глазенки. Я немного расслабилась. Раз мы все-таки перешли к снам, значит, все в порядке, все как обычно.

– Кто тебе приснился? – поинтересовалась я, пододвигая к нему компот. Сладенькое Пешкасий уважал.

– Да что там сны, – махнул он лапкой. – Реальность сурова, а сны иллюзия. Наниша! Кажется, я влюбился!

Какое-то время я переваривала услышанное. Подобных чувств у Пешкасия еще не было, по крайней мере, мне он раньше не докладывал. С другой стороны, ежихи в его комнате точно гостили, я их сама видела.

– Только не говори, что это кто-то из моих клиентов, кого я отправила к людям, – подозрительно сощурилась я. Все-таки мы с ним давно вместе жили, и я Пешкасия знала хорошо. Он покосился в мою сторону, но ничего не сказал. Это лишь подтвердило догадку.

– Пешкасий, выкладывай! – строго сказала я. – Что там у тебя на уме?

– Я должен ее спасти! – выдохнул он. – Как же на душе полегчало, когда я такой груз с нее сбросил! Скрывать правду – это так тяжело!

– Не драматизируй. Если захотел переселиться, так бы и сказал. Я давно подозревала, что тебе здесь скучно.

– Ты черства, а я весь пылаю от страсти, – вошел в роль Пешкасий. – Когда сердца не вместе, они увядают и истончаются, как лепестки роз на палящем солнце.

Я не выдержала и хлопнула ладонью по столу, расплескав компот. К черту.

– В двух словах. Или я возвращаюсь к любимой работе.

– Вот именно, – мои слова подействовали, потому что ежик затараторил. – У тебя только работа любимая, а других

значений слово «любовь» не имеет. А я ее познал – Любовь с большой буквы. Ты бы слышала, как она поет!

– Любовь в твоём сердце? – съехидничала я.

– Сун-Пак! Ее насильно везут в Дзио, чтобы она выступила на Фестивале гребешка. Каждый год хозяин заставляет ее петь, срывать горло и выворачивать наизнанку душу. Чтобы послушать пение Сун-Пак, собираются толпы!

– Я сегодня не оформляла никаких Сун-Пак. Кто она такая?

– Ты пропустила ее хозяина – Ашота Косимана. Он везет ее в Дзио в багаже.

– В багаже? – вытаращила я глаза, представив худшее. С именем Ашота у меня и так всплывали не совсем приятные ассоциации, а если представить, что он еще и похититель и возит девушек в чемоданах... Тут я остановила поток мыслей и строго спросила Пешкасия:

– Сун-Пак ведь не человек?

– Ты меня совсем извращенцем считаешь, что ли? Как можно влюбиться в человека? Она – канарейка! Утром в твоём рюкзаке спать было душно, и я перебрался в другой шкаф. Она там сидела, ждала своего часа. Это ужасно! Мы должны ее спасти. Между прочим, ее тяжкая судьба – и на твоей совести. Ты ведь пропустила этого Ашота? Пропустила! Значит, должна помочь.

Минуту я сидела молча и пялилась на Пешкасия. После тяжелого утра и прихода Ислы новость Пешкасия не каза-

лось такой уж дикой. И тем не менее, я оторопела. Хотелось выспросить все в деталях, но я тут же себя одернула. Возможно, Пешкасию и самому неловко, а тут я со своими расспросами. Ежик, влюбившийся в канарейку, это все равно, что я, полюбившая вампира. Или оборотня.

Поморщившись от сравнения, я осторожно спросила:

– Ты уверен, что ничего не перепутал? Правилами не запрещено перевозить с собой домашних питомцев. С чего ты взял, что Сун-Пак нужна помощь?

– Каждый год после Фестиваля гребешка моя бедная Сун-Пак долгие месяцы отлеживается в клетке, пока ее алчный хозяин, оборотень Ашот, считает деньги, которые он получил за ее золотое пение. Естественно, самой Сун-Пак не достается ни монеты, лишь горсточка зерна. Я хотел освободить ее из шкафа, но она была прикована к прутьям волшебной цепочкой. Только хозяин может ее снять. Ты в долгу перед нами! Помоги нам, Наниша, и наши дети будут называть тебя феей.

Я присвистнула про себя. Если Пешкасий уже начал называть канарейку своей, а тем более, задумался о потомстве, значит, у него далеко все зашло. На второй день нашего знакомства – а это было далекие пятнадцать лет назад, он уже кричал всем, что я – его лучший друг. И мы действительно стали не разлей вода. Похоже, его чувства к Сун-Пак искренние. Я не знаю, как влюбляются обычные ежики, но Пешкасий был родом с Саадула, а там, по его словам, все дышало

магией. Что, если я и правда своей печатью на документах Ашота разрушила судьбу влюбленной пары?

То ли от того, что утро выдалось тяжелым, то ли потому, что Пешкасий смотрел на меня так особенно, но я решительно хлопнула в ладони и сказала:

– Раз надо помочь, сделаю! Но понятия не имею, как. Ведь Ашот уже наверняка в самолете. Я сама ему допуск дала на утреннюю посадку. Он сейчас летит в Дзио.

– Мы должны полететь за ним! – Пешкасий тоже хлопнул в ладоши, правда, его хлопанья никто не услышал, потому что лапки у него были покрыты мягким коротким мехом. Не совсем типично для ежейков, но таков уж он – мой Пешкасий.

– Я на работе, – предприняла я робкую попытку повернуть назад, но, похоже, обратной дороги не было.

– Возьми отпуск. Совместим приятное с полезным. Когда ты последний раз отдыхала? Правильно – никогда. Не будь тряпкой, сделай доброе дело! На одной чаше весов – твоя Седалия, которую ты боишься, на другой – моя с Сун-Пак жизнь. Что ты выберешь?

– Это грязные манипуляции, – возмутилась я. – С чего ты взял, что я боюсь начальницу? Просто сейчас не самое подходящее время.

– Оно у тебя никогда не будет подходящим, – грустно ответил Пешкасий и повесил вниз мордочку, почти уткнувшись носом в рагу. – Работа всегда на первом месте. Друзья – только вторые.

– Даже если мы полетим в Дзио, – я подняла палец вверх, предупреждая, что ключевое слово здесь «если», – то как освободить Сун-Пак? И где мы их найдем? Дзио огромен!

– Мы туда полетим, – решительно кивнул еж. – Я знаю кафе, в котором будет выступать Сун-Пак. Ее надо украсть у Ашота до Фестиваля. Другого способа спасти мою возлюбленную нет. Если родится дочь, мы назовем ее Нанишей.

Думать о том, какие дети могут родиться у горного ежа и певчей канарейки, даже близко не хотелось, зато я представила другое. Как это замечательно – влюбиться! Вот я, например, много раз ходила на свидания, встречалась то с одним, то с другим, однажды дело и вовсе далеко зашло, но того чувства, о котором поют, пишут и с трепетом рассказывают, ни разу не испытала. А вот Пешкасий сумел влюбиться за какие-то четыре часа сегодняшнего утра. Стоит не только за него порадоваться, но и помочь! Пусть даже это и будет стоить мне работы. В конце концов, он прав. Работа всегда была у меня на первом месте, пора менять приоритеты.

Итак, вместо того чтобы вернуться в кабинет, я решительно направилась к двери Седалии, которая обычно ела у себя. Мне хватило один раз наблюдать за обедом демоницы, чтобы никогда больше не беспокоить госпожу Бруберштерн за едой. Однако меня переполняла такая уверенность в правильности поступка, что я отбросила все сомнения.

В тот момент мне захотелось удивить Пешкасия своей решимостью. Но в первую очередь – себя.

Я громко стукнула в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла. Раз не заперто, значит, можно.

Мгновением позже мои щеки пламенели от смущения, потому что Седалия была не одна. На диванчике спиной к двери расположился человек в шляпе с такой высокой тульей, что начальница из-за нее едва виднелась. Острый кончик шляпы норовил проделать дыру в недавно отремонтированном потолке. При моем появлении гость или гостья, – кроме шляпы больше ничего видно не было, – даже не повернул голову. Седалия, однако, повела себя необычно. Я уже приготовилась, что меня сейчас отчитают самым строгим образом, но начальница вдруг мне кивнула.

– Это ты, Наниша? – почему-то спросила она, хотя других дриад Наниш в Бюро не работало. – Проходи, я как раз о тебе говорила.

Если сначала я смутилась оттого, что так бесцеремонно прервала разговор начальницы, которую побаивалась, то теперь настало время испугаться по-настоящему. Решимости как ни бывало. А ведь в голове уже сложилась идеальная картинка – я гордо вхожу в кабинет, бросаю удивленной Седалии на стол заявление об увольнении и говорю: «Прощаюсь или временно, или навсегда». Наверное, я понимала, что афера в любом случае не удалась бы: какой отпуск, когда ты единственный сотрудник в отделе? На что рассчитывала?

Я было попятилась, бормоча, что лучше зайду в другой раз, но Седалия вдруг проворно подскочила и, оказавшись

рядом, приперла к стенке. То есть, подошла так близко, что мне ничего не оставалось сделать, как вытянуться в струну и стараться не дышать. Седалия и раньше никогда не соблюдала личного пространства, а в своем кабинете и вовсе чувствовала себя на родной территории. Меня уже солидно так потряхивало, когда она улыбнулась и произнесла, обдавая нас ароматом крепкого табака. Курить в Бюро было запрещено, но на Седалию правила не распространялись.

– Хочешь в отпуск, Наниша? – сладким голосом спросила начальница. Дьявол и тот мог бы поучиться у нее искушению.

Я сглотнула и отчаянно замотала головой. Может, доложили, что я едва не опоздала? Или кто-то из недовольных клиентов оказался со связями и пожаловался?

– Не хочу! – заверила я ее, чувствуя себя предательницей по отношению к Пешкасию и его любви. Слово «отпуск» звучало божественно.

– Не хочешь, а придется, – заявила Седалия, грозно нависая надо мной и загораживая весь кабинет. А так любопытно стало, что за гость в остроконечной шляпе ее навестил. Наверняка кто-то из магов, может, даже из самого Ковена?

До меня не сразу дошел смысл сказанного.

– Увольняете? – пролепетала я, внезапно осознав, что смысл жизни под названием «работа» вдруг оказался на краю пропасти и собрался туда падать.

– Глупости болтаешь, – фыркнула Седалия. – Ты же неза-

менимый сотрудник! Сегодня я совещалась с отделом кадров, и тебе рекомендовали отдых. У тебя налицо снижение производственных показателей, стрессоустойчивости и других важных для нас способностей. Надо отдохнуть. А теперь, главное, громко не радуйся, а то у меня левое ухо побаливает. Итак, пляши. За счет Бюро ты отправляешься не куда-нибудь, а в курортный город Дзио на Фестиваль гребешков. Пятизвездочный отель у моря и безлимитная карточка расходов – за наш счет. Ни в чем себе не отказывай. Отдохни хорошо, Наниша! Отпуск может быть и один раз в жизни, зато какой!

До тех пор, пока начальница не произнесла последнего предложения, я еще надеялась, что сумею выкрутиться. Первый и последний отпуск в жизни – звучало плохо.

Меня выставили за дверь, даже не выслушав робких возражений. Я же почему-то была уверена, что причина моих несчастий – тот самый неизвестный гость Седалии. Меня явно использовали, зная бы еще для каких целей! Ведь поведение начальницы противоречило всему ее существу. Чтобы она отправила в отпуск последнего сотрудника отдела – неслыханно! А Дзио, самый дорогой отель, да еще и расходы за счет компании – звучало неправдоподобно.

Может, если бы кто другой заглянул тогда к Седалии, про меня бы и не вспомнили? Но сделанного было не вернуть. Сердце чуяло: есть нам с Пешкасием гребешков. И охотиться за его канарейкой.

Утерянная было решимость возродилась внезапно, да еще и с небывалой силой. Что это я рано нос повесила? Может, у Седалии и были на меня планы, но в хитрости с дриадами мало кто потягаться сумеет. Что она велела? Отдыхать, ни в чем себе не отказывая? Значит, так с Пешкасием и поступим. А заодно и свои дела провернем. Даже если это и будет первый и последний отпуск в моей жизни.

Глава 2

В самолете Пешкасия укачало, и весь полет, длившийся долгих четыре часа, из моей сумочки раздавались подозрительные звуки. Дама, сидящая рядом, косилась на меня с тех пор, как я вдруг заявила спустя час после взлета, выскользнув из туалетной кабинки. Странная все-таки эта штука – порталы. Маги пусть и умные, но где-нибудь да перемудрят. Разве нельзя было настроить портал из нашего Межмирья так, чтобы я оказалась сразу в аэропорту Дзио?

Но нет, у нас все сложно. Как выяснилось, договориться с человеческим руководством не удалось, зато нашлась одна понимающая частная компания, которая за вознаграждение, разумеется, разрешила установить портал в туалетной кабинке одного из своих самолетов. В нем заранее бронировались места для мигрантов из Межмирья. Внезапное появление новых пассажиров объясняли переводом их из другого класса, мол, произошла путаница при посадке.

Наверное, моей соседке ничего не объясняли, потому что она пялилась на меня так, что аж захотелось пересесть. И дело было даже не в мерзких звуках из моей сумочки – за них я извинилась, притворившись, будто у меня бурчит в животе. Я была уверена, что дама пялилась на меня вовсе не из-за звуков, и внешность моя тоже была ни при чем.

Да, дриады похожи на людей, но отличия, конечно, имелись. В первую очередь, цветом кожи. У нас она немного зеленоватая, сухая и шершавая. Во время сильного ветра бывало, что и щепочки отлетали. Глаза у нас чуть больше, чем у людей, но с этим ничего поделать нельзя. Все дриады кажутся немного пучеглазыми. С головой мне повезло: там хотя бы волосы имелись и всего лишь одна веточка, которую я прятала в пучок, а некоторые дриады так всю жизнь и мучились – с хвостом на макушке. Фигура у меня немного корявая, ноги далеко не ровные, да и руки не всегда прямо вытягивались, но в целом я была собой довольна. Мне ведь всего тридцать исполнилось – для дриад возраст несерьезный. В общем, кожу я замаскировала кремом и пудрой. Пусть и выглядело странно, но зато не вызывало подозрений. Длинная джинсовая юбка в пол скрыла кривые ноги, под свободными рукавами спрятались не совсем обычные руки, а единственная веточка на моей голове исчезла в традиционном пучке волос, который я сверху еще и шляпкой прикрыла.

Одежду подбирал Пешкасий, так как в моем гардеробе одни пиджаки да брюки имелись. В отпуск меня отправили оперативно – на следующее утро. Времени было лишь на то, чтобы отдать ключи от кабинета молодой стажерке Юле родом из средних демонов, да пожелать ей удачи. А что еще оставалось? Хорошо, что багаж собирать не пришлось. Из Межмирья летели налегке. Наплечная сумка с Пешкасием и банковской карточкой – вот и вся моя кладь. Еж, к слову,

пересекал границу нелегально. Я уже собиралась было прощаться с ним на недельку, так как понятия не имела, как уговорить дежурного мага портала пропустить друга, но Пешкасий снова удивил: маг оказался его хорошим знакомым и на незарегистрированного ежа в сумочке внимания не обратил.

– Извините, а как вы сюда попали? – не выдержала любопытная соседка. – Я последняя садилась, и вас не видела.

Может, она следователем работала? Или просто такая натура у нее была? Меня предупреждали, что у людей есть привычка лезть не в свое дело, но я не ожидала столкнуться с ней уже в самолете.

– От пилота, – неопределенно махнула я рукой и поняла, что надо было выбирать версию получше. В глазах соседки сверкнуло презрение. Интересно, за кого она меня приняла? Ну, хотя бы отвернулась, а то мне надо было сунуть Пешкасию еще один пакетик и куда-то деть уже заполненный.

Весь оставшийся полет в голове крутились мысли про демоницу Юлю, которую Седалия каким-то образом нашла на мое место за одну ночь. Как она там выживает? Иначе как выживанием ее жизнь сейчас назвать было нельзя.

Чем ближе я подлетала к Дзио, тем слабее становились узы, державшие меня прикованными всю жизнь к работе. Вспоминались былые деньки, когда я, очень молодая и тогда совсем зеленая – в буквальном смысле, только отделилась от материнского дерева. Отец сразу же забрал меня и привез в Межмирье. Мне едва исполнилось десять. Уже тогда моя

жизнь принадлежала Бюро. Я ходила в детский сад при Бюро, училась в школе при нашей же компании, закончила колледж, который готовил специалистов для Бюро, а потом, благодаря папочкиным связям, устроилась уборщицей. Остальным выпускникам повезло меньше. Многие вернулись в родительские миры, где не знали, что делать с той массой знаний, что в нас впахнули, готовя к работе с человеческим миром. Болтали, что из таких вот «неустроенных» вырастали повстанцы, бунтари и разбойники. Они качали трон Ковена магов и бередили умы простого народа. Их с трудом отлавливали, вешали или сжигали. По мне, так один расход кадровых ресурсов, но, с тех пор как в Бюро оставили лишь одно направление – миграцию в Дзио, Ковен магов сильно сократил финансирование и, соответственно, количество сотрудников.

Подруге я написала еще из Межмирья. У нас работала система быстрой связи с теми, кто уже переселился к людям. Как она работала – не объяснить, я в таких штуках совсем не разбиралась. Писали короткие записки, отправляли в трубу-портал, которая из другого конца очень скоро выдавала ответ. Болтали, что такие порталы очень небезопасны, и, если случайно сунуть в нее палец, можно без него остаться. В целях безопасности сообщения для Ислы я вкладывала в трубу щипцами.

Написала, что выезжаю, мол, пляши от радости и встречай. Не знаю, как эта труба работала, может, сбрасывала

письма прямо на голову адресата и дожидалась ответа, но Исла ответила буквально сразу. «Отдыхай сама, занята». Подумав, я добавила вторую записку. «Мне дали безлимитную карточку». Я все-таки хорошо знала подругу, потому что сразу прилетел тот ответ, который был мне нужен: «Работа подождет. Встречу. Отдохнем по полной». Эх, знала бы я, что значит это «по полной», сто раз подумала бы, прежде чем звать Ислу. Доехать до отеля и на такси можно было. Однако при слове «такси» сразу вспомнился тот оборотень, Ашот Косиман, и я подумала, что лучше Исла. В конце концов, жалко мне, что ли, корпоративных денег? Седалия сама сказала, чтобы я себе ни в чем не отказывала. А с Ашотом лучше было вообще не встречаться. Я как-никак собиралась похищать у него канарейку.

В аэропорту я, конечно, растерялась. Такое обилие людей на дриаду, привыкшую к тиши заваленного бумагами архива, действовало угнетающе. Я вжалась в стену и решила немного подождать, когда схлынет толпа, но стратегия была провальной – людей лишь прибывало. Они были похожи на грозовые облака затяжной непогоды. Только одни тучи пройдут, их место занимают новые. Не знаю, что бы я делала, если бы не Пешкасий. Еж уверенно выбрался из не очень хорошо пахнувшей сумки и покатился под ноги ближайшей компании.

– Крыса! – завизжала дама. Я за Пешкасия обиделась, но замысел поняла. Человеческий поток раздвигался в сторо-

ны от потенциальной угрозы, и я в этот тоннель вклинилась. Так и бежала, не сбавляя темпа, пока едва не врезалась в Ислу, которая уже тискала Пешкасия, подхватив его на руки. У русалок очень твердая кожа, иглы ежей им кажутся мягким ворсом. Пешкасий за это Ислу не переваривал, и я поспешила его спасти, засунув обратно в сумку. Пусть там и воняло, зато было спокойно. Пешкасий, похоже, был того же мнения.

– Ты же из своей дыры никогда не выбиралась, представляю, сколько у тебя вопросов, – сказала мне Исла вместо приветствия. – Карточку не забыла?

Это мне в ней и нравилось – прямолинейность. Зачем притворяться, что ценишь в человеке доброту, ум или дружелюбие, если тебе нужны только его деньги? Хотя вопрос, конечно, обидел. Может, я никогда и не выезжала из Межмирья, но в теории знала о мире людей все. Наверное, так бы «теоретиком» и осталась, если бы не Пешкасий со своей любовью.

Сам Пешкасий всегда предпочитал практику и сразу потребовал, чтобы Исла дала ему подержать руль. Бывшая русалка, забыв, что восхищалась им минуту назад, велела ему заткнуться, или она купит ему намордник.

– Ты в своем уме? – накричала она на него, почему-то глядя на меня. – Если тебя услышат, влипнут все, и я тоже. Ежи в Дзю молчат. Мне проблем с «дятлами» не нужно.

Интуитивно я поняла, что «дятлами» Исла называла не птиц. По смыслу предложения можно было догадаться, что

она имела в виду местную полицию, но я читала только про «мусоров», да и то, выражение уже устаревало.

– Те, кто за нашими следят, – великодушно объяснила Исла. – Полиция Межмирья, она здесь под прикрытием работает. К людям не суется, но к нам постоянно цепляется. Не я их «дятлами» назвала, но один раз встретила и поняла – в точку. Долбят так, что голова потом еще долго ноет. Поэтому ежа держи на коротком поводке. Если узнают, что нелегал, отправят на фарш.

Я решила не уточнять про фарш – и так звучало плохо. Пешкасий, конечно, обиделся, но из нас троих он соображал лучше всех, поэтому заявил, что будет общаться с нами на языке жестов и отправился в сумку спать.

– Разбуди, когда приедем в гостиницу, – пробурчал он где-то под моим локтем. – Я в душ – первый.

Выйдя из здания аэропорта, похожего на коробку со стеклами, мы побрели по огромному заасфальтированному полю. Да, к местным реалиям мне привыкать и привыкать. Я бы предпочла шлепать босиком по полю с травкой, но подобные фантазии следовало гнать из головы прочь. Я приехала отдыхать хоть и на курорт, но все-таки в город.

Аэропорт находился в окрестностях Дзио, и оставалось надеяться, что в самом городе погода лучше, чем та морось, что мелко сыпалась мне на голову. Тучи обложили горизонт со всех сторон, и нужно было быть сильно оптимисткой, чтобы надеяться на солнце в Дзио.

А я больше всего хотела солнца, ведь с тех пор как стала работать, его в моей жизни практически не было. Еще море, загадала я про себя. И теплый песочек. А может, осмелею настолько, что зафрахтую яхту или катер и отправлюсь куда-нибудь на острова. Пляжи в Дзио были хорошие, но отдыхать все ехали именно на Золотой остров, который соединялся с городом Золотым мостом. С названиями у людей всегда было сложно. Но сначала прикуплю себе теплой одежды, не совсем логично закончила я свои фантазии о пляжном отдыхе. И запоздало вспомнила про канарейку. Как там это кафе называлось? «Для своих», кажется. Надо будет предложить Исле там отобедать. Съездить на разведку, так сказать. А может, нам повезет, и мы сразу найдем там канарейку? Однако спасти Сун-Пак в первый же день почему-то не хотелось. Я уже настроилась на увлекательную программу с лежанием на песочке днем и поисками птицы по вечерам.

Пока мы шли до машины Ислы, я окончательно продрогла. Сама Исла была закутана в теплый длинный кардиган, из-под которого торчали две изящные ножки, затянутые в кожаные лосины. Про то, как она умудрялась не падать на таких каблуках, я старалась не думать. Глядя на ее ноги, я еще раз подумала про ведьмино волшебство. Интересно, а меня красивой она могла бы сделать? Не то чтобы я была недовольна своей внешностью, но заноза где-то сидела. Когда ты вся такая корявая и деревянная работаешь в компании девиц-красавиц, то поневоле задумаешься о настоя-

щих ценностях в жизни.

– Не могла ближе припарковаться? – снова подал голос Пешкасий, недовольный, что я трясу его в сумке так долго. К его счастью, голос у него такой же писклявый, как и у меня, поэтому, когда Исла сердито обернулась, мне ничего не оставалось, как подыграть:

– То есть, я хотела спросить, почему ты не остановилась, например, вон там, – и я с самым невинным образом указала на машины, стоявшие прямо у входа в здание. При этом только сейчас обратила внимание, что на крыше аэропорта был установлен огромный транспарант с надписью: «Добро пожаловать на Фестиваль гребешка!». Да уж, праздновали они явно с масштабом. В самолете на спинке кресел тоже висели похожие плакаты – всех звали в Дзио на фестиваль. Мне же этого гребешка совсем не хотелось. Солнце и море – их было бы вполне достаточно.

– Потому что я не миллионерша, – сурово отрезала Исла. – Там только такси могут стоять, которым богатики время стоянки оплачивают. В Дзио много чего хорошего, но цены к этому не относятся. Мы пришли.

Такси у аэропорта, правда, стояло много. Может, и Ашот кого-то там сейчас ждал? Тьфу, напасть, что он у меня в мыслях все время крутится?

Я окинула взглядом цепочку машин, припаркованных за пропускным пунктом, пытаюсь угадать, какая из них принадлежала Исле. Сразу вспомнилось, что Дзио называют горо-

дом машин. Такого разнообразия автомобильного транспорта вряд ли где еще увидишь.

– Спорим, у нее вон та розовая табуретка, – прошептал из сумки Пешкасий. Оказывается, нос у него давно торчал наружу. Любопытство не порок, если речь не идет про ежей.

– Какая табуретка? – не поняла я.

– Легковушки-малолитражки здесь так называют, – фыркнул Пешкасий. – А говорила еще, что все про Дзио знаешь. Хвастушка.

– Болтушка, – не осталась я без ответа. Маленькая розовая машинка мне понравилась, но Исла уверенно подошла к монстру, припаркованному сзади.

– Это что? – ошарашенно спросила я, разглядывая танк на колесах.

– Вот это да! – восхищенно присвистнул еж у меня под мышкой. – Представляю, сколько бензина эта красавица жрет.

У Пешкасия всегда так было. Если ему что-то нравилось, то это что-то наделялось женским полом. Все, что вызывало ежиное недовольство, относилось к полу мужскому.

– Ах, как бы я хотела оказаться на твоём месте, Нанишка, – закатила глаза Исла. – Впервые увидеть крузак и влюбиться в него с первого взгляда – такие воспоминания многого стоят.

Покопавшись в памяти, я выловила пару похожих названий, но решила внимание не автомобильной теме не заост-

рять. Интуиция подсказывала: Исла готова болтать о своем «монстре» всю дорогу.

– Погнали отдыхать! – радостно завопила бывшая русалка и утопила педаль газа в пол. Я только порадовалась, что успела пристегнуться.

А вот про манеру езды в Дзио я читала внимательно и много чего запомнила. Прежде всего потому, что было смешно – на бумаге, конечно. Когда я поняла, что Исла относится к тем самым водителям, которые хронически не умеют ездить по правилам – а Правила Дорожного Движения я на всякий случай выучила, то пожалела, что с ней встретилась.

В боковых стеклах деревья превратились в сплошную зеленую полосу, будто художник жирно провел кистью по холсту, а в лобовом окне замельтешили машинки, уступающие путь ислиному монстру. Русалка гнала по левой полосе с таким видом, будто по дороге кроме нее больше никто не ехал. Догнав впереди едущий транспорт, она сразу принималась прижиматься к нему, сокращая дистанцию меньше метра и сигналижая до тех пор, пока машина не уезжала вправо. Некоторые не уступали, тогда Исла начинала юлить и перестраиваться, пока не оказывалась впереди «наглеца». Какое-то время она его «учила». Пристроившись впереди, то притормаживала, то ускорялась, дразня и доводя водителя до бешенства. Потом, поддав газу, оставляла его далеко позади.

– Женщина за рулем, вот вам – женщина за рулем, – иногда приговаривала она, а я всерьез опасалась, что зелень на

моем лице проступит даже сквозь крем. И вообще, хорошо было бы взять такси. А еще лучше, если бы Исла не ноги сделали, а навели порядок в башке. У нее там бардак был похуже моего.

Зато Пешкасий от езды Ислы пришел в буйный восторг. Особенно, когда на нашем пути встретилась пробка, и машина-монстр под управлением русалки смело свернула на обочину и, оставив в пыльном хвосте терпеливые авто, водителей которых она обозвала как-то на «л», на полной скорости объехала затор.

Пожалев, что не успела проникнуться никакой религией, и поняв, что молитвы в моем случае не помогут, я скорчилась на сиденье и принялась глядеть на зеленую мазню в боковом окне. Там иногда мелькали домишки разного калибра. Поменьше – где люди жили, побольше – где они тусили. Когда мы проезжали две гигантские стеклянные коробки, стоявшие по обеим сторонам трассы, Исла притормозила, позволив мне разглядеть сотни машин, припаркованных на стоянках у зданий, а также на каждом этаже внутри. «Здесь люди покупают тех самых дорожных монстров», догадалась я раньше, чем Исла принялась нахваливать «авто-салоны» – так эти коробки назывались. У входа одного из них стояла металлическая статуя смешно присевшего человека. Он изображал то ли боевую стойку, то ли просто дурачился. Как статуя была связана с машинами, я не сообразила, но она мне понравилась больше, чем сами авто. Видимо, я была совсем

не автолюбительница.

Мы проехали еще несколько таких коробок, которых по мере приближения к городу становилось больше. Я читала надписи и пыталась угадать, что там продают. «Соль и перец» – гласило одно название. Думала – специи, но нет, судя по надписи ниже, там продавали пиццу. С «Миром электрики» и «Миром дверей» вопросов не возникло. Я с переселенцами из разных миров работала, меня таким было не удивить. Видимо, мигранты пытались воссоздать часть родных мест на чужбине. А вот название «Гордянка сити» на совсем уж некрасивом гиганте из стекла и металла в окружении полей, покрытых асфальтом, заставило меня поломать голову. То, что вокруг здания, а также на некоторых этажах внутри него, стояли машины, было неудивительно. Автомобили в Дзио разве что по воздуху еще не летали.

Люди в эту «Гордянку сити» шли толпами, обратно возвращаясь с корзинками и пакетами, и во мне закралось подозрение – неужели магазин? Таких торговых размахов я еще не видела. Еще одно место тоже вызвало недоумение. С назначением его все было понятно – кладбище и у нас похоже выглядело, но могилы здесь едва ли не напоздали на трассу. Почему-то из всей пригородной дороги кладбище больше всего и запомнилось – его было слишком много.

Ближе к городу стало встречаться больше заборов, автозаправок и красивых девушек в ярких нарядах, которые стояли совсем близко у дороги и «голосовали». Про то, как «го-

лосуют» на дорогах я читала, но желание девушек поймать попутную машину вызывало вопросы хотя бы потому, что автобусных остановок вдоль дороги было наткано не меньше, чем и заправок.

Автобусы, кстати, меня спасли, а ведь я была уверена, что меня стошнит прямо в сумочку с Пешкасием. Обогнать эти махины, особенно если они занимают обе полосы дороги, было невозможно даже по обочине, огороженной леерами. Исла недовольно притормозила и явно заскучала. Потыкав пальчиком по приборной доске, она опустила стекла и включила какую-то дикую музыку, от громкости которой меня едва ли не вырубил на месте. Пешкасий, еще недавно восхищавшийся русалкой, тоже затих, видимо, решая, как выжить и при этом сохранить лицо, то есть морду.

На этот раз нас выручила впереди едущая машина. Справа шла плотная колонна из грузовиков и автобусов, а спереди, не спеша, на скорости то ли семьдесят, то ли шестьдесят километров в час колупался желтенький автомобиль. Разглядев на нем шашечки такси, я поняла, почему Исла ругается.

– Эти чертовы таксисты, вечно от них проблемы, – бубнила она, едва ли не прижавшись к бамперу переднего авто. – То гонят, как идиоты, то ползут, как улитки. Я тебе клянусь, там одни геи в этом такси, лучше в лоховозке потрястись, чем такси заказывать.

Я снова не поняла ни слова. Так как молиться было некому, я решила, что можно попробовать проклятия. Будь про-

клят тот день, когда Седалия отпустила всех других сотрудников в отпуск и на больничные, и тот момент, когда я заглянула к ней в кабинет. И особенно будь проклят тот оборотень по имени Ашот Косиман, который мучил свою канарейку. Пешкасия тоже можно было вспомнить недобрым словом, потому что это ведь он, на самом деле, все затеял. Не стоило ему влюбляться во всяких там пернатых.

Кстати, про Ашота. Исле все-таки удалось вклиниться между фурой и автобусом – от такого маневра позеленел даже Пешкасий. Мы поравнялись с такси. Боковые стекла у него тоже были опущены, и я без труда узнала моего последнего клиента. Он совсем не изменился. Почему-то, глядя на него, я упорно видела волчью морду, а человеческие черты отступали куда-то на задний план.

Повернувшись к нам, Ашот Косиман улыбнулся и послал воздушный поцелуй, который, разумеется, предназначался Исле. Я прекрасно осознавала, как выглядела. С блестящей от крема и пота физиономией, выпученными от страха глазами и взлохмаченными волосами, я вряд ли могла быть той, кому посылали воздушные поцелуи.

Исла тоже поняла, что поцелуй предназначался исключительно ей, отчего буквально взбесилась.

– Придурок! – заорала она через меня в открытое окно, к счастью, сделав музыку потише. Правда, я уже к тому времени оглохла и понимала все через слово.

– Мозги включи и корыто свое немедленно подвинь! –

надрывалась Исла, таксист же лишь улыбался, будто она в него комплиментами сыпала.

– И как тебе в Дзио? – вдруг спросил он, и я растерянно оглянулась на подругу. Ведь это же он ее спрашивал, правда? Теперь настал черед Ислы зеленеть от бешенства. Я слышала, что люди в гневе краснеют, но с русалками все было иначе. В приступах ярости они становились буквально зелеными.

Не знаю, как ей это удалось, но следующий трюк Ислы едва не отправил нас всех обратно в Межмирье. Болтали, что после смерти мигранты именно туда и возвращались, правда, уже не в свое обличье. Фура, едущая впереди нас, ускорила, Исла поймала момент и, втопив педаль газа в пол, резко перестроилась, вырулив перед таксистом. Даже я, далеко не водитель, понимала, что столкновения не избежать, но у Ашота, видимо, порядка в голове было больше нашего. Чего он не предусмотрел, а может, просто не успел подумать, так это то, что сзади двигалось авто с водителем, похожим на Ислу. Расстояния до такси у него практически не было, и в бампер машины Ашота с треском впечатался очередной «танк».

– Получил! Так тебе! – завопила Исла, а я в ужасе прижала сумочку к груди, понимая, что совсем не узнаю ту, что сидела за рулем джипа. Одно успокаивало: в боковом зеркале было видно, что никто не пострадал. Я успела заметить, как из такси выбрался целый и невредимый Ашот, а ему на-

встречу шел, размахивая руками другой водитель. За нами дорожное полотно оставалось пустым – из-за аварии в город образовалась огромная пробка.

В Дзио мы въехали в молчании. Исла думала о своем, я же мечтала о том моменте, когда останусь в отеле одна с Пешкасием. Похоже, мне понадобится время, чтобы снова настроиться на отдых и мысли о спасении канарейки. Встретаться с Ашотом снова совсем не хотелось.

Глава 3

И хотя утро выдалось тревожным, все, что произошло днем и после заставило меня забыть о неприятностях. К полудню распогодилось, и Дзио предстал во всей красе. С пятнадцатого этажа отеля «Хюндай» и вовсе дух захватывало. Город стоял на холмах, сползающих в лазурную бухту, усеянную крошечными островами. Тут и там по водной глади мелькали катера, яхты и корабли. Справа виднелся морской вокзал с причалами и кранами для разгрузки. Слева возвышалась крутая сопка, утыканная высотными зданиями наподобие моего отеля. Прямо посередине открывался вид на просторную площадь с памятником, изображающим обнимающуюся пару. С высоты толпы людей, разгуливающие по площади, были похожи на крошечных насекомых.

Весь Дзио был испещрен узкими улочками, которые местами соединялись в широкие проспекты, скрывающиеся за очередным холмом или сопкой. Дома более старой постройки – каменные, с колоннами, витиеватой лепниной на балконах и карнизах, двускатными крышами – сосредотачивались к центру, за ними же начинались здания моложе: функциональные, геометрические, из стекла, бетона и металла. Мне больше понравились первые. Небольшие парки и скверы зеленели на каждой улице, приятно услаждая глаз, но настоя-

щим пиршеством для зрения уставшего от работы человека было море. К нему вела просторная набережная, начинающаяся от площади.

На горизонте еще виднелся туман, накрывающий город утром. Теперь же от непогоды остались лишь редкие облака, нависшие над лазурной гладью.

Я хотела туда, к воде, к песку, к самому сердцу Дзио, чтобы полной грудью вдохнуть самый вкусный воздух, которым мне доводилось дышать. Но вбежавшая следом в номер Исла перечеркнула все планы.

– Этот пусть посидит здесь, – распорядилась она, зашвыривая Пешкасия в гардероб. – Он говорящий и потенциально опасный. Накануне Фестиваля «дятлов» в городе столько, что чихнуть без пропуска не дают. Твой еж нас заложит.

Я не сразу вспомнила, кто такие «дятлы», но потом догадалась, что речь идет о местной полиции, которая следила за приезжими.

– Дай карточку, закажу нам на вечер по массажисту, – огорошила меня Исла. – Отпуск же! Как можно без мужчины?

– А у тебя разве нет?

– У меня есть, – фыркнула бывшая русалка. – Нет у тебя, а я проконтролирую.

Я не успела и слова сказать, как подруга вытащила карточку из моего кошелька и исчезла за дверью. В этом была вся Исла – если уж что решила, ее не остановить.

Освободив возмущенного Пешкасия из шкафа, я приня-

лась закидывать его в рюкзак. Процесс шел медленно, еж путешествовать у меня на спине не хотел, а перспектива глядеть на Дзио сквозь дырочку вообще его раздражала.

– Нет, я не собираюсь лежать на пляже, – возражала я, понимая, что лгу самой себе. Что мне сейчас хотелось больше всего, так это мягкого песочка под ногами. – Мы будем искать Сун-Пак, клянусь. Начнем с кафе, как там его? «Для своих», кажется?

– Надо было прижать того прямоходящего на трассе, – фыркнул Пешкасий. Когда он злился, все люди превращались у него в прямоходящих.

– Кажется, Исла так и сделала, – грустно произнесла я, вспомнив ту неудобную ситуацию. Может, Ашот и плохо обращался с Сун-Пак, но подруга поступила нехорошо.

По виду Пешкасия я поняла, что мне сейчас грозит отповедь на тему глупости двуногих, но в номер ворвалась Исла, и я поспешила застегнуть на рюкзаке «молнию», в последний момент едва не прищемив возмущенный ежиный носик.

– Начинаем! – торжественно произнесла подруга, вытаскивая меня в коридор. – Массажистов заказала, стриптизеров тоже. Вечер будет отменный!

– Э, – промямлила я, пытаюсь собраться с мыслями. В присутствии Ислы я всегда походила на травинку, попавшую в струю урагана. Поднять голову совсем не получалось.

– А ты знаешь такое кафе «Для своих»? – спросила я, решив тему с массажистами проигнорировать.

– Фу, гадкое место, – сразу отозвалась Исла. – Мы туда не пойдём.

В спину мне выразительно стукнули, и я придала голосу твердости:

– А мне туда надо! Фестиваль, кстати, уже начался?

– Надо так надо, – пожала плечами подруга. – Где находится, покажу, но сама туда – ни ногой. А Фестиваль, дорогуша, начинается сегодня вечером. Он три дня празднуется. С твоей карточкой ходить по таким кафе, как «Для своих» – стыдно. Нам нужен приличный уровень. Обедать будем в «Шу-Фу», это лучший ресторан Дзио, я там уже год не была, цены – заоблачные!

Дальше начался настоящий ад, который усугублялся периодическими тычками в спину. Я буквально почувствовала, каково это – оказаться меж двух огней. Пешкасий требовал кафе, Исла же была намерена пройтись по всем бутикам Дзио. Решив, что без помощи подруги нам все равно не обойтись, я выбрала ее сторону и мужественно терпела ежичные брыкания.

Если честно, модные магазины Дзио меня больше напугали, чем удивили. Швейцары в белых перчатках, бросающиеся навстречу, стоило тебе повернуть в сторону их бутика, или одинокая сумочка, расположившаяся на огромном пьедестале в просторном помещении, где кроме этой сумки и консультанта с охранником больше ничего не имелось, – это было страшно. А чего стоили манекены в странных пло-

хо сочетающихся нарядах без ценников. На мое робкое замечание, что смотрится плохо, Исла объявила, что у меня нет вкуса. В общем, первую часть программы я выдержала с трудом и искренне надеялась, что подобного не повторится. Если завтра Исле приспичит повторить шоппинг, отдам ей карту, а сама отправлюсь на пляж. Пешкасий же сам пусть ищет свою даму сердца. Удивительно, как благородные порывы души таяли в этом пропитанном солнцем и морским воздухом Дзюо.

Обед в «Шу Фу» был примечателен обилием людей в белых перчатках, которые подбегали каждый раз, когда я пыталась посмотреть в окно. Вид из него открывался еще лучше, чем из моего номера. Эта часть города была куда зеленее центрального квартала. Изумрудные сопки с редкими вкраплениями домов, затерявшихся в тени деревьев, глубоко врезались в неподвижные воды залива, и от этого зрелища душу охватывали восторг и умиротворение одновременно. По крайней мере – мою. Потому что Исла была занята меню, а Пешкасий посылал волны недовольства из-под стола. К нашему счастью, он пока еще молчал, видимо, тоже напуганный слухами о «дятлах», но периодически толкал меня в ногу.

– Вони они, «дятлы», – очень кстати сказала Исла, указав на парочку в дальнем углу. Ничем не выдающиеся мужчина и женщина средних лет, одетые куда приличней, чем мы с подругой. После шоппинга я чувствовала себя чучелом, но

перечить Исле было трудно. На ней короткое красное платье и такого же цвета туфли на огромных платформах смотрелись великолепно, на мне же ярко-синие брюки и желтая блуза выглядели по-клоунски.

«Это все оттого, что ты не хочешь расстаться со своим ужасным рюкзаком», – отчитала меня Исла, пытаясь всучить мне ту самую одинокую сумочку из магазина-салона. Я наотрез отказалась, и подруга забрала сумку себе.

«Дятлы» внимания на нас не обращали, зато Пешкасий, услышав подозрительное слово, успокоился. Я пригляделась к парочке, но общего у них заметила лишь то, что каждый носил часы. Не считать же всех, кто носит часы в Дзио, «дятлами»?

Я в еде никогда особенно не разбиралась и разрешила Исле выбирать за двоих, о чем пожалела так же, как по дороге из аэропорта. На наш столик не самого маленького размера едва уместилось внушительное блюдо с грудой морских тварей, застывших в судорогах в тот момент, когда их настигла смерть. Щупальца всех цветов радуги, отрубленные рыбы головы, желеобразные медузы и раковины с вывалившимся из них разваренным мясом цвета фуксии – все это обещало сниться в кошмарах.

– Телария, – радостно объявила Исла, вылавливая из блюда смерти сизую рыбешку. Она умудрилась затолкать ее в рот целиком и принялась жевать, блаженно закатив глаза. Сейчас Исла как никогда напоминала мою подругу-русалку.

– Че не ешь? – возмутилась она, еще не поняв, что я с трудом сдерживала рвотный рефлекс. Пешкасий при слове «телария» возмущенно заерзал в рюкзаке, но ему хватило ума не высовываться и не усложнять и без того трудную ситуацию.

– А гребешок есть? – пискнула я, решив с теларией не экспериментировать.

– Разумеется, вот! – Исла выудила из-под груди щупалец раковину с колышущимся на ней кусочком розового желе. – Здесь его готовят изумительно. Но все-таки советую теларию. Кушать ее надо с хвоста и желательно целиком, не откусывая. Так все соки попадут прямо в рот, а не на тарелку.

Сглотнув, я уже решила переходить к плану Б, а именно – бежать в туалет и сидеть там до тех пор, пока Исла не закончит есть морских гадов, но тут мой взгляд упал на плакат, висящий рядом со стойкой бара. На постере был изображен тот самый маг, Ролан Роландо, которого начальница привела ко мне оформлять без очереди. Мужчина щеголевато придерживал шляпу и указывал пальцем на надпись внизу плаката: «Открытие Фестиваля в кафе «Для своих». Вход бесплатный».

Исла поймала мой взгляд и тоже уставилась на Роландо.

– Ах, какой! – протянула она. – Моя мечта! В прошлом году я так и не попала на его семинар. Билетов не хватило. Впрочем, наверняка, он будет раздавать приглашения на открытие. Нам нужно туда попасть!

– Да! – подхватила я, не ожидавшая, что удастся заманить Ислу в нужное кафе так быстро. – Но тебе ведь это место не нравится.

– Плевать, – фыркнула русалка. – Ради Роландо я и в ад спущусь. Он – мастер, Великий Учитель, Тот, кто видит во тьме!

– А чему он учит? – решила я быть конкретнее.

– Успеху, – мечтательно произнесла Исла, не спуская глаз с плаката. – Успешный успех – вот его девиз. Тебе-то к нему точно нужно. За раз превратит тебя из деревяшки в прекрасную мебель.

Прозвучало устрашающе, но, к счастью, внимание Ислы вновь заняла телария, и «успешный успех» мы больше не обсуждали.

– Кафе с Роландо открывается только вечером, а значит, у нас часов пять, чтобы потратить еще немного денег с твоей карты, – сказала Исла, когда мы, наконец, покинули «Шу Фу». Надо было где-то покормить Пешкасия, да и мне не мешало бы подкрепиться. Горсть сухариков из хлебной корзинки совсем не насыщала.

– Снова шоппинг? – с ужасом спросила я.

– Не хочешь, не ходи, – смилостивилась подруга. – Я сама сбегая. А тебе надо бы к стилисту. С такой прической появляться на глазах у Роландо стыдно. У меня тут неподалеку есть знакомый, который с нашими работает.

– Но наверняка не с дриадами, – моя слабая попытка от-

биться от Ислы не увенчалась успехом.

– За прутик не волнуйся, – хмыкнула подруга, намекая на родовую веточку, которая торчала из моего жиденького пучка. – Рум сделает из тебя красавицу.

Мысль о том, что парикмахер случайно острижет мой прутик, всегда останавливала меня от похода в салон, пугала она и на этот раз. К счастью, со мной был Пешкасий, который умел говорить тогда, когда я голос теряла.

– Раскомандовалась, – заявил он Исле, выбираясь из рюкзака к ее великому недовольству и к моему испугу. Хорошо, что мы зашли в сквер, откуда полуденный зной прогнал всех гуляющих. Видимо, туристы собирались в других местах, а местные благоразумно пережидали жару дома. От утренней мороси и прохлады не осталось и следа.

– Ты зачем его из шкафа вытащила? – возмутилась Исла. – Я же велела его оставить!

– А затем, чтобы ты все деньги фирмы на шмотки не спустила, – не остался без ответа Пешкасий, показывая изумленной подруге карточку. – Видала? Теперь только с моего разрешения будешь ею пользоваться. И не ты даже, а она.

– Давай сюда карту, иглопуз-колючие булочки!

– Какие булочки? – настал черед ежа удивляться.

– Послушай, Исла, – вмешалась я. – К стилисту я не пойду. И в магазины тоже. Я на пляж хочу. Ведь это все-таки мой отпуск, верно?

– Да у тебя, кажется, есть язык! – возопил Пешкасий,

одобрительно хлопнув меня по плечу. – И ты умеешь разговаривать! Поехали к Сун-Пак прямо сейчас.

– Кто такая Сун-Пак? – требовательно спросила Исла, испепеляя ежа взглядом.

– Любовь его, потом расскажу, – махнула я рукой, направляясь к машине. – Отвези меня, пожалуйста, на пляж. А завтра, клянусь, весь день посвятим твоему шоппингу. Вечером – маг и кафе, как договаривались. Менять планы больше не будем.

С трудом найдя компромисс, мы добрались до городской набережной. Исла заверила, что в пределах Дзио лучшего пляжа не найти, в чем я сильно засомневалась, когда мы дошли до каменистого берега, покрытого водорослями и телами горожан. Им, кажется, было все равно, где лежать – на мягком песочке или неровной гальке. Лишь бы солнце сверху жарило. Большинство были похожи на подрумяненные булочки-гриль.

Городская набережная называлась «Спортивной», хотя ничего тематического я в ней не заметила. Слева от берега с телами и водорослями начинались пирсы, где сидели унылые рыбаки с удочками. Я мало что соображала в рыбалке, но от знакомых кикимор и водяных знала, что клева в жару не бывает. Тем не менее, пирсы, уходящие далеко в синюю воду, так и манили пройтись по ним. Я решила, что завтра отправлю Ислу по магазинам, а сама поброжу по всем пирсам набережной. Впрочем, что будет завтра, должен был ре-

шить сегодняшней вечер.

Справа от пляжа возвышалось большое круглое здание с нависающим над водой козырьком-балконом. Там расположилось кафе, под зонтиками которого собралось приличное количество посетителей. Я вспомнила, что сегодня четверг, рабочий день, но, видимо, Дзио в любое время суток был многолюден. Увидев плакат «Добро пожаловать на Фестиваль!», я понимающе кивнула. Постоянно забывала про этот праздник.

Круглое здание оказалось самым большим в городе кинотеатром, куда сразу захотел отправиться Пешкасий, но Исла заявила, что билеты мы уже не купим. Кинотеатр, мол, пользуется большим спросом, и их разбирают заранее. Может, и лгала, но смотреть фильмы в полутьме зала, когда на небе такое чудесное солнце, а под небом – синее море, мне совсем не хотелось, и Пешкасия я не поддержала.

– Мы сюда не развлекаться приехали, – напомнила я ему, из-за чего мы снова едва не поругались.

Конфликт был неминуем, потому что Исла увидела ярмарку рукоделия и стала требовать карточку, заявив, что хочет поддержать местных умельцев. Пешкасий же в ответ стал кричать, что он не знал ни одной ярмарки, где не процветали бы перекупщики, и в правоту своих слов ткнул в сторону лавки, заваленной ювелирными украшениями. Я была равнодушна к драгоценностям, но тоже засомневалась, что местные ювелиры владеют искусством в такой степени, что-

бы ваять кольца, цепи и короны. Хотя, вдруг у них здесь кузница, а мы голословно обвиняли их в мошенничестве?

Неизвестно, чем кончилась бы история с ярмаркой, но чья-то рука тяжело легла мне на плечо. Глаза Ислы, стоящей напротив, прищурились от злости, а Пешкасий пискнул и спрятался в рюкзак. Я медленно обернулась и встретилась взглядом с оборотнем Ашотом, который сейчас действительно был похож на зверя.

– Ну что, девочки, поговорим? – спросил он, сложив руки на мускулистой груди.

– Ты, урод, вали отсюда, – сразу перешла в наступление Исла, а я вдруг заметила за Ашотом еще две мужские фигуры, похожие на него по комплекции и внешнему виду. Кажется, он привел с собой дружков. Никогда не любила разборки, а учитывая неумное поведение Ислы, победа не обещала быть на нашей стороне.

– Сейчас сама отсюда поплывешь, русалочка, – сказал Ашот, отодвигая меня и делая шаг в сторону Ислы.

– Вы знакомы? – спросила я, чувствуя, что обязана вмешаться, а ничего умного в голову не приходило.

– Конечно, милая, – хамовато ответил мне Ашот. – А говорила, что в отпуск не собираешься. Все справки вовремя собрала, или таких, как ты, за красивые глаза пропускают?

Красивые глаза – точно не про меня. Но подсказка была получена, и я за нее ухватилась.

– Почему не сказала, что его знаешь? – обратилась я к на-

дущейся Исле. – И откуда? Я ведь его только вчера пропустила.

– Да он здесь каждый год бывает, – фыркнула русалка. – Держись от меня подальше, иначе я своих ребят на тебя на травлю, понял?

Или подруга блефовала, или я чего-то не знала. Каких таких «своих ребят»? Может, танцоров из ее шоу? В любом случае, вышло бы побоище. Я нисколько не сомневалась, что стоящие за спиной Ашота парни тоже были оборотнями. А вот сейчас появление «дятлов» точно бы не помешало.

– К тебе у меня тоже вопросы, – зыркнул в мою сторону Ашот. – Я из-за тебя на неделю позже сюда приехал. Зачем прикапывалась? Если понравился, могла бы прямо в лицо сказать, без этих ваших дамских ужимок.

«Не в лицо, а морду», – хотела огрызнуться я, но заставила себя быть вежливой:

– Вы хотите извинений? Пожалуйста. Мы извиняемся.

Ага, было бы все так просто.

– Нет, извинения не нужны, – сказал Ашот, не сводя с меня глаз. И чего уставился? – Деньги. У меня машина разбита в хлам, на чем я работать буду?

Видя, что Исла уже открыла рот, чтобы сказать ему, на чем он может работать, и подозревая самый худший вариант ответа, я поспешила вмешаться.

– Вот, держите, – я протянула ему карточку, вырвав ее из оцепеневших лапок Пешкасия, который предпочел притво-

ряться косметичкой в рюкзаке, чем выяснять отношения с «прямоходящим».

– Возьмете, сколько нужно на ремонт, а потом вернете. Сегодня вечером я буду в кафе «Для своих». Остановилась же я в «Хюндае».

У Ислы перехватило дыхание, Ашот же непонимающе уставился на карточку.

– Берите-берите, – я буквально всунула ее ему в руку. – Вы же сюда за деньгами пришли? Теперь они у вас есть. Простите, нам еще надо на пляже полежать.

Схватив обомлевшую подругу за рукав куртки, я протащила ее к каменистому берегу мимо изумленного Ашота, который проводил меня странным взглядом, но карточку забрал.

– Ты что творишь? – завопила Исла, глядя вслед уходящему Ашоту. Оборотень постоянно оборачивался и смотрел на нас, пока не исчез за углом здания.

– Пусти, его нужно догнать! Или заявить в полицию! Нас публично обокрали!

– Успокойся, – мне пришлось повысить голос, чтобы перекричать обезумевшую от горя подругу. На нас стали обращать внимание горожане, и я поспешила увести всю компанию к кустам, спрятавшись за цветущими ветками.

– Перегрелась на солнце, – вынес вердикт Пешкасий, глядя на меня с укором. – И вступила в сговор с врагом. Ты предательница, Наниша.

– Скажешь это, когда я освобожу твою курицу, – огрызнулась я.

– Она канарейка.

– Да хоть павлин! Это моя карточка, и я решаю, кто и где будет ее тратить.

– Ого, – присвистнула подруга. – Воздухом нашим ты, что ли, так надышалась. Тебя не узнать. Конечно, это твоя карточка. Вот только с Роланом и кафе вечером можешь попроситься. Там без денег делать нечего. Сейчас я поеду к себе, а ты завтра можешь весь день скучать на этой гальке. Как и хотела.

Русалка в сердцах пнула камешки под ногами, но тут же изумленно открыла рот, когда я расстегнула потайной карман рюкзака и вытащила пухлую пачку местных купюр.

– Сняла, когда ты сумочку покупала, – объяснила я ей. – На всякий случай. Я же перестраховщица. Как думаешь, на коктейли хватит?

Глава 4

Остаток дня мы провели, как я и мечтала, – на пляже. Выкупили два шезлонга и грелись на солнышке, пока Пешкасий, спрятавшись под моим лежаком, читал газету – пытался найти новости о Сун-Пак. Газету мы нашли специальную, ту, что выпускали для нечисти, поселившейся среди людей, но, судя по ворчанию ежика, все страницы были ожидаемо забиты предстоящим Фестивалем.

Мы же с Ислой спорили об Ашоте. Русалка была уверена, что карточки нам больше не видать.

– Он вернет, – утверждала я. Наверное, мне просто хотелось в это верить. С другой стороны, я была даже рада тому, что между мной и отпуском больше не стояла эта куча денег. Чем больше я пребывала в Дзио, тем чаще забывала, зачем приехала сюда на самом деле. Впрочем, я была уверена, что Сун-Пак мы освободим сегодня же вечером.

– Такие, как этот, до денег жадны – жуть, – не сдавалась Исла. – Да и обещания-то он тебе никакого не давал. Ты сказала «верни», а он что в ответ сделал? Повернулся спиной и ушел? А такой отпуск у тебя мог быть – сказочный!

– Откуда ты его знаешь? – спросила я, стараясь перевести тему с денег.

Исла долго молчала, но потом ответила.

– Да он кормаковский. В кафе ему клиентов возит.

Видя, что я начинаю закипать, ничего не понимая, она добавила:

– Кормак – это тварь, которая поселилась в Дзио раньше, чем маги проложили сюда портал. Он держит то самое кафе «Для своих», куда мы собрались. Пренеприятная личность. Бюро, да и вообще всех наших переселенцев, терпеть не может. Не знаю, как Ашот с ним сработался. Обычно Кормак с нечистыми дел не имеет. Он помешан на людях, и болтают, что сам хочет стать человеком.

– А он кто?

– Не разобрать, – пожала плечами Исла. – Знаю только, что он из другого лагеря и давно нарывается. Та самая ведьма, у которой я работаю, сильно его не переваривает. Говорят, его даже «дятлы» боятся. Ты не представляешь, как мне было приятно проучить того Ашота на дороге. Давно хотела поставить кормаковских на место. Но ты все испортила.

– А ты разве Кормака этого не боишься?

– Неа, – Исла вытянула на шезлонге свои красивые ноги. – Я получила эти прекрасные конечности, но осталась русалкой душой и сердцем. А вот тех, кто хочет променять свою сущность на человеческую, глубоко презираю. Надо оставаться собой – и телом, и мыслями.

Где-то Исла лукавила, но я решила не продолжать скользкую тему.

– Интересно, как наши обустройстваются тут среди людей? –

протянула я, оглядывая загорающих горожан. – Ведь наверняка половина лежащих здесь прошла через Бюро.

– Ну, не половина, но добрая четверть наберется, – согласилась Исла. – В Дзио хорошо, куда лучше, чем, скажем, в том же Санджире или Готенруге. Никакого деспотизма королевской власти, а про удобства и технологии я вообще молчу. Люди, конечно, живут и у нас, и даже в Межмирье, но горожане Дзио отличаются от них, как звезды на небе от своих отражений в луже.

Настал мой черед соглашаться. Межмирье строилось по образу и подобию человеческих городов, переняв определенные их удобства, например, сантехнику. Вода, текущая из крана в ванную или душевую, куда прекрасней чана, который нужно заливать вручную ведрами.

– А в остальном у нас здесь все свое, – откровенничала Исла. – Диаспора, одним словом. Свои салоны, магазины, кафе, кинотеатры. Вон тот, – она кивнула на круглый кинотеатр с надписью «Море», – построен переселенцем-вампиром. Такие деньги тянул поначалу – будто кровь высасывал. Очень дорогие билеты были, зато просмотр предлагался по высшему комфорту. У каждого зрителя свой официант, массажист, стилист, некоторым даже интимные услуги предлагали. В общем, не кино, а курорт. Но времена поменялись, вампира сместили свои же, теперь «Морем» гномы управляют, но, по слухам, они для вида, а настоящий хозяин – дракон. Зато цены демократичными стали. Что чашка кофе, что

билет в кино – одна сумма.

Я не помнила, чтобы Бюро переводов оформляло для миграции драконов, но решила этот вопрос обязательно потом у Седалии выяснить. Интересно же!

Разговор постепенно затих, солнце пекло в зените, уморив даже заводную Ислу. Я и вовсе придремала, погрузившись в приятную негу. Ведь в это время я обычно принимала двадцатого клиента за день – быстрее только накануне получилось, когда меня все разозлили, в том числе и этот Ашот. Мысли лениво потекли в сторону оборотня.

Интересно, вернет ли он карточку? Ашот производил впечатление вспыльчивого, но честного парня. А еще мне вдруг стало любопытно, что он обо мне думает. Наверное, давно записал во вражеский лагерь. Да и что он мог думать о дриаде с корявыми ногами и веточкой в голове? У самого-то с телосложением все в порядке было. Впрочем, лицо и фигура Ашота, больше подходящие атлету какому-нибудь, чем таксисту, вспоминались в последнюю очередь. Почему-то захотелось узнать, где, как и с кем он живет, о чем мечтает, зачем работает таксистом? Неужели для такого примечательного парня других работ в Дзио не нашлось?

«Ты стала слишком любопытной, Наниша», – одернула я себя. Надо сосредоточиться на главном – канарейке. И тут я поняла, что меня терзало. Если этот Ашот так бесчестно вел себя по отношению к пичуге, жестоко эксплуатируя ее во время праздников, то с чего я решила, что он вернет мне

карточку? Внешность – дело обманчивое.

Решив, что потерю карточки как-нибудь переживу, я наклонилась к Пешкасию, который прятался от жара под шезлонгом.

– Пишут что интересное? – спросила я, собираясь прогнать Ашота из мыслей. Местные новости – лучший мусор для засорения головы.

– Про Сун-Пак – ничего, – выразительно произнес Пешкасий, напоминая о цели нашего приезда. За сегодняшний день он мне об этом раз тридцать уже сказал.

– Но зато есть много про маньяка, – добавил он, шурша страницами. – Прошлым летом тоже девушки пропадали, вот начали и в этом сезоне. Вчера одна красотка исчезла. Гляди, какая страшная.

Из-под шезлонга высунулась лапка с зажатой газетной страницей, и я еще раз убедилась, что в людях Пешкасий все-таки не разобрался. Девушка была красавицей.

– Уже три дня ищут. Кстати, она из наших.

Точно, кивнула я своим мыслям. Газета-то была для мигрантов, значит, писала только о том, что касалось переселенцев.

– А кто она?

– Вроде как эльф. В прошлом году тоже эльфийки, в основном, пропадали.

Эльфийки красивые, подумалось мне. Не то что дриады.

– И что полиция думает?

– Тайна следствия, – фыркнул Пешкасий. – Но в народе считают, что это маньяк. Правда, прошлогодних тел так и не нашли. Впрочем, рядом же море. Любые следы уничтожит.

– Хотела бы я быть красивой, – подумала я вслух. – Пусть бы меня тоже похитили.

Пешкасий вылез из-под шезлонга полностью и вылил на меня воду с растаявшим льдом из стакана. Холодный душ помог прийти в себя и проснуться, хотя из-за моих воплей на нас еще долго оглядывались.

В тот день мы канарейку так и не нашли. Как не повстречали больше ни оборотня Ашота, ни мага Роландо. Перед тем как зайти во «вражеское» кафе, Исла надела парик, который, к нашему удивлению, извлекла из сумочки, и заявила, что говорить буду я, так как ее там хорошо знают и, скорее всего, выпроводят на улицу. Итак, я настроилась на боевой лад, готовая сражаться за канарейку со всеми оборотнями на свете.

Но все прошло на удивление мирно. Само кафе располагалось на берегу, в пригороде. Здесь не было ни мягкого песочка, ни даже колючей гальки – лишь огромные валуны, загораживающие море. Чтобы увидеть лазурную воду, пришлось бы на них забираться. Просторное двухэтажное здание с двумя террасами и вместительной парковкой переливалось огнями, буквально источая из себя свет. Ярко горели окна, приветливо мигали фонарики, украшавшие фасад, крышу и парковку. Кафе приютилось за очередным город-

ским парком. Судя по обилию деревьев и кустарников, мы находились на том самом мысе, утопающем в зелени, который я видела из окон ресторана. Поискав глазами высокую сопку, я легко нашла ее, так как надпись «Шу Фу», сияющую красным неонам, было трудно не заметить. Что ж, хоть кое-что я насчет этого Дзио поняла. Если потеряешься, ориентируйся по сопкам. Или по «Шу Фу».

В кафе играла спокойная живая музыка, со сцены душевно лился приятный женский голос, хотя саму певицу было не видать из-за снующих официантов и посетителей. А этот «Для своих», оказывается, был популярен: в зале собралось довольно много людей. И не-людей, поправила я себя, так как понять, кто из них имел человеческую природу, а кто нет, было сложно. Зато бросалось в глаза, что официантов явно не хватало. Недовольные люди за столиками то и дело нажимали на кнопки вызова персонала, но к ним не спешили подходить. По залу суетились два человека в фартуках – один довольно толстый и крупный мужчина в годах, другой – тощий подросток с замазанными прыщами на физиономии. Их компании явно бы не помешала расторопная официантка.

– Это она поет, она! – Пешкасий высунул мордочку из-за рюкзака, и в поле моего зрения нарисовалась лапка, указывающая на сцену. – Туда! Сун-Пак где-то рядом. Проклятая певичка забрала ее голос!

Я начала проталкиваться к сцене, Исла же потянула меня

в другую сторону.

– Вон он, Кормак, – сказала она, указывая на тощего подростка. – Змеюка подлая, косит под малолетку.

Я настолько удивилась, что какое-то время не обращала внимания на ежиные тычки в спину.

– Я думала, что он, ну, страшный там на вид, старый или еще какой...

– А разве он не страшный? – фыркнула Исла, но тут Кормак вдруг обернулся и быстрым шагом направился к нам.

– Чем могу помочь, русалка Исла? – спросил он, легко разгадав маскарад подруги.

– Если ты насчет денег, то мы Ашоту уже заплатили, – сказала она сквозь зубы. – И ждем, чтобы он вернул нам карточку.

– Ашот ничего мне не говорил, но заедет сегодня вечером, сами у него спросите. Вы дриада из Межмирья?

А от этого Кормака трудно было скрыться. Он даже Пешкасия заметил.

– О, еж из Драконьих Гор Саадула, давненько таких не встречал, – протянул подросток, ведя себя совсем не по возрасту. – Приветствую в наших краях. Большая честь для нас, что вы к нам заглянули.

Кажется, Пешкасий сильно его впечатлил. Так как кафе оказалось больше, чем я думала, и обыскивать его при таком количестве людей и при столь прозорливом хозяине было бы проблематично, я решила рискнуть и спросить напрямую.

– Мы здесь по двум причинам. Первая. Пешкасий хочет увидеть Сун-Пак. Это канарейка, чью фонограмму использует ваша певица. Вторая. Мы пришли послушать мага Ролана Роландо. В объявлении было сказано, что он выступает у вас.

Кормак оценил мою прямоту, потому что серьезно кивнул и пригласил следовать за собой. Усадив нас за столик рядом с баром, он занял свободный стул рядом и кивнул на певицу. Отсюда ее было хорошо видно. Девушка явно была эльфийских кровей, даже ушей не прятала.

– Это Лианна, – просто сказал он, а мы с Ислой лишь рты пораскрывали.

Про Лианну я не могла не слышать. Знаменитая эльфийская певица прогремела со своими хитами во многих наших мирах, выступала она даже в Межмирье, но потом мигрировала к людям, скрываясь от преследования фанатиков. Подозревать Лианну в использовании фонограммы было все равно, что считать Ашота – переодетой женщиной. Такого просто не могло быть! Пешкасий, разумеется, про Лианну слышал, но сдаваться не собирался.

– Наверняка она ваша не единственная певица. И вообще, вы знали, что у Ашота есть волшебная канарейка, завезенная сюда нелегально? Он зарабатывает на ней деньги!

Пешкасий редко к кому из людей обращался на «вы», видимо, что-то тоже прослышал про Кормака, раз вел себя с ним осторожно.

– Нет, про канарейку не знал, – честно признался Кормак. – А вот других певичц у нас нет. Да и Лианна не каждый день выступает. Просто сегодня открытие Фестиваля, вот она и согласилась поработать вечером. Кстати, у нас отменный гребешок, телария тоже есть. Хотите попробовать? Угощаю за счет заведения.

– К чему такая честь? – подозрительно сощурилась Исла.

– Дриады у нас бывают не часто, – признался Кормак, – а горных ежей так вообще в мире мало осталось. Обычно по вечерам кафе не работает. С шести у нас здесь танцы.

– Почему вы не пускаете к себе Ислу? – спросила я Кормака, решив и дальше соблюдать прямолинейность.

– Потому что в прошлый раз она затеяла драку с нашими танцорами, – также прямо ответил хозяин. – Сейчас она здесь из-за вас. Так сказать, исключение. Ей запрещено входить в кафе еще месяц.

– Козел, – не осталась без ответа Исла, но Кормак ее проигнорировал.

– Так, что там с канарейкой? – переспросил он.

– Она пропала, – сказала я, зажимая ежику рот. – Пешкасий встретился с ней, когда я оформляла ее хозяина в Бюро. Птицу зовут Сун-Пак, она, кажется, тоже из наших. Просила ее спасти.

– И вы бросили все и приехали сюда ради канарейки? – присвистнул Кормак, снова проявив прозорливость. Я порозовела от смущения.

– Ну, надо было помочь. Правда, если ее нет в кафе, то даже не знаю, где искать. Может, у Ашота дома? Вы не подскажите его адрес? Мы только убедимся, что с птицей все в порядке.

– Вообще-то, он живет у меня. За кафе есть домики для персонала, он один снимает. К сожалению, провести туда не могу. Это закрытая территория. Но вы можете дождаться его здесь и обо всем спросить. Я подойду, при мне обычно не лгут.

Вариант, предложенный Кормаком, показался мне идеальным, хотя Пешкасий и начал шипеть на ухо, что прыщавый сам лжет. Однако, когда Кормак стрельнул взглядом в сторону ежа, тот быстро исправился, добавив, что никаких прыщей не видит, да и вообще, почему бы не подождать.

– Ладно, – согласилась Исла, будто все только и ждали ее решения. – Остаемся. Тем более, что нам надо увидеть мага. Надеюсь, эта эльфийка скоро освободит сцену для настоящего профессионала.

Теперь Кормак смерил взглядом Ислу, которая вдруг побледнела и закашлялась. Я же подумала, что не хотела бы оказаться под таким прицелом.

– Вы про Ролана Роландо? – уточнил хозяин. – Увы, он перенес выступление на завтра. Отчасти из-за этого у нас так много людей. Пришлось попросить Лианну выступить, чтобы как-то усмирить публику.

Исла недовольно закатила глаза:

– Да здесь помереть от тоски можно! Я не собираюсь убивать себя скукой, дожидаясь этого твоего Ашота. Вызовешь такси, ладно? Я домой.

Она встала, не дожидаясь моего ответа, но вдруг замерла, открыв рот и уставившись на женщину, сидевшую за барной стойкой спиной к нам.

– Не может быть! – закричала она. – Ты? Здесь?

– О, вижу, у вас знакомые, – пробормотал Кормак, перехватывая взгляд Ислы. – Не буду мешать, развлекайтесь.

И он поспешно удалился, легко затерявшись среди гуляющей толпы. Мне показалось, что Кормак отчаянно не хотел встречаться с женщиной, сидевшей у бара. Дама была весьма импозантного вида. В корсете и узкой длинной юбке с разрезом, из которого выглядывала изящная ножка в чулках. На голове у нее возвышалась остроконечная шляпа, которая показалась мне смутно знакомой. Фигуре позавидовала бы и шестнадцатилетка, но лицо женщины сохранило следы времени. Впрочем, она их особо не скрывала, оттого весь ее облик окутывал особый шарм.

Исла схватила меня за руку и потащила к стойке.

– Я должна вас познакомить, – едва ли не вопила она от радости. С другой стороны меня схватил за штанину брюк Пешкасий.

– Мы должны обыскать это подозрительное заведение! – настаивал он.

– Начинай, – предложила я, заинтригованная незнаком-

кой, которая, к тому же, смотрела прямо на меня. – Я к тебе присоединюсь позже.

Позже – понятие растяжимое. Особенно если учесть, что знакомой Ислы оказалась та самая ведьма, которая сделала ей ноги и на которую подруга сейчас работала. Вот только их отношения совсем не были похожи на рабочие.

– Выпьем за встречу! – заявила Исла, пристраиваясь за стойку к ведьме с одной стороны и усаживая меня с другой.

– А давай, – кивнула женщина и, повернувшись ко мне, представилась:

– Лена.

– О, – только и сумела вымолвить я, – Наниша.

– Я не часто бываю в Дзио, – сказала Лена, кивая бармену. – Поэтому мы с Лисой редко видимся.

– Ислой, – поправила подруга, старательно улыбаясь.

– Не важно, – махнула рукой ведьма. – Ну так что, Наниша, о ком мечтаешь?

– Ни о ком! – выпалила я, на миг испугавшись, что ведьма Лена может прочесть мои мысли. Я ведь как раз думала об Ашоте – в смысле, когда он здесь появится с моей картой и все такое. Ничего лишнего!

– Мечта же у тебя есть? – продолжила расспрашивать ведьма, не обращая внимания на надувшуюся Ислу. Поняв, что начальница не уймется, пока не утолит ко мне интерес, подруга решила скоротать время, и подвинув бутылку с ярко-голубым напитком, плесканула всем в рюмки, которые

услужливо выставил на стойку бармен.

Вспомнив главную линию сегодняшнего вечера – прямо-ту, я решила не изменять традиции и выпалила:

– Хочу быть красивой!

– За мечту! – кивнула Лена и разом опрокинула в себя все три рюмки. – Бармен, повтори! Такой хочешь быть?

Она кивнула на красотку-блондинку в коротком платице, которая как раз подплыла к стойке в окружении кавалеров. Я лишь вздохнула и собралась было перевести разговор на канарейку – ведь надо же было извлечь хоть какую-нибудь пользу от знакомства с настоящей ведьмой. А эта, судя по виду и замашкам, была чародейкой не последнего класса. Но только я открыла рот, как передо мной появилась полная рюмка, и голос Лены настойчиво прошептал на ухо:

– Пьем все! За мечту!

«От одной рюмки ничего не будет», – мысленно прошептала я Пешкасию, который размахивал лапками под столом, видимо, не решаясь в одиночку отправиться на поиски Сун-Пак. Что было разумно, учитывая такое количество народа. Лианна закончила с лирикой и принялась за свои знаменитые танцевальные хиты, подняв публику из-за столов. Топали так, что вибрация отдавалось даже в стуле, на котором я сидела.

Напиток оказался бодрящий, с кислинкой и совсем не противный, как мне вначале подумалось. Зажигательные ритмы бились прямо в сердце, отчего хотелось пуститься в

пляс немедленно. Я и не помнила, когда последний раз танцевала. С моими кривыми ногами, конечно, сложные па бы не вышли, но нужно было срочно куда-то деть огромное количество энергии, которым я внезапно наполнилась.

– Будешь еще? – прозвучал на ухо голос-искуситель, и я уверенно кивнула. Конечно, буду! Ведь с одной рюмки совершенно не понятно, что за вкус у чудо напитка.

Я выпила рюмку, потом другую, каким-то образом у меня в руках оказалась бутылка, а я сама – на танцполе в окружении таких же, как я, веселящихся тел. Именно тел, потому что головы и все разумные мысли были отключены. Я дергалась, поднимала руки и ноги, крутила всем, что крутится, и улыбалась так, что у меня болели щеки. Исла и ведьма Лена хлопали в такт музыке и, кажется, кричали, что я лучшая. На короткий миг я вспомнила о Пешкасии, но ежика нигде не было видно, зато мир вдруг заполнили глаза Лены, которые, будто отлепившись от ее лица, нависли надо мной страшными призраками.

Танцпол сменился барной стойкой, новой бутылкой, снова огромными глазами, а потом мир заполнился чарующим голосом Лианны и, накренившись, потихоньку пополз куда-то в сторону. Последнее, что я помнила, это Ашота, который, расталкивая толпу, бежал ко мне, да еще хитрую улыбку Лены, ускользающую в темноту. Где-то на периферии зрения промелькнуло озабоченное лицо Кормака, исчезнувшее вслед за ведьмой.

– Держись, Наниша! – прошептал мне на ухо знакомый голос, но я уже совсем ничего не соображала. Кто-то подхватил меня на руки и, бережно прижимая к себе, осторожно понес туда, где уже исчезли Кормак и ведьма Лена – в темноту.

Глава 5

Чарующий звук прибоя, зовущие крики чаек, легкий шелест занавесей, развевающихся на ветру в открытом окне, свист закипающего чайника... Когда я поняла, что проснулась от этих волшебных звуков, а не от ненавистного рокота будильника, то первым делом подумала, что со мной что-то не так. Может, умерла? Голова раскалывалась так, что хотелось ее отрубить. В моей квартире в Межмирье яичницей и свежей выпечкой по утрам тоже не пахло. Пешкасий просыпался обычно в обед, а я готовить ленилась. После работы сил хватало лишь на то, что доползти до постели.

Сейчас я тоже лежала на кровати, и она определенно была не моей. Широкая, с темно-синей простыней, слишком твердой подушкой и без всякого намека на плюшевых медведей, которые жили в моей норке с незапамятных времен. Мысли с трудом поползли в обратную сторону. Внезапный отпуск, приезд в Дзио, отель, прогулки по городу, пьянка в баре. Кого-то здесь не хватало. Вспомнила! Пешкасия! Я ведь из-за него сюда приехала. А еще во вчерашнем дне была Исла, которая вела себя несносно весь день, разоряя Бюро через мою отпускную карточку. Помнила также Кормака, ведьму Лену и... Ашота. Если все перечисленные рядом отсутствовали, то последний стоял в проеме двери и выразительно на меня

глядел. У него даже глаз подергивался от напряжения – так пристально он меня разглядывал.

Я какое-то время поморгала ему в ответ, потому медленно обвела взглядом комнату – просторную, с деревянными панелями на стенах и единственной кроватью у окна, в которой я и лежала. Глаза задумчиво прошлись по темно-синим простыням и длинным женским ногам, высунувшимся из-под одеяла. Одна нога вытянулась вдоль кровати, другая свесилась на пол. Осознав, что лежать мне некомфортно, я задвигалась, и ноги, о чудо, повторили мои движения, подобравшись к груди – моей. Какое-то время я соображала, что это за невидаль такая, пока не обратила внимание на тонкие запястья, обхватившие худые колени.

А тут еще Ашот вытащил предмет, который держал за спиной, и молча показал его мне. В руках у него было зеркало. Небольшое такое, для бритья или для макияжа, но так как он стоял поодаль, женская фигура на кровати уместилась в нем полностью. Изящная блондинка с такими длинными ногами, что, казалось, они в прямом смысле растут от ушей, непонимающе глядела на Ашота, я же изумилась, почему не вижу в зеркале себя.

– У тебя проблемы, Наниша, – печально сказал Ашот. – Эх, не успел предупредить, чтобы ты с Ленкой не выпивала.

– Что, где? – проямлила я, разглядывая торчащие у меня под носом колени, которые, кажется, принадлежали мне.

– С ведьмой зря связалась, говорю.

– Ой, – пискнула я, а мужчина в дверях ехидно повторил:

– Вот именно – ой. Кстати, одежды твоего размера у меня нет. Есть футболка, которая будет явно, кхм, тесна в одном месте, и штаны для бега. Тоже большие. Но другого нет. А ходить голой тебе в моем доме нельзя. Потому что я, конечно, оборотень благородный, но женские формы вызывают у меня вполне естественные желания.

Так и хотелось уточнить, какие желания он имел в виду, но я прикусила язык. Все оборотни, каких я знала, обычно хотели есть – всегда и везде.

– Почему я голая? – задала я наивный вопрос.

– Потому что твоя одежда исчезла, когда ты начала превращаться у меня в машине.

– А что я делала у тебя в машине?

Терпение Ашота явно подходило к концу, но он держался.

– Вез тебя пьяную в отель вместе с подружкой. Исла стала скандалить, что я плохо вожу, и я высадил ее на остановке. А дальше ты начала превращаться в... это.

Ашот изобразил в воздухе двумя руками нечто, напоминающее песочные часы.

– Ты ведь понимаешь, что я ничего не понимаю? – в лоб спросила я.

Он страдальчески закатил глаза.

– Когда Ленка напивается, она может натворить всякое... противоестественное. Превращать тебя в такую, – Ашот снова повторил похожий жест, – жестоко. По крайней мере, по

отношению ко мне. Я же мужчина.

– Ты оборотень, – напомнила я ему, потихоньку соображая, что мои проблемы действительно больше, чем казались на первый взгляд.

– Я самец, – гордо сказал Ашот, швыряя в меня одеждой. – А ты весьма привлекательная человеческая самка. У меня дома. Мы одни. У меня выходной. Тебя никто не знает и не ищет. Выводы делай сама.

Снова пискнув, я замоталась в одеяло и, схватив с тумбочки лампу, выставила ее вперед, вырвав шнур из розетки.

– Серьезно? – спросил Ашот, поиграв мышцами на груди. Только сейчас я обратила внимание, что самец-оборотень-мужчина стоял в дверях в одном полотенце, небрежно обвязанном вокруг бедер. Судя по капелькам воды, покрывавшим его, кхм, весьма атлетическое тело, он вышел ко мне прямо из душа.

А насчет блондинки он не солгал. Краем глаза поймав свое отражение в настенном зеркале, виднеющемся в открытой двери ванной, я через секунду уже забыла про Ашота и всюю пялилась на новую себя. В девушке, на которую я смотрела глазами отчаянно фиолетового цвета, ничто не напоминало дриаду Нанишу из Бюро Переводов. Во-первых, из отражения на меня глядел человек. Никакого намека на одеревеневшую кожу на животе и спине, кривые, а по-нашему, веткообразные руки и ноги сменились вполне прямыми конечностями, ко всему еще и длиннющими, особенно ноги.

О духи, родовая веточка в волосах тоже исчезла.

Во-вторых, особа в зеркале была отнюдь не рядовым представителем человечества, хотя по внешним признакам. Даже я, не особо разбираясь в женской внешности, могла с уверенностью сказать, что блондинка – красотка. Опустив глаза, я с удивлением рассмотрела нежную, гладкую кожу, какой никогда не могло быть у дриады, и поднимающиеся из-под простыни холмики груди. Вот это размер! Похоже, именно он и привлекал внимание Ашота, который буквально заставлял себя поднимать глаза к моему лицу.

Дриада Наниша растворилась в прекрасной блондинке с фиолетовыми глазами – по крайней мере, внешне. Закрыв глаза и заставив себя вспомнить третий параграф Устава Бюро, который я знала наизусть, я убедилась, что сущность, кажется, пока еще моя. И душа, и сердце тоже. Они вопили, что я влипла. Как противостоять могучему самцу-оборотню, не имея даже родовой веточки на голове, я не знала. Веточка – самая большая моя потеря. Ведь в случае опасности она превращалась в прочную лиану, которой можно было задушить противника. Пальцы стали мягкими и гибкими, утратив способность мгновенно затвердевать. А ими было так удобно тыкать в глаза. Как же мне теперь обороняться? Даже едким древесным соком люди плевать не умели. Все преимущества красивой внешности мгновенно стали казаться недостатками.

Большая грудь и длинные ноги никак не могли защитить

от обезумевшего оборотня, а Ашот казался именно таким. Разве что научиться этими ногами лягаться? Правда, глядя на его ручищи, я сомневалась, что будет толк от брыкания. Что он там сказал? Что привез меня к себе домой? Мозг, все еще принадлежащей Нанише, тут же подсказал нужные факты. Кормак, хозяин кафе, сказал, что Ашот снимал у него домик позади заведения. Значит «Для своих» совсем недалеко. Судя по яркому солнцу, бьющему в стекло, время приближалось к полудню. Вряд ли в кафе, которое работало по ночам, днем мог кто-то быть. Может, уборщица? Услышит ли она мои крики? Свист ветра, хлопнувший створкой окна, стал ответом. Домик Ашота находился на берегу моря, и шум прибоя заглушал любые звуки – как изнутри, так и снаружи.

– Ты привез меня сюда, чтобы изнасиловать и съесть? – решила уточнить я.

– Звучит заманчиво, – протянул Ашот, лениво прислоняясь к косяку двери. Потом вздохнул и, махнув на меня рукой, пошлепал босыми пятками по коридору, оставляя за собой мокрый след.

– Ну ты и фантазерка, – послышался его глухой голос. – Сразу видно, что всю жизнь на работе в офисе провела. Нет, в этом вынужден разочаровать. Я тебя сюда привез, потому что мама была права.

– Чья мама? – прошептала я, прячась за кровать, так как голос Ашота стал приближаться. Оборотень возвращался, а

я не была уверена, что с рассудком у него все в порядке.

– Моя, – вздохнул он, появляясь в двери с разносом в руках. Пышные булочки, блюдо с вареньем и огромная чашка кофе мгновенно заставили меня забыть о предмете разговора, месте, где я нахожусь, его хозяине, да и о себе тоже. Я хотела есть так сильно, что готова была выть от голода. И кто тут оборотень?

– Она всегда говорила, что я слишком мягкосердечен, и из-за этого у меня будут неприятности, – пояснил Ашот, ставя поднос на кровать и настороженно делая шаг назад, будто это я, а не он, представляла опасность. – Поешь. У меня как-то друга так превратили, так он от голода сутки еще ничего не соображал. Аппетит разыгрывается нешуточный, а на кухне сейчас занято.

Мой рот был уже набит мягким хлебом, говорить я не могла, поэтому Ашот спокойно продолжил.

– В отель тебя не пустили. Я пробовал. Меня едва не загребли, решив, что я пытаюсь с подружкой на ночь устроиться. Показал твою карточку – стало еще хуже. Обвинили, что я ее украл, еле выкрутился. Администратор, конечно, не поверил, что я ее нашел, но, видимо, решил не связываться. Кстати, она именная. Ею лишь ты можешь пользоваться. Зачем дала? Только опозорился в мастерской.

– Но Исла все оплачивала, – пробубнила я с набитым ртом. – Ты что-то напутал.

Видимо, я попала в какое-то слабое место Ашота, потому

что оборотень неожиданно разозлился.

– Напутал, говоришь? Тогда почему тебя в отель по этой карте не пустили? Выставили за дверь на улицу, где бы ты и сидела, если бы не мое мягкое сердце.

– А может, тебе моя задница понравилась, и мягкость сердца здесь не причем? – не удержалась я от замечания. Еда на подносе быстро кончилась, и я снова взялась за лампу, хотя обороняться желания уже не было. От булочек с кофе разморило и клонило в сон. Ну и организм мне достался! Наниша после кофе, будто заведенная юла, вертелась.

– Как же ты не понимаешь, женщина! – почти взвыл Ашот. – Ты сейчас вообще никто. Поправка – очень красивое никто. Ни имени, ни документов, ни прошлого. Когда мой друг влип таким образом, то его сразу же «дятлы» схватили. Никакие объяснения не помогли, пришлось ему побег устраивать, да в другой город тайком переправлять. И между прочим, Ленка его обратно так и не превратила. А что с ней сделаешь? Угрозы тут не помогут, она ведьма первой категории, разделается, с кем угодно. Подкуп и лесть бессмысленны. У магичек такого уровня денег завались. Поэтому я тебе искренне посочувствовал и решил помочь. Но вот говорю с тобой сейчас и понимаю – зря.

– Почему зря? – промямлила я, опуская лампу. – Я... просто напугалась. Ты большой и страшный, а я такая мягкая и беззащитная.

Вообще-то, я имела в виду отсутствие родовой веточки на

голове и пальцев-кастетов, но Ашот, кажется, подумал, что с ним заигрывают.

– Вот это ты брось, – аж поморщился он. – Ты зубастая и красивая. По-моему, эти качества порой лучше, чем мускулы, защищают.

В чем-то он был прав. Я поймала себе на мысли, что потихоньку успокаиваюсь. Нет, ситуация меня по-прежнему ужасала, но сам Ашот и его действия больше не вызывали паники.

– Мне правда жаль, – сказал оборотень. – Даже не знаю, что придумать.

– Зато я знаю. Нужно найти эту ведьму Лену. Исла должна быть в курсе ее передвижений. Она ведь ее начальница.

– Так и мне тоже известно, где она, – фыркнул Ашот. – В аэропорту, на рейс в столицу садится, ее мой знакомый час назад отвез. Ленка редко когда на одном месте задерживается. Возможно, уже поняла, что натворила, вот и хочет побыстрее скрыться. Такие заклинания, как на тебе или на моем друге, «пожизненными» называются. Их сложно исправить или убрать. По-хорошему, тебе, конечно, надо к «дятлам» податься, пожаловаться на Ленку, они ведь ее знают. Но у «дятлов» бюрократия еще хуже, чем в вашем Бюро. Тебя сначала посадят в камеру на неделю, а потом только начнут разбираться. И все это время ты будешь сидеть. А камеры у «дятлов» общие. С твоей красивой мордашкой и аппетитной попкой жизненный опыт ты там получишь печальный.

Произнося последние слова, Ашот сглотнул, и я убедилась, что у красоты действительно есть оружие. Правда, иногда оно работало в обратную сторону – лишало мозгов и включало инстинкты.

– Я ее найду и заставлю меня вернуть, – твердо сказала я, подбирая одежду Ашота и, скрываясь в ванной. К счастью, у оборотня хватило благоразумия остаться на пороге спальни и бубнить оттуда.

– Глупая и опасная затея, – фыркнул из-за двери Ашот. – Я отведу тебя к Кормаку, у него есть связи, может, что-нибудь придумает.

– Это ты про того юнца с прыщами? – хмыкнула я ему в ответ. Что и говорить, но в одежде Ашота я выглядела посмешищем, и кривая улыбка на физиономии оборотня, которую он старательно пытался скрыть, была тому доказательством.

– Те, кто судили о Кормаке только по виду, обычно плохо заканчивали.

– Хватит мне угрожать.

– Ты ведешь себя соответственно образу.

– То есть, как?

– Как глупая блондинка.

– Шовинист, – обозвала я его, решительно проходя мимо.

Пусть только посмеет тронуть.

Может, он и хотел, потому что краем глаза я заметила его руку, повисшую в воздухе. Опустить ее она не успела, как и я

сделать следующий шаг. Воздух прорезал крик, и доносился он из кухни. «Она занята», – вспомнились мне слова Ашота, когда он извинялся, что принес завтрак в постель, а не позвал к столу.

Впрочем, все вопросы прояснились в следующую секунду. На пороге кухни стоял Пешкасий, который едва виднелся на черно-белой клетке напольного покрытия. Меня мгновенно уколол стыд – я ведь совершенно о нем забыла! С друзьями так не поступают.

Пешкасий схватился за голову и, глядя на меня, голосил так, что заглушал даже канарейку, которая летала над ним кругами.

– Сун-Пак! – воскликнула я, ткнув пальцем в пичугу. – Ты ее нашел!

Тут же вспомнилась история о плененной птичке и вообще вся цель моего путешествия в Дзио. Ну, хоть что-то получилось. Потеря древесной сущности была бы больнее, если бы наша миссия осталась незавершенной.

– Между прочим, мы сюда за ней приехали, – гневно обернулась я к Ашоту, который стоял, зажимая уши руками. Болтали, что оборотни не переносят ежиных криков и, кажется, это так и было.

– Как ты смел мучить бедную птаху! Делай, что хочешь, но мы ее забираем.

Уже договаривая последнюю фразу, я поняла, что несу чушь. Понимал это и Ашот, а потому молчал. Куда я ее забе-

ру? Да и Сун-Пак не выглядела плененной, разве что встревоженной.

– Наниша, какой кошмар, что они с тобой сделали? – наконец, издал нечто членораздельное Пешкасий.

– Ты меня узнаешь? – изумленно спросила я.

– Горные ежи могут видеть превращенных, – вмешался Ашот. – У тебя все в порядке с головой? Ты про какую-то птичку сейчас говорила.

– Ой, бедная ты, бедная, – продолжал стонать Пешкасий. – Такие муки, и за что?

– Да не так уж я и страдаю. Мне ведь не больно.

– Зато всем остальным должно быть больно, – не унимался еж. – Ты себя в зеркале видела? Это же сплошная боль. Ты такая красивая была, ладненькая, а что с тобой эта ведьма натворила? Превратила в страхолюдину.

Я переглянулась с Ашотом, и мы вместе пожали плечами. Может, горные ежи как-то по-другому воспринимали человеческие лица?

– Перестань ныть, – твердо велела я Пешкасию и обратилась к канарейке. – Привет, Сун-Пак. Я рада, что теперь ты свободна. Этот верзила больше тебя не обидит.

Птица что-то зачирикала в ответ, я же удивленно захлопала глазами. Мне казалось, что раньше я понимала язык тварей из магических миров. Ведь Пешкасия же я слышала.

– Ты стала человеком, Наниша, – пояснил Ашот, увидев мое замешательство. – Поэтому ты не слышишь Сун-Пак. А

с ежиком вы слишком давно вместе. И, пожалуйста, не говори ерунды насчет моей птицы. Она для меня значит столько же, сколько для тебя Пешкасий. Да я глотку перегрызу любому, кто посмеет ее тронуть. Кто тебе сказал такую чушь, что я ее обижаю?

Мы дружно повернули головы к Пешкасию.

– Я как раз хотел объяснить, но ты такая страшная стала, что решил подождать, пока привыкну, – честно признался еж. – С Сун-Пак ошибочка вышла. Когда мы познакомились, я был так ею очарован, что слушал вполуха. Вернее, вообще не слушал. А когда она уехала, нафантазировал, что она в беде. Ты прости. Ашот – нормальный парень, а Сун-Пак петь для людей сама не хочет. Ее песни записывают в студии, а потом проигрывают записи в кафе. Но вот со мной она захотела попробовать выступить вместе. Ашот пообещал нам устроить пробное пение в кафе вечером. Здорово, правда?

– Ах ты... – на языке так и вертелись нехорошие выражения, но я же не Исла, чтобы называть его «колючими булочками». Прислонившись к стене, я понемногу начинала понимать, в какое дерьмо меня втянули и, кажется, погрузили по уши.

– Выступать в кафе? – ошарашенно переспросила я. – Чтобы «дятлы» тебя схватили? Да ни за что!

– У Кормака «дятлов» не бывает, – сказал Ашот. – Да и как ты можешь Пешкасию что-то запрещать? Если хочет, пусть поет. Он же тебе не раб.

От удивления у меня аж дар речи пропал. Кричала канарейка, которой мне отчаянно хотелось свернуть шею, продолжал возмущаться Ашот, который оказался тем еще защитником животных, охал и ахал Пешкасий, не в состоянии примириться с моей новой внешностью. Удивительно, как в этой какофонии я услышала трель дверного звонка. Он и заставил меня вспомнить, что я, Наниша, никогда не сдаюсь. К двери – вот куда мне надо! Доберусь до аэропорта и заставлю ведьму вернуть дриаду обратно. У этой дуры-блондинки уже замерзли пятки стоять на полу, а у Наниши подошвы были твердые, как корни, они никогда не мерзли! Кажется, у меня начиналось раздвоение личности.

– Что вам? – рявкнула я, распахивая дверь. Вообще-то, я собиралась уходить, но стоявший на пороге тип в потрепанной куртке и с обмусоленными на вид волосами отбил всякое желание выходить на улицу, пока там стоял он. Более неприятных личностей я не встречала. От него еще и воняло отвратительной смесью лука, колбасы, плесени и сырного соуса. Заметив темные пятна подмышками незнакомца, я поняла, что зловоние плесени – это пот, а взглянув на остатки бутерброда в левой руке типа (пальцем правой он продолжал нажимать на звонок), я поняла, откуда пахло едой – не самой лучшей. Я еще хотела есть, но даже будучи голодной, не могла испытывать аппетит, глядя на его перекус. Хлеб с колбаской, обильно политой соусом, выглядел так, будто на него наступили, потоптались, а потом отскребли с тротуара

и засунули в рот.

– Влас Хрусталес, детектив, служба миграционной безопасности, – важно представился тип, тыкнув мне в нос какой-то корочкой. – Ашот Косиман здесь живет?

– Нет, – почему-то ответила я и попробовала закрыть дверь, но детектив ловко сунул носок ботинка в щель.

– Это я, – прозвучал за моей спиной спокойный голос, и оборотень твердо, но одновременно как-то заботливо отодвинул меня в сторону. – Она еще не проснулась, – кивнул он в мою сторону. – Доброе утро, детектив Хрусталес. Какими судьбами?

Некоторое время человек переводил взгляд с меня на Ашота и обратно, а потом хрипло засмеялся, обнажив желтые зубы с кусочками застрявшей в них колбасы. Аппетит у меня пропал окончательно.

– Бурная ночка с горячей штучкой? – гоготнул он.

– Вас интересует моя личная жизнь, детектив? – с каменным лицом спросил Ашот. – Или вы по другому вопросу?

И тут я поняла, кто именно постучался этим утром в дверь оборотня. «Дятлы» обрели еще одно лицо – весьма неприятное. Рассказы Ашота о камере и недельном заключении сразу обрели пугающую реальность. Я не заметила, как вложила пальцы в ладонь оборотня. Он в ответ легонько сжал их, будто подбадривая.

Пауза, которую выдержал Влас, заставила меня взмокнуть.

– Вообще-то, по-другому, – произнес детектив и его маленькие черные глазки наконец перестали шарить по моему телу, сосредоточившись на Ашоте. – Где вы были прошлым вечером, скажем так, с девяти до одиннадцати тридцати?

– С ней, – не моргнув глазом, сказал оборотень.

– Вы хорошо подумали?

– А в чем дело?

– Да все в том же, – тон Власа неожиданно перестал быть игривым, став холодным, как тот пол, на котором стояли мои новые пятки. – Вчера пропали две девушки примерно ее возраста, – небрежный кивок в мою сторону. – И такие же хорошенькие, судя по фото. В баре видели, как они садились в такси с вашим номером.

– Моя машина в ремонте, можете проверить в «ГрандАв-то», это мастерская на Камской, я там всегда чинюсь. Вы уверены, что это мои номера?

Влас снова рассмеялся.

– Нет, конечно, не уверен. Я вас проверял. Просто вышибале показалось, что таксист был похож на вас. Не дадите номерок мастерской? А даму вашу как зовут?

– Наташей, – опередил меня Ашот. – Записывайте телефон. Чем-то еще могу вам помочь, детектив?

– Сегодня, пожалуй, нет, – хмыкнул Влас, складывая блокнот в карман. – Но на деле я еще к вам загляну. Мы опрашиваем всех таксистов, потому что эта уже третья девица, которая села в такси и не вернулась домой.

– Прискорбно, – сказал Ашот и потянул дверь на себя. – Вы, наверное, спешите?

– Ах да, – спохватился детектив. – Мне ведь еще в аэропорт надо. Вчера только в Дзио прибыл, а мой чемодан потеряли. К счастью, его уже отправили следующим рейсом. Осталось только забрать.

– Счастливо, – кивнул оборотень, но тут дверь помешала закрыть уже я. Ведь это был шанс, предоставленный самой судьбой. Другой способ добраться до аэропорта, когда у тебя ни денег, ни личности не осталось, вряд ли представится. Вязывать Ашота в эту историю совсем не хотелось.

– Мне тоже надо в аэропорт, – сказала я решительно. – Подвезете?

И, не дожидаясь ответа, направилась к машине Власа, бросив Ашоту короткое:

– Пригляди за ежиком, я скоро.

Наверняка оборотень уже сто раз жалел, что связался со мной, но такие уж мы, дриады. Если что надумаем, то идем напролом. Ашот выскочил на крыльцо, потоптался, что-то явно собираясь сказать, но потом махнул рукой и скрылся за дверью, громко ею хлопнув. За Пешкасия я не волновалась. Он и не в таких передрыгах бывал. Мне же надо было вернуть себя обратно – и в прямом и в переносном смысле. Курортные прелести Дзио перестали казаться таковыми с момента пробуждения в новом теле. Я всей душой хотела обратно, в Межмирье, в мой родной подвальчик с бумагами.

Влас молча сел в машину – какой-то драндулет неопределенного цвета, такой же невнятный, как и его водитель, и покосившись в мою сторону, сказал:

– Взял бы я с тебя плату, красавица, да с Ашотом связываться неохота. Дурной он. А ты дерзкая, люблю таких. Надоест Косиман, звони.

Он бросил мне на колени мятую визитную карточку, которую я рассеянно запихала в карман. Из окна домика на меня печально глядел Пешкасий, и я поняла, что делаю все правильно. Нанишу нужно было возвращать как можно скорее. Если каждый встречный самец будет предлагать мне свой телефон, я долго не выдержу. Сейчас же я могла только глупо улыбаться – кажется, большего от меня и не ждали. Ну, ведьма, ты за это издевательство ответишь!

Глава 6

Тронулись. За окнами стал мелькать утонувший в солнечных бликах Дзио. Мытые дождем улицы сверкали чистотой, в лужицах чистились воробьи и голуби, даже листва в скверах будто светила изнутри. Далеко на сопке виднелась уже знакомая надпись «Шу Фу». Когда выехали на главную магистраль, Влас прибавил газу, и рассматривать картинку за окнами стало неудобно: все слилось в мешанину. Похоже, манера езды Ислы отклонением в Дзио не являлась. Детектив почти ничем от нее не отличался. Обгонял, прижимал, сигналил и гнал, несмотря на знаки ограничения скорости.

– Кстати, я вампир, – неожиданно сказал он, когда мы выехали из города на трассу. У меня все упало в пятки в буквальном смысле. Вот и первая неприятность в новом теле. Но оказалось, что Власа просто потянуло на разговоры.

– Азиатский вампир, – уточнил детектив. – Мы можем есть человеческую еду, но, если переберем, нас потом дико тошнит. Расстройства тоже случаются. Например, мне уже приспичило, но до аэропорта доеду.

– Понятно, – протянула я, немного жалея о своем порыве сесть к нему в машину. Разумнее было бы попросить у Ашота денег. Ведь сказал же он, что у него доброе сердце. А еще ведьма Лена могла улететь.

– А тебе зачем в аэропорт понадобилось? – спросил детектив, увеличивая скорость. Куда уж больше, меня и так от его езды тошнило. – Багажа при тебе нет, вряд ли улетать собралась. Да и одета странно. Ашота одежда, верно? Давно ты с ним сожительствуешь?

Поняв, что проигнорировать его вопросы не получится, я решила сказать правду частично.

– Вы знаете ведьму Елену Ка? Мне к ней надо срочно.

– Ленку-то? – переспросил Влас, хмурясь. – Да кто ж ее не знает. Вечно палки в колеса ставит, работать нормально не дает. Змея, а не ведьма. Делает, что хочет.

– Вот-вот, – охотно поддержала я его. – А что, на нее управы никакой нет?

– Никакой, – покачал головой детектив. – У нее блат везде, даже в нашем управлении. Но я этого не говорил. А тебе она чем насолила?

– Личность мою украла, – пробормотала я, глядя на приближающуюся махину аэропорта. Пресловутая надпись «Добро пожаловать на Фестиваль гребешка!» сейчас только раздражала.

– Так ты из превращенных, что ли? – неожиданно спросил Влас и пытливо глянул в мою сторону. – А документы при тебе?

Неизвестно, чем бы закончился разговор, учитывая, что у моего нового тела оказался весьма болтливый язык, но в это время машина удачно затормозила, остановившись

у пропускного терминала. Воспользовавшись заминкой, я хлопнула дверью и выскочила наружу, со всех своих новых ног припустив от детектива. Я серьезно ожидала, что он за мной погонится, но разок оглянувшись, увидела, что детектив лишь машет руками, высунувшись из окна авто. Наверняка что-то кричал, рот у него раскрывался и закрывался, но по огромной площади аэропорта гулял ветер, смешивая все звуки.

Новое тело можно было ругать за что угодно, но только не за ноги. Они были длинные и бегали прекрасно. Наниша так быстро до аэропорта ни за что бы не добежала.

Охрана в дверях на меня, конечно, покосилась, но цепляться не стала. Видимо, растрепанные блондинки в одежде с чужого плеча здесь были не новостью. Пометавшись вдоль табло с расписанием, я наконец нашла номер рейса на столицу и с облегчением выдохнула. До посадки оставался еще час, а значит, ведьма должна была находиться где-то в зале ожидания.

Оглядываясь, чтобы случайно не наткнуться на детектива Хрусталеса, у которого ко мне теперь было явно больше вопросов, я поднялась по эскалатору на второй этаж и принялась выискивать ведьму среди ожидающих. Елену я запомнила плохо, но мне в тот день на удивление везло. Споткнувшись о большой чемодан, выдвинутый прямо в проход под ноги людям, я с трудом удержала равновесие, зато разглядела красный стикер, аляповато приклеенный к кожистому бо-

ку. «Ведьма Лена» гласила надпись.

Подняв глаза, я встретила с хитрым взглядом из-под полуопущенных ресниц. Елена Ка, собственной персоной, сидела в кресле, вытянув ноги, и читала газету. Она меня, конечно, узнала, потому что газета полетела в сторону, а ведьма быстро поднялась.

– Этого мне еще не хватало! – всплеснула она руками, подтвердив мои опасения: меня не ждали.

– Верни все обратно! – закричала я, не обращая внимания на разом обернувшиеся к нам лица соседей. Зато ведьму ее репутация, похоже, волновала, потому что, твердо взяв меня под руку, она решительно оттащила меня к окнам, где было меньше народа.

– Не истери, – первым делом заявила она мне. – И не говори, что ты не довольна. Ты себя в зеркало видела?

Кажется, у меня был вид разъяренной львицы, собирающейся атаковать немедленно, потому что Лена выставила вперед руки:

– Прости, прости, но уже ничего не поделаешь. Обратно я тебя превратить не смогу. Напилась так, что даже не вспомню, какое заклинание использовала. А без исходника я как без рук. В общем, теперь у тебя новое тело.

– Делай что хочешь, но возвращай меня обратно! – завопила я так, что меня, наверное, все в зале услышали. Люди стали оборачиваться, а двое полицейских решительно направились в нашу сторону.

– Вот дура, – сплюнула ведьма и снова куда-то меня потащила. Я не сопротивлялась, так как была намерена приклеиться к Лене пожизненно до тех пор, пока она меня не изменит.

Ведьма втолкнула меня в кабинку женского туалета, втиснулась следом сама и плотно закрыла дверь.

– Держи, – сунула она мне в руки пачку мятых купюр, которые достала из кармана брюк. – Хватит, чтобы снять квартиру на месяц, а дальше устроишься. Мозги я тебе не меняла, хотя, сдается, их тоже нужно было бы почистить. На что ты жалуешься? Ты шикарная красотка в курортном городе, все дороги – твои. Насчет документов не волнуйся. Знаешь Кормака? Так вот, он всем нелегалам справки делает. Скажешь, что от меня, тебе помогут.

– Я обратно хочу, мне не надо в Дзю! – пыталась я донести до этого изверга в женском теле главную мысль. Изверг либо не понимал, либо притворялся.

– Ты знаешь, сколько платят за подобные заклинания? – фыркнула ведьма Лена. – Тебе такие деньжищи и не снились. У меня, вообще, впервые такое красивое превращение получилось. Вот, честное слово, что на пьяную голову делаешь, на трезвую никогда не повторишь.

– Но тебя ведь не просили!

– Как это не просили? Ты сама сказала, что у тебя мечта – быть красивой. А я вчера день рождения, между прочим, отмечала. Вот и решила, дай исполню мечту. Напилась, прав-

да, по-черному. Если бы трезвая была, ты бы у меня такого роскошного подарка ни за что не получила. Максимум, кривые ноги бы исправила. А тут прям вдохновение нашло.

– Исправь, пожалуйста, прошу! – крики на ведьму явно не действовали, и я решила перейти к уговорам. Тем более, что и слезы уже сами наворачивались. Я и не помнила, когда Наниша плакала. У дриад со слезами сложно, мы обычно не плаксивые. Мое же новое тело готово было разреветься в три ручья немедленно.

– Да многие душу бы за такую внешность продали! – не выдержала и тоже повысила голос Елена. – А тебе она просто так досталась, даром! Живи и радуйся новым возможностям. Тебя в той дыре, откуда ты прилетела, ничто, кроме мизерной пенсии на съемной квартире, не ждало. А с такими формами – хоть замуж выходи, хоть карьеру строй! Главное, много не жри, а то быстро разжиреешь. Законы этого мира никто не отменял.

– Тебя послушать, так только внешность имеет значение, – я уже не сдерживалась и рыдала во весь голос, – а как же душа?

– А душу твою я не трогала, – как-то даже обиженно произнесла ведьма.

И вдруг замолчала. Я только на миг прикрыла глаза, чтобы промокнуть слезы, а когда их открыла, Елены рядом уже не было. Не оказалось ведьмы ни в коридоре, ни в зале ожидания. Наверное, она с самого начала могла исчезнуть, но,

видимо, совесть заставила ее бросить мне пару утешительных фраз на прощание. Впрочем, о чем это я? Такие с совестью не рождались.

Спрятавшись за кофейной лавочкой, я села на подоконник и, глядя на ползающие по летному полу самолеты, приготовилась от души нареветься. Что еще делать, я не знала.

– Не расстраивайся, мы что-нибудь придумаем, – раздался рядом знакомый голос, а на плечо мне легла тяжелая рука. Я повернула голову и увидела Ашота, который беззастенчиво меня обнял.

Не тебя он утешает, а твое красивое тело, подсказал сердитый голос Наниши, которая, похоже, теперь всегда будет меня отрезвлять и приземлять. А на какой-то миг мне даже похорошело. Было удивительно приятно стоять так, уткнувшись в могучую грудь Ашота, и следовать его совету – не расстраиваться.

– Зачем явился? – спросила я его, шмыгая носом. – Позлорадствовать? Улетела она, а меня такой оставила.

– Наташа, надо поговорить.

– Никакая я тебе не Наташа! – взвилась я и тут же устала на пассажира, который весело болтал по телефону. И как я сразу не догадалась! Надо позвонить Седалии, уж она точно мне поможет! Офисные номера я и в гробу бы вспомнила.

– Есть телефон? – спросила я Ашота, с трудом удерживаясь, чтобы не начать обыскивать его куртку. Звонки в Ме-

змирье из Дзидо стоили бешеных денег, но я готова была отдать всю зарплату авансом, лишь бы Седалия со мной поговорила.

К счастью, телефон у Ашота имелся, и вот я уже нервно расхаживаю вдоль окон аэропорта, с трудом дожидаясь пока нас соединят. Сумму за разговор телефонистка пообещала выставить на Бюро при условии, если абонент захочет со мной разговаривать. Седалия захотела.

– Слушаю, – прозвучал в трубке ее недовольный голос.

– О, – только и смогла выдать я, так как к горлу снова подступил ком. – Как я рада! Спасибо, что ответили! У меня тут такое, такое...

– Кто это? – сурово спросила начальница. – Я вас не узнаю.

Еще бы она меня узнала, голос ведь тоже изменился.

– Все плохо, – прорыдала я в трубку. – Это Наниша! Меня, считай, что похитили. Есть такая ведьма, Елена Ка, она превратила меня в человека и улетела, а я не знаю, что теперь делать. Вытащите меня отсюда. Карточка, документы – все теперь недействительное!

Ашот отчаянно махал руками, подавая мне какие-то знаки, но от ответа Седалии зависела моя жизнь, и я повернулась к нему спиной.

– Я не знаю, что вы там несете, – слышалось в трубке, – но я за этот разговор платить не собираюсь. А если это действительно ты, Наниша, то у меня плохие новости. Ты уво-

лена за растрату средств компании! О долге можешь не волноваться. Мы вычтем его из твоей пенсии. Вернее, мы всю ее заберем, потому что я не представляю, как можно потратить такую сумму всего за день!

– Как, почему? – только и сумела вымолвить я, но на другом конце провода бросили трубку.

Возмущение, обида, злость и жалость к самой себе вытеснили все остальные мысли. Как же так? Ведь мне же специально дали безлимитную карточку. Я хорошо помнила слова Седалии о том, чтобы я ни в чем себе не отказывала.

– Меня уволили, – растерянно сказала я подошедшему Ашоту. – И пенсии лишили. И квартиры, наверное, тоже. Что же теперь делать? Я в самом деле стала никем?

– Есть проблемы похуже, – сказал оборотень, беря мои руки в свои большие ладони. – Ты только выслушай меня внимательно, хорошо?

Хуже быть точно не могло, поэтому я довольно спокойно кивнула. Мол, выкладывай, я все равно уже мертва. Седалия Бруберштерн, мой кумир, убила меня наповал.

– Исла пропала. Полиция подозревает меня, так как последний раз ее видели в моем такси. И это правда – ведь я подвозил ее к дому. Влас снова приходил. Он считает, что это я похищаю девушек, а ты – моя соучастница. Обвинил нас в каком-то сектантстве и собирается получать справку на наш арест и допрос. Ленка, конечно, тебя сильно подставила. Сейчас тебе бы скрыться в Межмирье, но, как я понял по

твоему лицу, оттуда тоже не помогут.

Я лишь грустно покачала головой. Сказанное доходило с трудом.

– Как Исла пропала?

– Ее нигде нет. На работу не вышла, на звонки не отвечает. Машина, как стояла у Кормака, так там и осталась. Она сильно выпила, вот я вас обоих и повез. Теперь и мою рабочую лицензию заморозили, и ты из-за меня под угрозой.

Я шмыгнула носом.

– Без тебя я оказалась бы в камере Власа куда раньше.

А что еще мне оставалось делать? Не гнать же единственного, кто встал на мою сторону. По крайней мере, так казалось.

– Ее же найдут, верно? С ней все будет хорошо?

Тревога за Ислу наконец пробилась сквозь одеяло неприятностей, в которое я закуталась с головой.

– Не знаю, – честно ответил Ашот. – Она, конечно, вредная, эта Исла, но если речь идет о маньяке, пусть я ошибаюсь, то полиция расследует это дело уже второй год. Радует, что мертвых девушек тоже пока никто не нашел.

– Какой кошмар, – проямлила я, отгоняя пугающие образы.

– Слушай, – Ашот снова мягко взял мои руки в свои. – Я помогу тебе, а ты мне, договорились? У нас где-то три дня до тех пор, пока Влас не явится с приказом о нашем аресте. У меня друг в полиции работал, от него знаю, что такие ве-

щи быстро не делаются. Нам нужно самим найти Ислу. Понимаю, звучит наивно, но другого выхода нет. Маньяка ищут слишком долго, «дятлы» с радостью повесят на меня дело, у них и так все таксисты раньше были под подозрением. А тебя посадят, потому что ты «превращенная», без документов, да еще у меня в доме ночевала.

– Но какой из тебя маньяк? – спросила я и поняла, что убийца из Ашота мог выйти отменный. С его могучим телосложением, небритой физиономией и лихорадочно бегающим взглядом он подходил на эту роль идеально – по крайней мере, сейчас.

– Ты точно не трогал Ислу? – не задать этот вопрос я не могла. Ведь в голове сразу вспомнились их конфликты. Ашот, возможно, и не был маньяком, но это не мешало ему разобраться с русалкой просто так. Исла могла достать кого угодно.

– Верь мне, пожалуйста, – сказал оборотень и положил мою руку себе на грудь – там, где горячо билось сердце. В его голосе звучала искренность, и я задумалась. Столько ошибок за такое короткое время. Кажется, разум мне здесь не поможет. С Ашотом оставалось только одно – верить в него.

Глава 7

– Наташа, кофе!

Я валилась с ног от усталости, так как сразу из аэропорта меня привезли к Кормаку, который, ничуть не удивившись моей ситуации, сразу предложил сделку. Вторую за день. Он поможет мне с документами и жильем на то время, пока я разбираюсь с проблемами, я же на него работаю – официанткой. В принципе, моего согласия никто и не спрашивал. Ашот доставил меня в уже знакомый домик у моря, где нас встретил хозяин и коротко обрисовал мои обязанности.

После того как несколько девушек ушли к конкурентам в кафе «На дне моря», с официантками у Кормака были проблемы. Под нос мне сунули договор, который я приготовилась внимательно читать, но подбежавший Пешкасий принялся выть и стенать о моей тяжелой доле, в результате договор оказался подписан без тщательного прочтения. О чем я пожалела уже вечером. Но до вечера еще надо было дожить, потому что сегодня продолжался Фестиваль, и двери кафе не закрывались в буквальном смысле слова.

Складывалось такое впечатление, что на гребешки к Кормаку пришел весь город, вернее, его нечеловеческое население. Столько нечистой силы я не видела даже в Бюро переводов. Если на улицах Дзюо мигранты еще держали себя в

руках, то в кафе «Для своих» определенно чувствовали себя своими, родными. Как мне уже объяснили, в дни Фестиваля заведение обслуживало только нелюдей, поэтому вывалившееся в проход щупальце никого не смущало. Пожалуй, я была здесь единственным представителем человеческого рода, на что обращал внимание каждый. Хотя, может, их интересовал вовсе не мой биологический вид?

– Кофе, Наташа! – повторил Ашот, не сводя глаз с моего нового зада, когда я пробежала мимо. В отличие от меня, впрягшейся в работу в прямом смысле слова, оборотень постоянно валандался туда-сюда, хотя у него тоже появились обязанности. Работать таксистом без лицензии он не мог, и Кормак устроил его грузчиком. Я бы на месте хозяина взяла его третьим официантом – для экзотики. А так, в зале бегала только я, пожилой мужчина с медвежьими повадками по имени Барбатос, да иногда нам на выручку прибегал сам Кормак, выбираясь из комнатки с надписью «Администрация». Судя по хаосу в бумагах, который у него там творился, с документацией в кафе все было также плохо, как и с обслуживанием.

Честно сказать – я старалась. Осмысление ситуации началось в раздевалке, когда я повязала передник и поняла, что мой архивный подвальчик остался в прошлом. Недаром магов так не любили. Если бы Елена Ка могла вернуть мой прежний образ, она бы его вернула. Не было никаких причин так поступать со мной, а значит, ответ был один: я попала

под импульсивное пьяное заклинание. Я слышала о том, что пьяные колдуны опаснее молнии в чистом поле, но никогда бы не подумала, что мне придется убедиться в этом на собственной шкуре.

Со «шкуркой» мне, конечно, повезло. Ведьмино воображение ведь могло и в обратную сторону сработать. В смысле, превратить меня в троллиху, например, или какую-нибудь неказистую человеческую женщину. Хотя, может, с заурядной внешностью внимания было бы поменьше. После своего подвальчика с бумагами, где моей компанией были тараканы, моль да крысы, я буквально плавилась под перекрестным огнем посетителей, которые больше тарасились на мои формы, чем в меню. Даже после работы в отделе с клиентами, где других живых существ я наблюдала исключительно через окошко, такое обилие глаз на себе переносилось с трудом.

Как выбираться из неприятностей, я не знала. Понимала одно. Если бы не Кормак, сегодняшний день я закончила бы в камере «дятлов». Вообще-то, благодарить надо было бы Ашота, который не бросил меня, превращенную, а потом забрал из аэропорта и привез к Кормаку. Но, во-первых, с Ашотом я решила увеличить дистанцию, так как его «мы» и «нас», которые он употреблял каждый раз, когда рассказывал о детективе Власе и его подозрениях, меня раздражали. Даже злость на Седалию уменьшилась, хотя начальницу я решила проклинать почаще – пусть ей икается хотя бы.

Во-вторых, Ашот оказался жутким лентяем. Разгрузив за полчаса грузовик с морепродуктами, он занял угловой столик и постоянно отвлекал меня, прося принести то кофе, то вафельку, то бутерброд. Сначала я хотела послать его к Темному, но совесть напомнила, что в трудный час он меня вроде как не бросил, потому кофе носила. А вот за «Наташу» с трудом сдерживалась, чтобы не вылить ему сливки на голову. Кофе Ашот пил со всем, что можно было туда добавить – со сливками, молоком, корицей, медом и сахаром. Только лимона для полного пищевого извращения не хватало. Впрочем, что было взять с оборотня.

После трех часов его безделья я не выдержала и пожаловалась Кормаку, но тот лишь рукой махнул.

– Пусть пока отдыхает, – с каким-то сердобольным выражением произнес он. – Через час еще один контейнер с рыбой придет, ему надо силы беречь.

Глядя на поигрывающего мускулами оборотня, я сомневалась, что его силу надо беречь, наоборот – всеми возможностями тратить, но с хозяином не поспоришь. Причину теплых чувств Кормака к Ашоту я выяснила гораздо позже, а так пришлось ему таскать кофе до самого вечера. К тому же, ссориться с оборотнем не хотелось еще и потому, что после работы мне предстояло с ним искать Ислу. Какой бы ни была русалка вредной, но мы с ней дружили давно, да и любой пропавший человек заслуживал того, чтобы его искала не только полиция, в силы которой никто не верил.

Кормак тоже подтвердил, что от «дятлов» спасения и помощи не дождешься, и посоветовал пройтись по барам, в которых любила тусить Исла. Он еще и список ее друзей из тех мест нам предоставил. Вдруг кто с кем ее видел. Откуда у него была такая информация, оставалось только гадать, потому что Кормак, когда хотел, мгновенно становился угрюмым и замкнутым. Однако на списке его помощь не закончилась.

– Когда соберетесь, возьмите с собой Лео. Он уже месяц как неактивный, проблем не должен доставить, зато нюх у него – золотой. Лучше, чем у пса. Я уже приказал ему обнюхать машину Ислы – запах ее он запомнил. Вдруг повезет, и он возьмет след?

Лео оказался зомби. Самым настоящим. С гнилой кожей, торчащими из-под плоти костями и наполовину вывалившимся глазом. Второго у него не было. Из одежды на нем имелся выдавший виды пиджак, растрепанная рубашка и дырявые джинсы. Большую часть времени он сидел в отдельной комнате в клетке под тряпкой, но, по словам Кормака, уже много дней находился в «спокойной фазе». В доказательство чего Лео вполне осмысленно нас поприветствовал, хотя говорил очень плохо – вероятно, потому что у него отсутствовала большая часть языка. Даже извинился за неряшливый вид. Мол, одежды на него не напасешься, быстро портится. Наверное, это был зомби-юмор. Его выпускали гулять по ночам под присмотром вышибалы Ове, тролля по происхож-

дению, и вроде как все обходилось без нападений. Я было засомневалась, что нам нужен такой опасный компаньон, но Ашот искренне обрадовался и принялся благодарить Кормака.

– Не бойся, Мак. Мы ничего ему не сделаем, будем оберегать и защищать. Доставим до двух ночи, обещаю.

В словах оборотня явно закралась какая-то ошибка. «Защищать зомби» звучало противоестественно, но я и тут смолчала. Наниша-Наташа была новорожденной, и жизненного опыта в этом странном мире людей и нелюдей пока еще не имела.

Ближе к пяти часам мест в зале стало не хватать, и тогда Ашот с Ове принялись устанавливать дополнительные столики прямо перед кафе на улице. У меня даже второе дыхание открылось. Может, новое тело и не имело защитной веточки, но с выносливостью у него было все в порядке. Наниша не могла забраться на пятый этаж Бюро, не передохнув, и вообще, предпочитала пользоваться лифтами, Наташа же нарезала уже сотый круг, и кажется, только во вкус входила. По крайней мере, времени грустить не было, и я этому искренне радовалась. А когда поняла, что могу безошибочно запоминать заказы – опыт кропотливой работы с документами никуда не делся, то даже немного свое новое тело зауважала. Ну, ведь не за большой зад и пышную грудь мне было его любить. Последняя вообще мешала, учитывая, что народу в кафе к вечеру собралось – не протолкнуться. Приходилось

буквально пропихиваться к столикам, прокладывая вперед дорогу известной частью тела. Да еще и Ашот масла в огонь подбавлял, постоянно крутясь рядом. Кофе он к этому времени надулся так, что тот у него должен был из ушей литься. Из-за столика его прогнали из-за нехватки мест для посетителей, но оборотень все равно толкся в проходах, отираясь поблизости. Я его раз двадцать, наверное, толкнула, а ему все равно.

Вот она и скрытая негативная черта, казалось бы, внешне приличного человека, вернее, нелюдя – назойливость. Представив, что мне еще какое-то время с ним по соседству жить, я даже приуныла. Ведь комнату мне выделили в том же домике, что снимал оборотень. У одной из спален имелся отдельный вход, туда меня и заселили. Но я все равно сомневалась, что смогу спокойно заснуть с соседом-оборотнем через стенку. Луна в Дзюо имелась, и, хотя я была пьяна прошлой ночью и многое забыла, но вот почти полный месяц в небе запомнила.

Оборотни-мигранты, чтобы сохранять стабильное человеческое обличье, обычно принимали всякие снадобья, выписанные им нашими докторами перед переселением. Но то, что медицинские справки у Ашота Косимана были липовые – это факт. Да еще и постоянно в голове этот детектив Влас крутился. Может, он на вид и омерзителен, да и манера общения у него отвратительная, но вдруг он хороший специалист и не зря Ашота подозревает? Наташу, конечно, тоже, но

это дело поправимое. У меня просто не было времени все хорошо ему объяснить. А то, что Кормака с Ашотом в один голос твердили, что Влас Хрусталес – ходячее недоразумение, временами опасное, так может, это их личная неприязнь?

Не то чтобы Ашот мне совсем не нравился. В конце концов, из всей команды Кормака он был самым симпатичным представителем нелюдей. Да что у Кормака, я во всем Межмирье таких интересных наружностей не встречала. Что же касалось его личности, то хоть и напрашивался определенный вывод про козла, всерьез обвинять его не хотелось. Наташе-Нанише он, скорее всего, помог из-за ее длинных ног. Глядя на то, как глаза Ашота блуждали по моему телу, других объяснений его добрым поступкам не приходило. Хотя Нанише, живущей внутри красивой Наташи, очень хотелось верить и в другое. У Ашота Косимана тяжелая жизнь, приучившая его носить маски, а сам он вовсе не такой чурбан, помешанный на самках с красивыми формами. Правда, ведь?

В перерывах между кухней, залом, террасой и словесными перепалками со скупающим Ашотом, я понемногу знакомилась с командой Кормака. В отличие от молчаливой Наниши, Наташа оказалась весьма любопытной особой, и я впервые задумалась, что заклинание ведьмы могло коснуться не только моей внешности.

Компания у Кормака подобралась своеобразная. Так, Барбатос, который работал не только официантом, но и барме-

ном, оказался оборотнем-медведем, но в родстве с Ашотом не состоял. Наоборот, складывалось впечатление, что они даже старались обходить друг друга. Видимо, волки и медведи совсем не дружили. Готовила на кухне старая женщина, которая представилась ведьмой Мари. Правда, она сразу меня разочаровала, заявив, что в превращениях не разбирается. Мол, для этого надо Академии заканчивать, а она самоучка, всегда больше интересовалась грибами да травами, а с людьми старалась иметь дел поменьше. Готовила она, правда, волшебю. Особенно я оценила ее настойку из морских водорослей, от которой у меня словно крылья выросли. Когда, отведав рюмочку, я снова вышла в зал, так и захотелось подпрыгнуть до потолка и описывать там бесконечные круги. Гигантский тролль Ове, работающий вышибалой и грузчиком, оказался другом Ашота, от чего сразу был занесен в список подозрительных личностей. Да он особо со мной и не разговаривал, только сурово глядел из-под лобных наростов единственным глазом и о чем-то там своим думал.

А вот вампир Спирос мне понравился. Элегантнй, интеллигентнй, вежливый и очень обходительнй. Все спрашивал, не устала ли я, не помочь ли мне. Глядя на пышные накрахмаленные кружева его рубашки, выглядывающие из-под рукавов старинного сюртука, брошь на шейной косынке и надраенные до блеска высокие сапоги с облегающими бриджами, я не могла представить, как он будет помогать мне разносить блюда с истекающими соком и маслом гребешка-

ми. Чем занимался в кафе Спирос, я так и не поняла. Как и Ашот, он то сидел за одним из столиком, то болтал за барной стойкой с Барбатосом, то выходил на террасу и прогуливался с тростью под окнами кафе – разумеется, когда стемнело. Потом я его заметила с женщиной, и интерес к Спиросу немного спал. Похоже, вампир тоже оказался бабником. Недовольство свое я выместила на Ашоте, принеся ему цикорий вместо кофе. Странно, но оборотень подмены не заметил.

Мари рассказала, что в кафе есть еще сотрудники, которые в виду некоторых особенностей не могут появляться в зале. Так, в закрытом отсеке кухни жил гигантский слизень Исса, который обитал в ванной и занимался мойкой посуды. А в подвале поселился Шестирукий Ар, описывать которого Мари отказалась. Мол, сама как-нибудь посмотришь.

Про Кормака же выяснить ничего не удалось. На прямые расспросы даже разговорчивая Мари замолкала и переводила тему. В том, что Кормак был нелюдью, я не сомневалась – интуиция не обманывала. Но так как он оказался весьма приятным малым, то на его тайны я решила не посягать.

– Счастливая ты, быстро превратилась, – сказала Мари, с которой я нашла общий язык. – Мы все тут об этом мечтаем, но нам еще ждать и ждать.

Я хотела было расспросить ее, что именно они ждали, может, больших заработков, чтобы оплатить услуги той же Елены Ка, но тут меня отвлек вопль, раздавшийся с улицы. Кри-

чал Пешкасий. Его голос был усилен микрофоном, отчего услышать его можно было и в грохот бури, которая, кстати, крутилась неподалеку. К ночи погода обещала испортиться окончательно, и над макушками валунов, загораживающих море, то и дело показывались пенные гребни волн. Морская стихия, будто разозлившись, что ее не пригласили на праздник, выказывала недовольство ревом и свистом ветра. На террасе и фасаде кафе раскачивались гирлянды фонариков, отбрасывая пляшущие тени на гостей, которых близкий разгул стихии совсем не волновал. На столики принесли свечи в стаканах, которые, похоже, были заговорены. Несмотря на гуляющие сквозняки, пламя даже не колыхалось.

Поблагодарив Мари за бутерброд с теларией, вкус у которой и правда оказался божественным, я выбежала на улицу, едва не врезавшись в Ашота, перегородившего мне дорогу.

– Подожди, дай им еще минутку славы, Кормак их сейчас все равно прогонит, – сказал он, хватая меня за руку и стаскивая с террасы под листву какого-то пышного кустарника. То ли осень щадила деревья в Дзюи, то ли растительность города была закалена морскими ветрами, но листва даже желтеть еще не желала, а ведь начался сентябрь. Нас окутал темный шатер блестящих в свете фонарей глянцевых листьев.

– Ты мне надоел, – прямо сказала я, пытаюсь разглядеть, что Пешкасий делал на сцене. А еж, тем временем, забравшись на короб, всюду орал в микрофон, добившись почти стопроцентного внимания аудитории. Ну еще бы! Где бы они

в Дзю слышали и увидели горного ежа, читающего рэп, да еще и под вокал канарейки. Когда Пешкасий выдыхался и делал паузы, Сун-Пак начинала тянуть ноты, и от ее голоса реально слеза прошибала. Дуэт получился удивительный, но с Ашотом я согласилась. Кормак такое долго не потерпит. Может, у Пешкасия и был талант, но содержание его творчества определенно вызывало вопросы.

– Ты мне тоже, – улыбнулся Ашот, – все время на виду. Куда не глянешь, везде ты.

– Уж извини, – фыркнула я. – Это он о гребешках?

Ашот молча кивнул. Дикция у Пешкасия была не очень, и слова разбирались с трудом, видимо, это и подарило ему дополнительные минуты выступления. Но я уже видела, как к сцене пробирался сердитый Ове. Похоже, Пешкасия надо было спасать. Вырвавшись от Ашота, я тоже стала проталкиваться к горе-певцам.

Вот зачем им с Сун-Пак пришло в голову петь о бедных гребешках, которых поедают жестокие гребешкоеды? Какую-то он там экологию еще ввернул, проблему загрязнения моря, мусор, собирающийся в острова, и разливы нефти, убивающие все живое. Когда я добралась до сцены, Пешкасий перешел к глобальному потеплению. Я забрала у него микрофон и, подхватив под мышку, сняла с короба под аплодисменты толпы. Ашот попытался сделать тоже самое с Сун-Пак, но она улетела, обругав его на своем, птичьем. А вот гости кафе вели себя странно. Улыбались, смеялись и

продолжали хлопать. Им что, понравилось?

Ове окинул меня мрачным взглядом и погрозил пальцем. Можно подумать, это я портила людям аппетит, читая ужасы со сцены.

– Ты стала совсем глупой в этом теле, – бушевал Пешкасий, размахивая лапками, но справиться со мной был не в состоянии. – Ты понимаешь, что гребешков надо спасать? Людям не нужна вся эта роскошь и экзотика. Здесь собрались одни извращенцы, и им нужно знать, какое преступление они совершают. Гребешки – вымирающий вид. Они заслуживают лучшего!

– Впервые слышу, что гребешки вымирают, – пропыхтела я, затаскивая Пешкасия в раздевалку. – А если Кормак нас сейчас выгонит?

– Кормак – злодей, – не унимался еж. – Ты знаешь, что он закупил целый контейнер еще живых гребешков для завтрашнего пира? Это уничтожение биологического вида! Геноцид!

– С каких пор тебя стали волновать такие проблемы? – поморщилась я.

– Ну, кого-то же они должны волновать. Или так и будешь делать вид, что все хорошо?

– Все плохо, конечно, – возмутилась я. – Меня заколдовали, мы застряли в этом Дзио не понять насколько...

– Почему ты только о себе думаешь, Наниша? – перебил меня Пешкасий. – А как же мир? Кто о нем подумает?

Наклонившись, я приняхалась рядом с его мордочкой. Но нет, настойкой Мари не пахло.

– Тебе Сун-Пак что-то рассказала? – осторожно спросила я.

– Все уже давно рассказано и написано, – фыркнул еж. – Ты газеты читаешь? В каждом выпуске – ливни, оползни, вулканы, разливы топлива в море, но мы ведь такие колонки пропускаем. Куда интереснее, кто на ком женился.

– Да что ты разбушевался, – попробовала я пойти на примирение. – Я, например, за отдельный сбор мусора. Стеклолотару собираю. А насчет Кормака ты зря. В городе объявлен Фестиваль гребешка, ему же надо чем-то завтра посетителей кормить, вот он и заказал контейнер.

– Мы должны их освободить!

– Кого? – не поняла я сначала.

– Гребешков, конечно, – у Пешкасия подозрительно заблестели глазки. – Я знаю, в каком доке разгружали судно. Ты только откроешь контейнер, а дальше мы сами разберемся. Но надо успеть до утра. На рассвете погрузчики начинают грузить кораба по машинам.

– Ну уж нет! – я уперла руки в бока. – Сун-Пак мы уже спасали, и ни к чему хорошему это не привело.

– Ты права, – согласился Пешкасий, грустно оглядывая мой человеческий облик. – Ты стала редкостной страшилищей, Наниша. Но это не повод ничего не делать. Не можешь помочь себе, помоги миру!

У меня даже дар речи на миг от такой наглости пропал. Не знаю, что бы я сделала с Пешкасием, если бы меня не позвали.

А вот тут и выяснилось значение некоторых пунктов в договоре, который я подписала, не прочитав как следует. Время близилось к полуночи, и посетителей поубавилось. Я заметила, что почти всех выпроводили на террасу, а середину зала освободили от стульев.

– Спасибо за работу, ты была великолепно, – сказала Кормак, не глядя мне в глаза. – Людей уже мало, с ними Барбатос сам разберется. Теперь посмотрим, что у тебя с хореографией.

– Чего? – не поняла я, растерянно глядя на приготовления, которые напоминали... урок танцев. Из раздевалки появилось несколько девушек в лосинах и топах, следом за ним вышли парни в такой же одежде. Вид у всех был раздраженный. Заметив, что Кормак с Ове тоже переоделись в спортивную форму, я заподозрила неладное.

– Это наши бывшие сотрудники, – махнул рукой в сторону новоприбывших хозяин. – Они согласились помочь с выступлением. Оно, кстати, завтра, а мы потеряли двух человек и не дотягиваем до нужного количества. Каждый коллектив должен иметь десять танцоров, а у нас трое ушли к конкурентам в соседнее кафе. С тобой и со мной будет необходимый минимум. Я, правда, совсем плохо танцую, надеюсь, что у тебя с этим дела получше обстоят.

– Что ты мне такое рассказываешь? – возмутилась я. Кстати, это было очень приятно – называть начальство на «ты». Кормак в самом начале отказался от всякий «выканий».

Не хотелось его разочаровывать, но Наниша и «танцы» были слова антонимы.

– Дело такое, – начал рассказывать Кормак, бегая глазами. – Каждый Фестиваль гребешка в Дзюо заканчивается конкурсом танцем профессиональных коллективов. Наших, конечно. За первые три места освобождают от налогов и дают денежные призы. Нам хотя бы третье занять. Мы немного в убытке.

Глядя на обилие народа, я бы не сказала, что у кафе проблемы с финансами, но Кормак поймал мой взгляд.

– Это сейчас, – пояснил он, – когда сезон в самом разгаре. А в начале лета целыми неделями лил дождь и бил ураган, стихия разбушевалась страшно. У нас в обед в лучшем случае три человека бывало. Надо всем сейчас постараться.

– Ни в коем случае, – решительно заявила я, глядя на подтянутых девушек, изящно делающих растяжку. Мое новое тело было, конечно, фигуристым и все такое, но вот так растянуть ноги я бы не решилась. Мало ли что там порвется.

– Соппротивление бесполезно, у тебя в договоре все прописано. Ты обязана.

– Это нарушение моих прав! И вообще, я с ног валюсь от усталости!

– У нас нет выхода, Наниша, – в отличие от Ашота, Кор-

мак называл меня настоящим именем. – Думаешь, я хочу на сцену? У меня ноги в два раза короче, чем у тебя, да еще и кривые. Тут не только стихия с налогами виноваты. У нас долг перед воздушными якудза, которые давали деньги на открытие кафе. А еще я к этому дурацкому фестивалю взял в кредит контейнер гребешков, их сейчас в порту разгружают. То, что мы заработаем за вечера фестиваля, в лучшем случае гребешков с теларией да зарплату персонала окупит. А якудза ждать не будут. Я должен был вернуть им деньги еще вчера. С трудом уговорил их подождать недельку.

Может, в голосе Кормака прозвучали какие-то особые нотки, а может, я подумала о том, что если якудза всех разгонит, я точно окажусь в камере «дятлов», но, так или иначе, сказала:

– Уговорил. А если мы проиграем?

– Что-нибудь придумаем, – утешил меня Кормака. – Переодевайся. В раздевалке есть все необходимое. Не волнуйся, солисты у нас имеются, будешь красиво двигаться на заднем плане.

Про «красиво двигаться» это он точно нафантазировал, а насчет «заднего плана» мне понравилось. Правильно, новичков лучше прятать, а то ведь я еще все испортить могу.

И тут я в буквальном смысле открыла рот.

– А он что здесь делает?

На площадку вышел Ашот, и дело было даже не в том, что он выглядел сногшибательно в облегающем трико и белой

спортивной майке, а в том, что, пройдясь немного по залу, он вдруг сел в шпагат, скосив глаза в мою сторону.

Я обомлела, а потом спохватилась. Кажется, ради моего удивления и было все представление. Ашот гордо отвернулся и принялся выделывать какие-то фигуры на полу – то ли отжимался, то ли изображал что-то из брейк-данса.

– Он? – растерянно переспросил Кормак. – Ашот – наше спасение. Он профессиональный хореограф, ставит нам танец.

– А я думала, он в такси работает, – протянула я изумленно.

– Ну, у этого парня много талантов, – с какой-то непонятной гордостью протянул хозяин. – Ашот у нас еще и за рекламу отвечает. Что бы я без него делал. Когда сестра попросила за ним приглядывать, я думал, что хлопот с таким племянничком не оберусь. А оказалось, что он нас постоянно выручает.

Кормак, выглядевший подростком, и могучий Ашот, подходящий ему в отцы, ну совсем не были похожи на дядю и племянника. Однако сказанное объясняло привилегированное положение этого Косимана. Блат он везде блат.

– Начинаем, – хлопнул в ладоши Ашот и сразу показал на меня. – Ты, Наташа, становись рядом. Сейчас разомнемся и начнем танец, а ты будешь за нами повторять, как сумеешь. После тренировок я с тобой отдельно позанимаюсь, поправлю, что не так. Хотя, думаю, все пройдет замечательно.

Видимо, в моем взгляде-таки отразилось нечто сильно негативное, потому что Ашот кашлянул и поправился.

– Вернее, после тренировок пойдем домой, а подкорректируем твои движения завтра.

Это звучало правильной, потому что после работы мы должны были искать Ислу. Ведь это его, в первую очередь, подозревали в похищении девушек, а не меня.

Я прошла к собравшимся и демонстративно встала в последнем ряду. Мне вообще хотелось лечь на пол и не двигаться, потому что настойка Мари начинала из крови улетучиваться, и тело наливалось свинцовой тяжестью. О том, что сейчас придется шевелиться, даже думать не хотелось.

Ашот, хитрец, не зря берег силы, потому что как только заиграла музыка, начался ад. Я с удивлением глядела, как он энергично прыгает, подскакивает и едва ли не кувыркается. И куда только делась ленивая манера движения, откуда взялось столько грации? Каждый жест был наполнен силой, красотой и смыслом. Ашот явно кайфовал от происходящего, чего нельзя было сказать о тех, кто присоединился к танцорам после рабочего дня.

Краем глаза заметив, что с Кормака ручьями льется пот, а пытит он, как паровоз, я перестала волноваться о том, как выгляжу со стороны, и сосредоточилась на выживании. Иначе происходящее назвать было нельзя. Ко всему, я вдруг увидела Пешкасия на крыше припаркованного авто, который, развалившись с раковиной гребешка в лапках, о чем-то ве-

село болтал с Сун-Пак, клевавшей белое мясо из другой раковины. Тоже мне, защитники прав моллюсков! Ну ничего, выживу после сегодняшнего дня, устрою им обоим веселую жизнь. Все припомню!

К счастью, энергичные движения вскоре закончились, и Ашот уложил нас всех на пол – растягиваться. К моему удивлению, новое тело весьма неплохо гнулось и тянулось в разные стороны. Последнее упражнение разминки мне особенно пришлось по вкусу. Надо было изображать мертвеца. Ашот произнес что-то нечленораздельное, объяснив, что по-человечески этот вид расслабления называется позой трупа и взят он из йоги. Раскинув руки-ноги звездочкой, я с трудом удерживалась от сна, хотя тот же Кормак, лежащий рядом, храпел без всякого стеснения.

Однако сам Ашот присоединяться к группе не стал. Меня так и тянуло подглядеть на него одним глазком, что и удерживало от того, чтобы не провалиться в сон немедленно. Оборотень, не скрываясь, тревожно переговаривался с Барбатосом, которого позвали с террасы.

– Уже разминка прошла, а ее все нет! – напряженно говорил Ашот, и слово «ее» из его уст мне совсем не понравилось. Кого это он там еще ждал?

– Только сейчас позвонила, – пропыхтела Мари, выходя к оборотню из кухни. – Все, ушла. Сказала, что с Геннадием у нее шансов на победу больше, чем у тебя.

– Я его убью! – проревел Ашот, разбудив Кормака. Хозя-

ин кафе мгновенно оценил ситуацию и, подскочив к разгневанному оборотню, принялся его утешать.

– Ничего, найдем новую, – не совсем уверенно произнес он.

– За два дня до выступления? – еще больше раскричался Ашот. – Где мы найдем ведущую танцовщицу моего уровня за один вечер? Всех годных уже разобрали. Я тебе говорил, Мак, что ей надо больше денег дать. Сразу было понятно, что Фея у нас не задержится.

Смело он так на своего дядю орал. Видимо, действительно, сильно расстроился. Даже поздние гости на террасе стали на нас чаще оборачиваться. Их, кстати, прибыло. Мне даже показалось, что я заметила знакомое лицо, но внимание быстро переключилось на Ашота и танцоров. Настроение тренера передалось команде, и все явно приуныли. Догадаться, что оборотня бросила ведущая танцовщица, променяв его на конкурента, было не трудно.

«Сейчас нас отпустят», – радостно подумала я, прикрывая глаза. Вот так бы сразу перенестись в кроватку, теперь уже все равно где и какую. Главное, чтобы на ней имелись подушка и одеяло. Хотелось завернуться в него с головой и представить, что все происходящее мне снится.

Если мечты в Дзюи и исполнялись, то каким-то извращенным способом. Я по-прежнему лежала, но уже в чьих-то руках. Видимо, начинала отключаться от усталости. Почему-то не удивилась, когда, открыв глаза, увидела очень близко улы-

бающееся лицо Ашота.

– Не беда! – бодро заявил он, опуская меня на ноги, но продолжая крепко прижимать к себе одной рукой. – Я изменю свою часть танца на соло, а Наташа мне подыграет. Главное, чтобы рядом была красивая женщина. За два дня я научу ее правильно ставить ноги, а все остальное не потребуется. Смотреть будут явно сюда.

И он демонстративно устался мне на грудь. «Объективизация женщины и шовинизм» – вспомнились мне слова Пешкасия, который считал себя феминистом. Я не знала, бывали ли феминисты мужского пола, но о правах женщин еж знал побольше моего.

– Расслабься, тебе будет приятно, – прошептал на ухо Ашот.

У меня было заготовлено множество вариантов, как поставить оборотня на место, но, увидев надежду во взглядах команды, а особенно Кормака, я поняла, что, если обижу их любимчика, меня или уволят, или поколотят.

Вопросы, конечно, имелись. Из всех девушек с явно лучшей хореографической подготовкой оборотень выбрал именно меня. Нанише было обидно. Бабника Ашота интересовало исключительно мое новое тело, и ему было совсем наплевать на бедную дриаду с кривыми ногами, личность которой теперь жила внутри красавицы.

Как ни странно, но мне удалось расслабиться и даже получить наслаждение. Обнимать могучие плечи Ашота все-таки

было приятно. Даже не пришлось ничего делать. Он вел меня по залу, что-то пришептывая и крепко обнимая за талию, я же слушала задушевный голос певицы, льющийся с террасы, глядела из-под полуопущенных век на романтический блеск свечей, оставленных на столах, вдыхала крепкий мужской аромат и представляла себя принцессой на балу. Наниша часто о таком мечтала, копаясь в бумагах в своем подвальчике, но даже и представить не могла, что воображаемое может стать реальностью. Да еще так скоро.

Я забыла, что у Дзио к мечтам было особое отношение. Только мои мысли стали сворачивать с тропы скептицизма, пропуская наивные фантазии о том, что, возможно, Ашот почувствовал истинную меня, и его интересует вовсе не пышная грудь Наташи, когда над ухом раздался его сердитый голос:

– Нет, я так совершенно не могу, – возмутился он. – Ты можешь хотя бы немного перебирать ногами? И ты вообще меня слушаешь? Такое впечатление, что я говорю в пустоту.

Наверное, так оно и было, потому что я слушала исключительно биение его сердца и представляла... Впрочем, что там я представляла, быстро улетучилось у меня из головы, вытесненное обидой. В глазах Ашота плескалось неподдельное раздражение. Если бы я чуть-чуть ему нравилась, именно я, а не длинные ноги Наташи, то он мог бы и сдержаться. Как ему объяснить, что я танцевала много раз, но только мысленно?

Подбежал Кормак, подошли еще девушки из группы, все хором стали мне что-то объяснять, а я чувствовала себя предательницей, из-за которой может рухнуть общее дело. И если победы мы не добудем, то исключительно по моей вине.

– Ну зачем же с красавицей так разговаривать? – раздался бархатистый голос, мгновенно привлечший к себе все внимание. – Никто танцором не рождается.

В дверях кафе стоял мужчина в элегантном костюме и поигрывал тростью. Я раньше видела его на террасе, но сейчас, глядя на трость, узнала по-настоящему. Тот самый маг Ролан Роландо, которого хотела увидеть Исла и на представление которого мечтали попасть все нелюди Дзио. Вот так встреча.

Мои щеки мгновенно полыхнули бордовым. Если бы Роландо увидел, как танцует Наниша, мне бы и дела до его мнения не было, но вот за Наташу стало вдвойне обиднее.

– С меня хватит, тренируйтесь сами, – бросила я в сердцах, вырвавшись от Ашота, который при виде Роландо тоже побагровел. Только если я покрылась краской от смущения, то к лицу оборотня кровь прильнула явно от гнева.

– Куда же вы уходите! – едва ли не пропел маг и ловко схватил меня за руку, когда я пыталась пробежать мимо.

Прежде чем к нему бросился Ашот, Ролан Роландо щелкнул каблуками и крикнул:

– Музыка!

Музыка и в самом деле появилась, правда, не из нашего проигрывателя, а вроде как из воздуха и со всех сторон. Эф-

фект был удивительный – я будто слышала мелодию сердцем. Ноги так и захотели пуститься в пляс от звуков зажигательного ритма. В следующую секунду маг перехватил меня за талию, и мы с ним помчались по залу, кружась и вертясь, как настоящие танцоры. И, – о чудо! – мои ноги на этот раз никого не подводили, не волочились, не спотыкались и не заплетались. Они выделявали такие па, что я только диву давалась, с трудом заставляя себя смотреть не на них, а в глаза Роландо, в которых можно было утонуть.

Так здорово я себя давно не чувствовала. Прошла усталость, исчезли сомнения, а мое недовольство Наташей превратилось в восхищение. Какая же она классная, ловкая, сильная и красивая! Все девушки должны быть такими. И хотя пару минут назад я была в восторге от Ашота, Ролан по сравнению с ним казался богом. Его губы приблизились к моим, но музыка вдруг замолчала, и в повисшем пространстве раздались лишь хлопки Кормака.

Мир еще кружился перед глазами, ноги хотели плясать, но волшебство закончилось, потому что между мной и магом влез тщедушный Кормака, рядом с которым возвышался похожий на грозовую тучу Ашот. Едва мы остановились, как оборотень дернул меня за руку, отодвигая от мага.

– Bravo! – закончил хлопать хозяин. – Очень впечатляющая демонстрация колдовства, но вынужден вас разочаровать. Вы потратили силы впустую. На конкурсе запрещена магия, и любое проявление подобной ворожбы, которую

вы сейчас наложили на ноги девушки, будут пресекаться представителями закона. А нам проблемы не нужны. Тише, Ашот, когда я говорю, ты молчишь.

Ашот лишь громко сопел у меня за спиной, но, видимо, Кормак хорошо знал своего племянника, потому что я услышала скрежет челюстей. У оборотня точно вертелись на языке колкости. Хозяин же, наверное, не хотел проблем еще и с магами. Ему неприятностей с якудза хватало.

– А, Кормак, – протянул Роландо, стряхивая невидимую пыльцу с рукава. – Ты никогда не умел веселиться. Я с удовольствием посмотрю, как ты продуешь состязание снова. Танцы и черная магия – несовместимы. Сколько вам еще осталось? Тебе лично? Триста лет? Или три тысячи? Искренне сочувствую твоему умопомешательству.

Я ничего не поняла из последних слов Роландо, но, глядя на непроницаемое лицо Кормака, догадалась, что речь идет о каких-то былых общих делишках мага и хозяина кафе. Может, Кормак и выглядел подростком, однако, судя по его словам и поведению, жизненного опыта у него имелось явно больше, чем у остальных. Связываться с магом действительно было опасно.

Я же испытывала жуткое разочарование. Значит, не было никаких скрытых способностей? Лишь магия, превратившая мои ноги в ноги танцовщицы? Не многовато ли превращений на столь короткий отрезок времени? Осознать это было еще горше, чем понять, почему из всех девушек Ашот вы-

брал Наташу. Будь проклято это красивое тело, от него одни стрелы в сердце.

– Уже ухожу! – поднял руки маг, видя, что к нему направился Ове. Но, прежде чем уйти, он ловко вынул из кармана сюртука конверт и сунул его мне в пальцы.

– Это приглашение на настоящее веселье, дорогая! Билетов на мой семинар уже не осталось, но для избранных приглашенных всегда найдется местечко. Приходи послезавтра в Городской цирк. Буду ждать встречи.

И послав мне воздушный поцелуй, маг покинул кафе, демонстративно чеканя шаг.

– Ее пригласил сам Роландо, – вдруг нарушила тишину одна из девушек-танцовщиц.

– Дал последний билет, – простионала другая.

– Их же больше нигде не достать, – вторила третья.

Я сжала конверт в руках, пытаюсь унять дрожь в пальцах. Судя по взглядам, мне откровенно завидовали. Впрочем, Наташе было уже не до этого. Резкая боль в ногах заставила меня пошатнуться и снова оказаться в объятиях Ашота, который тут же подхватил меня на руки.

– Ничего, пройдет, – успокоил он меня, догадавшись, что произошло. – Такие ощущения обычны после внушения. Ненавижу этого Роландо. Я отнесу тебя домой. На сегодня тренировки закончены.

Так закончился мой первый рабочий день. К поискам Ислы я еще даже не приступала, а проблем, кажется, стало еще

больше. И самой главной из них стал Ашот, который вызывал у меня путаницу в мыслях и учащенное сердцебиение. Может, человеческое тело Наниши подхватило какую-то человеческую болезнь? Или это проявила себя побочка, о которой говорила ведьма Елена Ка? Вот уж кого точно нужно было проклясть за пьянство.

Глава 8

Счастливым блаженством сна я наслаждалась недолго. Когда Ашот мягко потряс меня за плечо, за окном всюду светила луна, и, судя по ее высокому положению на небе, властвовать над Дзио ей оставалось еще долго. Город выдавал о своем присутствии миллионами огней, которые блестяли сквозь ветки ближайшего сквера. Поднявшийся еще днем ветер окреп и всюду хозяйничал на побережье, вздымая волны и гоняя туда-сюда редкие облачка, похожие в ночи на привидения.

– Вставай, Наташа! Надо идти искать Ислу.

Я уставилась в черные глаза Ашота, в которых невозможно было что-либо прочесть. Чертов оборотень, неужели он думал, что я отправлюсь с ним в город в полнолуние? Хотя свет луны, мягко падающий ему на лицо, его весьма красил. Захотелось потрогать его волосы, запустить в них пальцы, легонько сжать, спустить, оглаживая, ладони на плечи, обхватить, подтянуться к нему самой... Ох уж эта Наташа! Мое человеческое тело преподносило все больше сюрпризов.

– Не бойся, – улыбнулся Ашот, легко разгадав мои опасения насчет луны. – Я в Дзио не превращаюсь. Вот, – он показал мне браслет из черных ремешков на руке, – подарок от одной ведьмы. Не Ленки, но работает превосходно. Я встре-

тил в Дзио очень много полных лун, и ни одного превращения.

– Как ты сюда попал? – подозрительно спросила я, отстраняя его на длину вытянутой руки. Наташа была против, но Наниша решительно взяла ситуацию в свои руки.

– Двух часов сна достаточно, чтобы отойти от заклинания Ролана, – ушел от ответа Ашот, бесцеремонно роясь в моем гардеробе. – Вот, надень куртку, снаружи прохладно. А вообще спать по ночам в Дзио – это грех. Кафе открывается поздно, так что утром выплывайся.

– Это не моя куртка, – машинально пробормотала я, озираясь на окна. Все они были заперты изнутри, значит, оставалось верным одно – у Ашота имелся ключ.

– Теперь твоя, – деловито произнес оборотень, подходя с парой кроссовок, каких Наниша точно никогда носить бы не стала. – Прежняя одежда тебе не подходила, вот я и прикупил тебе кое-что на первое время. Насчет денег не волнуйся, потом сочтемся.

Деньги-то меня как раз не беспокоили. Интересовало, как он так безошибочно подобрал размер. Даже кроссовки сели на ногу как влитые.

Все эти мысли помогли немного взбодриться. Ашот, может, и заслуживал выволочки за то, что залез ко мне комнату – пусть и свою бывшую, но теперь мою собственную, – однако был прав. Ислу надо было спасать. Да и встреч с детективом Власом не хотелось. И хотя я не тешила себя ил-

люзиями, что у нас получится то, что не удалось у всей полиции Дзио, предпринять поиски нужно было хотя бы для собственной совести. А выспаться я потом всегда успею. Тем более, что присутствие Ашота отчего-то бодрило получше чашки крепкого кофе.

Выпроводив его на улицу, я быстро переоделась, отметила, что на часах половина второго ночи, подивилась собственному героизму и вспомнила про Пешкасия, которого в комнате не наблюдалось.

Как оказалось, горный еж вместе с Сун-Пак уже давно сидели в машине, ожидавшей меня снаружи. Транспорта такого я тоже еще не видела. Авто было похоже на старинный кабриолет без верха.

– Не спрашивай, – поймав мой взгляд, хмуро ответил Ашот, открывая мне заднюю дверку. – У Кормака другого транспорта нет. Хотя при других обстоятельствах я бы подумал, что он издевается.

Я молча протиснулась на сиденье к Пешкасию и канарейке, оборотень же занял место рядом с водителем. О том, что Кормак сдержал слово и отправил с нами мертвеца по имени Лео, свидетельствовало устойчиво зловоние, исходившее от фигуры за рулем. Мне даже стало страшно за Ашота, но оборотень как ни в чем не бывало хлопнул мертвеца по плечу и показал рукой вперед, мол, трогай.

Лео кивнул, а потом обернулся ко мне. Кажется, он хотел поздороваться, потому что его гниющая голова упала

на грудь, а потом поднялась, имитируя кивок, но лучше бы он просто нажал на газ. Теперь понятно, отчего Пешкасий с Сун-Пак сидели такие тихие. От этого простого движения обшивка машины, и так заляпанная подозрительными пятнами, покрылась новыми капельками неприятного цвета. Лео издал что-то нечленораздельное и, к счастью, отвернулся. Хорошо, что у него не было языка. Говорящего мертвеца я бы не перенесла.

– Пойдем по списку, – деловито начал Ашот. – Исла знает весь Дзио, но эти пятеро ее, вроде как, ближайšie друзья и родственники. Странно то, что о пропаже Ислы до сих пор не заявили в человеческую полицию.

Я подумала о том, что список «ближайших друзей» Ислы явно больше пятерых, ведь я тоже входила в их число. По крайней мере, Нанише так казалось.

Лео что-то постоянно мычал Ашоту, тот ему поддакивал, делая вид, будто понимает, а я прижимала к носу край шарфа, который накинул перед выходом на меня оборотень, и пыталась внушить себе, что воздух вокруг пахнет розами, а не мертвечиной. И это при том, что нас со всех сторон обдувал ветер. Видимо, Кормак знал, что делал, когда давал нам машину с открытым верхом.

Исла вела активный ночной образ жизни и, наверное, разумно было искать ее в темное время суток там, где кипели и бурлили страсти морского курорта – в самом сердце Дзио.

Мы миновали спальные районы со скверами и парками,

среди которых затерялось кафе Кормака, и плавно влились в поток сверкающих машин, струящийся по главным городским венам-магистральям. Неоновые рекламные вывески – вертикальные, горизонтальные, совсем крошечные и ослепительно гигантские, старинные фонари и модные лампы в световых кубах, гирлянды огней на фасадах зданий и между улицами, сверкающие всеми цветами радуги фонтаны и невидимые светильники, спрятанные в клумбах с розами и петуниями, отчего казалось, что в цветах живут маленькие солнца. Ночной Дзио сверкал куда ярче дневного. Понять, как он пах, из-за соседства Лео не представлялось возможным, а вот звучал он громко, дерзко и вызывающе. Почти из каждой машины лился поток ритмичной музыки, ночные клубы и кафе гремели басами, зазывая прохожих, уличные музыканты старались перекричать какофонию, активно пользуясь разными усилителями голоса.

Шумновато, подумала я, невольно вспоминая душевный вокал Лианны и теплую магию свечей в кафе Кормака. Взгляд то и дело метался к Ашоту, тем более, что он сидел впереди, и я могла его беспрепятственно рассматривать. Оборотень с восхищением разглядывал мелькающие огни и прохожих девушек в коротких сверкающих юбках, я же думала о несправедливости жизни. Ведьма подарила мне красивое тело и тем самым обрекла до конца жизни сомневаться в истинности чувств окружающих меня людей. Кажется, Ашоту я нравилась, но с такой же уверенностью можно бы-

ло сказать, что ему нравилась вон та рыжеволосая певица, кривляющаяся на входе в метро, или девушка в желтых шортах, только что перешедшая перед нами дорогу. Казалось, что вообще каждая симпатичная самка вызывает в оборотне восхищение. Мне определенно с ним не по пути. Я ведь превращусь обратно в дриаду рано или поздно, и что останется Нанише? Грусть и тоска. Будто их и до Ашота в ее жизни не было.

Хотя, признаться, в теле Наташи было не так уж плохо. А может, я начинала привыкать. Наташа оказалось выносливой, ловкой (танцы не в счет), сильной и быстрой. А то, что отсутствовали средства защиты наподобие родовой веточки, так этот недостаток можно было решить оружием. Я еще с вечера положила в сумочку вилку на всякий случай и была собой чрезвычайно довольна.

Если сначала ночной Дзио оглушал и восхищал, то после того как ты в нем растворялся, появлялись другие чувства. Я устала еще до того, как мы подъехали к первому ночному клубу. Сказывалась бессонная ночь, хотя Ашот и купил нам всем по баночке энергетика. Вот уж кому, а Пешкасию пить много кофеина точно не стоило. Всю дорогу он горланил рэп, и я не знала, от чего у меня больше болят уши – от шума городских ночных улиц или от ежиного речитатива.

– Ислой пахнет, – неожиданно четко произнес Лео, крутанув носом в сторону дверей в виде открытого рта. Я подозрительного на него покосилась. Если русалка и бывала в

этом клубе, то дня два назад. Маловероятно, что такое можно было почувствовать. Зомби мне нравился все меньше.

– И там тоже, – Лео кивнул в сторону аллеи, освещенной фонарями. – И там, и там.

– У него невероятно острый нюх, – поймав мой взгляд, пояснил Ашот. – Исла везде наследила. Ты, ты и ты, – оборотень ткнул пальцем по очереди в Пешкасия, Сун-Пак и Лео, – сидите в машине, а мы с Наташей попробуем поговорить с этим Валентином. Он первый в списке Кормака. Ты знала, что у нее есть брат-тритон?

– Я Наниша, – прошипела я, раздраженная поездкой, ночным Дзио и его красавицами. – Нет, не знала. Так просто и спросим? Где Исла? Мол, нас подозревают, и нам бы найти ее до того, как окажемся в тюрьме.

– Ты правда устала, – окинул меня задумчивым взглядом Ашот. – Говорить буду я, а ты не забывай улыбаться. Когда у тебя на лице улыбка, все неприятности блекнут, а я готов свернуть горы.

Не зная, как толковать эту непонятную витиеватую фразу, я решила промолчать. Тем более, что сил на препирательства и острословие особо не осталось.

Валентина мы нашли быстро. Трудно не заметить человека с плавниками по всему телу. Валентин сидел у стойки в костюме, напоминающем цирковой, и оттого его плавники смотрелись более-менее гармонично. Его легко можно было принять за артиста – с ярким макияжем на лице, воло-

сами, обильно покрытыми лаком и броскими украшениями. Валентин сидел один и, судя по тому, как его все обходили стороной, был явно не в духе. «Расстроен пропажей сестры, – подумала я, – вон сколько пустых бокалов рядом».

Барная стойка перед Валентином, действительно, была усеяна бутылками и стаканами с остатками выпивки. Судя по тому, что его не трогали ни бармен, ни вышибалы, тритон был завсегдаем.

– Исла, пропала? – недоумевающе переспросил он, когда Ашот подсел к нему с бутылкой текилы. Я решила Валентину не улыбаться и спряталась за могучей спиной оборотня. Гудящее, словно растревоженный пчелиный рой, заведение вызывало у меня только одно желание – покинуть его как можно скорее.

Я уже решила, что тритон нам ничего не расскажет, но тут он моргнул, при этом глаз на миг закрылся не обычным веком сверху – а третьим, сбоку, – и вдруг разразился монологом:

– Неблагодарная тварь эта Исла, вот кто она. Пропала, говорите? Туда ей и дорога. Ненавижу эту припадочную. Уверен, кого-то из нас усыновили, и это точно не я. Думаю, ее прибил кто-то из родственничков. Из-за наследства. Эта стерва влезла в доверие к дяде Стасу, и когда он помер, отписал ей дом, машину, дачу, яхту и счет в банке. Мы все думаем, что не обошлось без гипноза, связи с магами у нее имелись. Вот как так? Каждый из нас ухаживал за дядюшкой по

очереди, а богатство ушло Исле. Это год назад было, я с тех пор с ней не разговаривал. Так что вы думаете? Дура-сестрица вложила все деньги в какой-то стартап и, разумеется, прогорела. Когда мы узнали, что она выставила родовой дом на продажу, то у некоторых терпение не выдержало. Думаю, ее заказала тетя Лотта, она Ислу больше других не переваживала и всегда приговаривала, что по ней киллер плачет. Да я и сам бы сестренку придушил, если бы встретил. Она уже год от меня скрывается.

Из клуба мы вышли несколько огорошенные. Новости были неутешительные. И даже не из-за того, что у Ислы оказалось столько неприятелей. Если в деле замешаны наемники-профессионалы, то русалки нам точно не найти, а значит, от встречи с «дятлами» не отвертеться. И неприятности грозят уже нам.

Второй в списке Кормака шла подруга детства по имени Ада. Ни о Валентине, ни о ней Исла мне никогда не рассказывала, но теперь я уже сомневалась в том, что русалка когда-либо говорила правду.

Аду мы нашли в уже известном ресторане «Шу Фу», который преобразился вместе со всем городом. Сейчас заведение больше напоминало ночной клуб, сверкало дискотечными огнями и гремело ритмами. Ашот что-то показал охраннику на входе, и нас пропустили. Вероятно, записку от Кормака, у которого везде имелись связи.

Немолодая, но отчаянно желавшая выглядеть молодой

женщина в коротком черном платье с блестками, очевидно, кого-то ждала – точно не нас. Удивительно, что она вообще согласилась с нами разговаривать, хотя, кажется, Ашот тоже ей что-то показывал. Впрочем, разговор вышел коротким.

– Даже слышать не хочу об этой сучке, – пробасила Ада, закуривая сигару. – Она у меня двух парней увела. Чтоб ее маньяк поймал и распотрошил. А если не он, то я сама это сделаю при первой же встрече. Когда я ее в последний раз видела? Неделю назад в моей постели с моим женихом. Она даже не удосужилась в другое место пойти, прямо в моем доме его и соблазнила.

У этой Ады тоже имелся неплохой мотив для убийства нашей общей знакомой. Кажется, я знала совсем другую Ислу. Или это Наниша всегда носила розовые очки?

Третью в списке, мадам Мармору, рядом с именем которой Кормак нацарапал «вторая мама», мы нашли не сразу. Бармен в клубе, где мы ее искали, заявил, что женщины не видел с тех пор, как пропала Исла. Мол, всегда на этом стуле сидела, а уже две ночи подряд ее нет. Но тут помог Лео, который заперся за нами следом и, обнюхав сидение, молча указал на туалет. Не знаю, как он выудил запах Мармомы среди всех других задов, что сидели на табурете, но Ашот, не колеблясь, направился вслед за мертвецом. От публики Лео прикрылся широкополой шляпой, но на запах все равно оборачивались. И глядели с подозрением на меня, так как мертвец шел впереди, а я замыкала, немного отставая.

– Мармора – гарпия, – пояснил Ашот, немного приоткрыв тайну, – У них очень едкий запах, даже я его чую. От них всегда воняет жжеными перьями. Ты с ней поосторожнее, лучше молчи.

Я вообще не знала, зачем он меня таскал по этим барам, у него и самого неплохо получалось с разными нелюдями общаться. Правда, без особого результата.

У дверей женского туалета Ашот с Лео притормозили.

– Тут заговоренная дверь, только дамам можно, – приуныл оборотень, и я почувствовала, что настал мой выход. Уверенности, как и смелости, не было, зато усталость и дикое желание вернуться скорее в домик у моря заставили меня смело распахнуть дверь.

– Вот, – сунул мне какую-то корочку Ашот. – Покажи ей, разговаривать легче будет.

На внутреннем сгибе маленькой книжки были начертаны незнакомые символы, но я решила вопросов не задавать. С корочкой в вытянутой руке я прошла вдоль зеркал и кабинок, пока не уперлась в одну открытую.

Существо, больше похожее на огромную птицу, чем на женщину, сидело с ногами на унитазе и деловито листало модный журнал, зажав его в покрытых перьями пальцах. В другой руке оно держало сигарету.

– Ушли эти упыри Кормаковские? – не глядя на меня, бросила она.

– И вам здрасьте, – сказала я, сунув ей под нос волшебную

книжечку. Если честно, большого результата я не ожидала, но, видимо, символы в корочке имели какое-то значение для нелюдей Дзио, потому что Мармора сердито бросила сигарету в унитаз и процедила сквозь зубы.

– Вот умеете вы везде достать, – фыркнула она. – Не знаю, где она. А если бы знала, не сказала. У нее с Крабом Усопом проблемы, наверное, залегла на дно. Откуда мне знать, что вы на него не работаете? Такие бумажки сейчас каждый нарисовать может.

– А краб он... краб? – спросила я, хлопая ресницами. Имея в друзьях горного ежа, влюбленного в канарейку, я решила на всякий случай уточнить.

– Ты совсем дура? Краб Усоп – это человек, с которым даже «дятлы» не связываются. Не местная, что ли?

Я помотала головой.

– Ну так я тебе не справочная. Если не знаешь о якудза, то это твои проблемы. Я, между прочим, говорила Исле, чтобы она у него денег не брала, но, похоже, она такая же дура, как и ты.

Замолчав, гарпия, похоже, поняла, что сболтнула лишнее, потому что замахнулась на меня журналом. Я поскорее выбежала, тем более, что ничего полезного эта пернатая тоже не сообщила.

Складывалось такое впечатление, что против Ислы ополчился весь Дзио. Опросив еще трех из списка Кормака, мы остановили машину у причала старой набережной и приня-

лись глядеть на бушующие волны. Список закончился, а ясности не прибавилось. Вернее, дело только запуталось. Если раньше Исла представлялась несчастной жертвой маньяка, то теперь она сама казалась преступницей и должницей. У одного банкира она даже новорожденного малыша угрожала похитить, требуя закрыть ей кредит. Сопернице по танцам Исла сломала ногу, а соседям, громко слушающим музыку, подожгла машину. У нее была куча неоплаченных штрафов от человеческой полиции, несколько судебных дел по административным нарушениям и куча задержаний за неприличное поведение в общественных местах. После таких открытий искать русалку совсем не хотелось.

Зомби Лео растерянно бродил по набережной, приюживаясь к морю, зато Пешкасий с Сун-Пак о чем-то подозрительно шептались, спрятавшись в багажнике. Неподдалеку сверкала огнями огражденная площадка с контейнерами. Мы остановились в промышленной морской зоне, где не было прогулочных мест, но здесь хоть дышалось легче и думалось спокойнее. Гуляющие горожане и шумный Дзио остались позади. За решеткой мирно дремали краны и погрузчики, ожидающие утреннего рабочего часа. Охранник окинул нас подозрительным взглядом, но решил не вмешиваться.

Машина, будто из музея авто-мото старины, да блондинка в компании двух странных типов не внушали доверия и не вызывали желания связываться.

– Наташа, – подергал меня за рукав куртки Пешкасий.

Чтобы дотянуться до руки, ему пришлось стать на камешек, но за «Наташу» я демонстративно не обращала на него внимания.

– Может, домой? – вяло спросила я Ашота, проникаясь всеобщим унынием.

– Смотря что ты имеешь в виду под «домом», – едва ли не впервые огрызнулся оборотень. – Если Влас ко мне прицепится, то придется уезжать обратно в Межмирье. Я туда не хочу. Мне нравятся люди, я хочу жить, как они, в их мире и по их правилам.

Это было откровение, явно вызванное дневной усталостью.

– В Межмирье тоже живут люди, – осторожно заметила я. – Можно переждать, например, в том же Готенруге. Там сейчас безопасно.

Ашот лишь покачал головой:

– В Готенруге я не смогу стать человеком. Ни в Корсионе, ни в Архипелаге – нигде. Такое превращение возможно только здесь, в людском мире.

– Ого! – я постаралась не сильно открывать рот от удивления. – А можно спросить, почему? Зачем тебе становиться человеком? Разве быть оборотнем плохо? Ты, кажется, себя контролируешь. Вон какая луна на небе, а ты ничего, держисься.

– Я держусь на защитных амулетах, препаратах и снадобьях – как наркоман, – фыркнул Ашот. – Никакой свободы,

одна зависимость. Я был рожден оборотнем и живу очень долго. Человек – слабейшее звено среди обитателей Межмирья, но познать высшую силу воли можно только находясь в самом низу. Настоящие сверхъестественные возможности – в их отсутствии.

Я ничего не поняла, что имел в виду Ашот, но решила не уточнять. У него было такое торжественное лицо, будто он мне признался в каком-то сакральном вероисповедании.

– Ты деньги зарабатывал, чтобы оплатить услуги Елены Ка? – догадалась я. – Чтобы она тебя превратила?

– Этой ведьме я не по зубам, – усмехнулся Ашот. – Ни одного из нас она превратить не может.

– Кого из вас? – не поняла я.

– Нас, кормаковских, – пояснил он. – Ты – чистая душа, Наниша. Превращать таких в людей – легко. Твои самые страшные прегрешения – это измышательства над клиентами в Бюро. Мы же – убийцы. Ох, не место здесь, конечно, для таких историй, но Кормак и его команда, в том числе я, не просто так живем в Дзио. Мы все прибыли в человеческий мир, чтобы стать людьми, добровольно отказавшись от своей нечистой силы. Ты когда-нибудь слышала о заклинании Абрамелина?

Я оторопело покачала головой.

– Мало кто о нем слышал. Даже не все маги знают. Нечистые могут стать людьми, только если не будут грешить и причинять вред человечеству в течение определенного пе-

риода времени. Чем больше зверствовал в нечистой шкуре, тем больше добрых дел надо сотворить, живя среди людей.

– Ты имеешь в виду, что Мари, Ове, Барбатос, все они – убийцы?

– Еще какие, – хмыкнул Ашот. – Мари – знаменитая ведьма-отравительница, ее жертвы сотнями исчисляются. У Барбатоса и Ове не меньше, а про Спироса я вообще молчу. Ему труднее всех приходится. Он же вампир, ему теперь надо жертв уламывать, чтобы они с ним кровью поделились. Вот он и ошивается по вечерам среди дам, ищет извращенков. Но обычно он ложится спать голодным. Кровь из пробирки ему тоже не подходит, в общем, если кто и помрет раньше всех, так это Спирос. Если у него дела совсем плохо идут, то мы по очереди с ним делимся кровью. Только пообещай, что ты этого делать не будешь. Я точно ему врежу, если его зубы коснутся твоей кожи.

– Ну а ты, Ашот? – решила я перевести тему. – Тоже грешил?

– Я король оборотней из Манекии, – сказал он, глядя мне в глаза. – Разрушал города, поджигал деревни... Мне очень много лет, Наниша, и я успел натворить дел, о которых даже вспоминать стыдно. С Барбатосом мы одно время воевали. Его племя держалось дольше других, но их мы тоже покорили, хотя сам Барб сбежал. Если бы не Кормак, кровная месть до сих пор стояла бы между нами. То, о чем я тебе рассказываю, происходило очень, очень давно, хотя иной раз я про-

сыпаюсь от кошмаров, и мне кажется, что я еще чую запах крови и горящей плоти. Все это в прошлом. Сейчас я другой Ашот, но быть другим мне позволяет именно Дзио. Если я вернусь в Межмирье, прошлое может вернуться за мной, а возвращения прежнего Ашота я совсем не хочу. Да, тебя обратили против твоей воли, но мы все тебе по-хорошему завидуем. Это здорово – быть человеком.

– Понятно, – протянула я, вспоминая, как, будучи Нанишей-дриадой, допытывалась в Бюро у Ашота, откуда он родом. Еще бы он в таком признался.

– А Кормак он какой-то маг, да? – спросила я, стараясь замять неловкую паузу. – Вы все его так уважаете, а вид у него, прямо скажем, совсем неказистый.

– Кормак он... – Ашот замаялся и поднял глаза к луне. – Если в мире раньше и было абсолютное зло, то его звали Кормаком. Больше вряд ли сумею рассказать. Лучше спроси у него сама как-нибудь. Одно скажу. Раньше вся нечистая сила склоняла перед ним голову. Моим самым большим удивлением в жизни было узнать, что такой, как Кормак, захотел стать человеком. В принципе, это он раскопал заклинание Абрамелина и предложил нам сбежать из Межмирья. Причина у каждого своя, никто из нас не сможет раскрыть сердце и душу и объяснить, почему мы решили стать людьми. Такие признания больше, чем свежая рана. Но мне повезло. Из всех кормаковских я должен продержаться всего пять лет. Труднее самому Кормаку. Его срок исчисляется столетиями.

– Вы закончили? – послышался снизу вредный голос Пешкасия. Еж стоял между нами, сложив лапки на груди. – Кричу им, кричу, а вы, как оглохли.

– Прости, – пробормотала я, все еще пребывая в рассказе Ашота. – Что ты хотел сказать?

– Предлагаю сделку, – деловито произнес еж, снова забираясь на валун. – Выгодно всем, но, прежде всего, ему, – он ткнул лапкой в Ашота. – Мы с Сун-Пак поможем отыскать Ислу, а вы освободите гребешков. Контейнер – там. Надо всего лишь вырубить охранника, открыть замок, взломать ящики и выбросить бедных малышей в море. Я проверил, они там всего лишь охлажденные, почти все должны быть живы. Ашот сделает одно доброе дело, а потом, получив от нас информацию, найдет Ислу – второе доброе дело. Глядишь, и его пятилетний срок сократится до одного годка.

Я подхватила Пешкасия на руки раньше, чем к нему двинулся оборотень. Глядя на помрачневшую физиономию Ашота, я реально испугалась, что лишусь моего ежика, а к пяти годам оборотня прибавятся еще десять – за убийство редкого разумного вида.

– Это ты о гребешках, из-за которых Кормак в долги к Крабу Усопу влез? – прорычал Ашот, надвигаясь на меня с Пешкасием в руках. Я открыла рот, чтобы храбро защитить друга, но тут вокруг головы оборотня начала порхать Сун-Пак, что-то яростно щебеча. Где-то минуту Ашот мрачно слушал канарейку, после чего произнес:

– Ладно, не кричи, согласен. Но если Кормак узнает, идея была его, – он ткнул пальцем то ли мне в грудь, то ли в Пешкасия. Все-таки птичка влияла на оборотня самым волшебным образом.

Я отпустила ежа на землю и, приблизившись к Ашоту, попросила его наклониться. Дотянуться до его уха было сложно даже с моими длинными ногами.

– Может, лучше поедem домой? – прошептала я. – Нам неприятностей и с «дятлами» хватает. Зачем еще проблемы с Кормаком, тем более, если он, как ты сказал, само зло? У зла с терпением и нервами обычно плохо. А насчет Ислы – как они ее могут отыскать? Только зря время потеряем. Надо выспаться, завтра с утра на работу.

– Наташа, не саботируй! – раскричался Пешкасий, который еще и обладал чутким слухом. – Вы отпускаете гребешков, а мы идем беседовать с нашими друзьями. Если они ничего не знают, то значит, ваша русалка растворилась в воздухе. И я самолично выловлю всех гребешков из моря, запакую их обратно в ящики и отправлю Кормаку.

– Договорились, – оживился Ашот. – Ловлю тебя на слове, еж.

На том и разошлись. Мы с оборотнем поплелись к решетке, а Пешкасий с Сун-Пак заторопились к морю. Мне даже думать не хотелось, кого они там на берегу собрались спрашивать.

– Ты его отвлечешь, а я проберусь внутрь и отпущу мол-

люсков, – предложил Ашот, указывая на охранника. До этого момента мне не верилось, что мы всерьез решили разорить Кормака.

– У меня плохое предчувствие, – честно призналась я. – Может, не надо?

Но Ашота рядом уже не было. И как он так ловко перемахнул через решетку? Когда я заметила волчий хвост, исчезающий за контейнерами, мне стало не по себе. Охранника не отвлекать надо было, а спасать. Да и Ашота в том числе. Если человек заметит его в превращенном виде, то начнет стрелять, а зверь будет обороняться. Охранник отслужит последний день, Ашот же получит еще пару лет паломничества – в лучшем случае.

Я отчаянно замахала руками, призывая человека в форме. Вот они и преимущества красивой внешности. Если бы звала Наниша, на нее скорее бы выпустили собак. К Наташе же представитель охраны не подошел, а подбежал.

– Я здесь колечко потеряла, вы не видели? – пролепетала я, делая вид, что вот-вот расплачусь. – Днем с подружкой гуляла, а оно, видимо, с пальца свалилось. Я так волнуюсь перед свадьбой, что похудела.

Большой нелепицы я в жизни не городила. Но самое интересное, что охранник не только поверил в то, что можно гулять вдоль решетки в самом непривлекательном месте Дзидо, но и принял активное участие в поисках. Уж не знаю, что он там вообразил, но, когда со мной рядом появился поче-

му-то мокрый Ашот, вид у человека был весьма недовольный. К Ашоту у него явно имелись вопросы, но я поспешила заявить, что, кажется, ошиблась местом, и направилась к ожидавшему нас у машины Лео.

– Я справилась, – сказала я гордо, забираясь на заднее сиденье.

– Я тоже, – хмыкнул Ашот. – Газу, Лео. А то может оказаться, что охрана умеет считать. Итак, еж, что скажешь? Пешкасий?

Оборотень с удивлением воззрился на компанию на сиденье авто. Тарантайка Кормака два раза чихнула и тронулась с места, мне же ничего не оставалось делать, как захлопнуть дверцу и попытаться сохранять серьезное выражение лица.

– Это наши друзья, – представил собравшихся сзади Пешкасий. – Юля, Ян и Гена.

Я уставилась на чайку, голубя и краба, с первого сидения молча пялился на компанию Ашот. И только зомби сохранял невозмутимое спокойствие.

– Они видели, как двое тащили Ислу, – сказал еж. – Покажут место, назовут время, но у них есть условие.

– А может, хватит условий? – не выдержал оборотень. – Нам еще за чертовых гребешков отдуваться. Повезет, если Кормака не станет спрашивать. Солгать я ему не смогу.

– Условие такое, – как ни в чем не бывало продолжил Пешкасий. – Они хотят, чтобы их усыновили. Взяли домой, кормили, лечили, одним словом, устроили беззаботную

жизнь. И никаких ограничений по передвижению. В смысле, без клеток и аквариумов. То есть, аквариум, наверное, понадобится, но большой и без крышки с замком. Лучше ванна.

– Усыновили? – переспросила я глупейшим образом.

– Ну а что? Жизнь в Дзио нелегкая, с людьми как-то легче.

– Их Наташа возьмет, – самым наглым образом заявил Ашот. – Я гребешков освобождал.

Встретившись с его черным непроницаемым взглядом, я поняла, что в этом споре вверх не одержу. Краб и птички небольшие, я их присутствие в комнате даже не замечу. Может, и Пешкасию будет веселее. Понятно, что в мире людей ему тоскливо, вот он и пытался завести знакомых.

– Только при условии, что мы найдем Ислу, – кивнула я.

– А это уже от вас зависит, – хмыкнул еж. – В общем, видели, как в ту ночь мужчина высадил Ислу из машины, похожей на такси, и затащил в Цирк. Юля считает, что она была под дурманом, но Гена думает, что у нее были связаны руки. Ян полагает, что мужик был похож на него, – Пешкасий ткнул пальцем в Ашота. – Хотя голуби часто ошибаются.

– А давай спросим птичку еще раз, кого она там видела, – угрожающе сдвинул брови Ашот.

Голубь Ян возмущенно запищал, я же поспешила вмешаться.

– Где бы этот цирк ни был, но туда мы сегодня не поедем. Все завтра. Нам еще усыновленных устраивать. А тебе, Ашот, с утра пораньше надо тренироваться. Если не выигра-

ешь тот конкурс, как еще Кормаку якудза долг выплачивать?

– Ну ты и раскомандовалась, – фыркнул Ашот, но в глазах его плясали смешинки. – И не вздумай меня подозревать. Я твою подругу пальцем не трогал.

– Разберемся, – ответил вместо меня Пешкасий, окинув оборотня подозрительным взглядом. – От ежиного правосудия еще никто не уходил.

Они препирались всю поездку, я же поймала себя на мысли, что, несмотря на страшную усталость и очевидные неприятности, мне нравилась эта наташкина жизнь. Мне оказалось достаточно провести в Дзио всего пару дней, чтобы влюбиться в этот сумасшедший город и его обитателей.

Глава 9

Так хорошо я давно не спала. Не спеша потянулась, поморгала, перевернулась на другой бок, еще немного подремала – сладко, мирно, спокойно, и открыла глаза. Вот что значит выспаться. Комнату заливал яркий свет, занавески плавно колыхались под лёгким дуновением ветра, слышался ласковый шелест волн, под окнами щебетали птички, шуршал задубевшей листвой прощающийся с летом тополь.

Какое-то время я кайфовала под эти звуки, отгоняя одну тревожную мысль, которая все равно бесцеремонно ворвалась в сознание: проспала! Да еще как! Быстрый взгляд, брошенный на будильник, показал, что время близилось к обеду. Я или уволена, или считаюсь жертвой маньяка, пропавшей без вести.

Понемногу стал вспоминаться вчерашний день, но особенно – вечер, перешедший в бесконечную ночь. По возвращении Пешкасий с новыми друзьями закатали вечеринку, к счастью, на половине Ашота. Мы с оборотнем решили не вмешиваться, и взяв по куску пиццы, отправились на террасу, чтобы переждать веселье. Да и после адреналина ночных приключений спать особо не хотелось. Мы глядели на луну, потягивали чай из стаканов, который принес нам краб Гена, каким-то образом удержав поднос на спине, и болтали ни о

чем – о волнах, погоде, звездах. Ашот рассказал, как упал в море, когда освобождал гребешков, а я поделилась, как мне не хотелось пропускать его в Дзио из-за едва видимой печати, и как я специально отсиживалась в туалете, чтобы заставлять его ждать подольше. Я завидовала – его свободе, в первую очередь. А еще решимости. Ведь для того, чтобы все бросить и отправиться жить в новое место, одного намерения недостаточно. Нужна сила воли, которой я у себя не находила. Будучи Наташей, легко было говорить о печалях Наниши, но оборотень, к моему удивлению, смеяться над дриадой не стал.

– Неважно, кем ты была, Наниша, – сказал мне на прощание вчера Ашот. – Важно, кто ты есть сейчас.

А потом я долго не могла заснуть, ворочалась и вспоминала слова друзей Пешкасия о том, что у цирка видели похожего на оборотня таксиста. С другой стороны, зачем маньяку отвозить своих жертв в столь видное место? Ведь в Цирке скоро должен был выступить Ролан Роландо? Следующая мысль и вовсе была абсурдной. А вдруг это маг крадет девиц? Но ему-то зачем? Бедная Исла! Как, имея такой скверный характер и столько долгов и обиженных знакомых, можно было вообще дотянуть до ее возраста?

А потом мне почему-то подумалось о Седалии и Кормаке. Хозяин кафе выгодно отличался от демоницы, еще ни разу не кричал на меня и не повышал голос. Впрочем, я всего-то один день у него проработала. Может, сегодня он станет по-

следним. Вспомнив о гребешках, я испытала укол совести. Мне нравился этот Кормак, пусть его и считали мировым злом. Будет обидно, если он разорится по нашей вине. Надо обязательно что-нибудь придумать с этим его долгом.

– Беда, Наниша! – в спальню вбежал Пешкасий и замахал лапками перед моим лицом, думая, что я сплю. – Вставай скорее, некрасивая женщина, с твоим мужчиной беда!

Наверное, лучшего способа пробудить меня окончательно было не изобрести. К тому, что ежу я теперь казалась страшной уродиной, я уже привыкла, а вот про моего мужчину – это было что-то новенькое.

– Ашот пошел с утра за тебя работать, – тем временем, тараторил еж. – У него и так плохо получалось, Мари его ругала, клиенты недовольны, а тут еще этот маг приперся и сейчас над ним издевается. Боюсь, ничем хорошим все это не закончится. Кормак уехал в порт вместе с полицией – гребешков, дурак, ищет, Барбатос с ним, а у Ове мозгов нет. Будет драка. Беги, Наниша, беги!

И я побежала, потому что отчетливо представила себе картину, как Ашот в фартуке официанта нависает грозовой тучей над элегантным Роландо. Мари, как увидела меня в дверях, так прямо засияла от радости. Видеть улыбку на старушечьем лице отравительницы было приятно, ведь повар вообще редко проявляла эмоции, а если такие и были, то чаще в сторону минуса.

– Проспала! – выдохнула я, поспешно переодеваясь на

кухне за холодильником. Оказывается, Пешкасий все предусмотрел и притащил мою форму наверх, чтобы я не тратила время в раздевалке. Сокровище, а не еж. Был бы он еще не таким идейным...

Мари только рукой махнула на мои извинения – мол, не до них.

– Без гребешков мы остались, слышала? – прокряхтела она. – Чем теперь гостей угощать?

– А что Кормак сказал? – едва выдохнула я.

– Велел фантазировать, – вздохнула старушка. – Может, грибы вместо гребешков на раковины положить? Пустых раковин у нас хоть отбавляй.

– Хорошая идея, – согласилась я, особо не думая, и выпорхнула в зал.

Первым, что я услышала, был голос мага, который мелодичным тенором разливался по всему кафе.

– Молодой человек, как вас там, Ашот, терпение – залог успешной карьеры официанта, – поучал Ролан оборотня, цвет лица которого напоминал свеклу в бульоне, который сейчас варила Мари. – Если я сказал, что еще выбираю, значит, вам нужно стоять рядом и ждать, вдруг я захочу проконсультироваться по составу или калорийности блюд, а не прятаться за барной стойкой. Хотя я сомневаюсь, что вы что-то знаете о калориях. Ступайте, вы мне надоели, позовите девушку. Ту, с фиолетовыми глазами. Она слишком хороша для вашей забегаловки.

Я уже думала – быть беде, но Ашот – молодец, справился, хоть и отходил от Ролана на негнущихся ногах. Он заметил меня первым и, помрачнев, как туча, оттеснил за дверь кухни.

– Не смей обслуживать этого хлыща, – прогремел он. – Пусть Мари к нему выйдет. Кафе не обеднеет, если он вообще свалит.

– Ты все правильно сделал, – похвалила я оборотня, машинально поправляя воротничок на его рубашке. Жест получился заботливым, почти семейным, и я спохватилась. Видимо, тоже нервничала, но Ашот схватил мои запястья, не давая опустить руки.

– Повтори, – попросил он, глядя мне в глаза своим непроницаемым черным взглядом. О чем он там думал, понять было сложно. Зато мои мысли, похоже, читались легко, потому что на губах оборотня расплылась довольная улыбка. Он точно вообразил лишнего! Я вовсе и не думала, что он меня сейчас поцелует.

– Простите его, он у нас новенький, – раздался из зала скрипучий голос Мари. Кажется, старушка решила взять ситуацию в свои руки. – Принести вам чего-нибудь прохладного для начала? Денек жаркий, а у нас отличный морсик с имбирем и перцем. Бодрит и освежает.

– Морсик? – отчего-то лицо Ролана аж перекошило. – У вас, что, совсем с кадрами плохо? Тебе, бабушка, на пенсии сидеть, а не сыпать тут везде опилками.

То ли Мари была глуховата, то ли просто не обратила внимания на оскорбление. В ее жизни таких, как Ролан, точно должно было быть много.

– А можно у вас билетик на семинар попросить? – спросила она как ни в чем не бывало. – Я еще в том году хотела попасть, да денег не насобирала. Мне хоть в дальнем ряду. А я вас бесплатно нашим лучшим тортиком угощу.

– В этом году, значит, насобирала? – хмыкнул Ролан, складывая руки на груди. – Вот что, бабуля, топай, откуда пришла, и не занимай мое время, перечница старая. Была бы ты лет на сто моложе, я, может, еще и подумал бы. В моем зале сидят умницы и красавицы, а ты лучше на гроб копи.

Тут уж настал черед Ашота меня сдерживать, потому что мне захотелось огреть этого Ролана разносом по голове немедленно. Мари же нисколько не обиделась и, улыбнувшись магу, проковыляла обратно на кухню.

– Только в кофе ему сильно не харкай, а то еще отравится, – сказала я ей, пытаюсь подбодрить. – Давай лучше я плюну, у меня злости на таких больше.

И тут меня осенила идея.

– Все в порядке, Ашот, я уже успокоилась. Пойду обслужу этого гада, а ты будь настороже. Если махну волосами, вот так, значит, нужна помощь.

Оборотню идея не понравилась, как и Пешкасию, который суетился поблизости, но все понимали, что выпроваживать мага из кафе как-то надо.

– Я за тобой слежу, – угрожающе произнес Ашот, я же, поправив фирменный бантик на груди, направилась к столику с нежеланным гостем, стараясь не сильно вихлять бедрами. Ничего не могла поделать с этой Наташей – по-другому ходить она не умела.

При моем появлении Ролан сразу расплылся в улыбке. Мне же в глаза бросилось другое. Он заметно изменился. Вроде как он, а с другой стороны, выглядел маг куда моложе, чем в тот раз, когда я видела его в Бюро. Во время танца в помещении был полумрак, изменений я тогда не заметила, сейчас же они прямо бросались в глаза. Ролан не только помолодел, но и заметно похорошел. «Операцию себе сделал, что ли, на физиономии?», – подумала я, но вслух сказала, разумеется, другое:

– Как мы рады видеть вас в нашем заведении, господин Роландо.

– А лично ты рада меня видеть? – спросил он, и его рука приподнялась, будто собираясь погладить меня по бедру. Предчувствуя неприятности, я качнула бедром в другую сторону, уходя от его ладони.

– Разумеется, господин Роландо, – улыбнулась я с натяжкой. – Позвольте принести вам наше фирменное блюдо.

– Какое? – кажется, мне удалось завладеть его вниманием.

– Будет приятный сюрприз, – снова улыбка и игривый тон. – Позвольте быть откровенной. Это недешево, но мне за него положены дополнительные выплаты. И вы, и я оста-

немся довольны. Идет?

Маг не выдержал и рассмеялся. Потом кивнул.

– Ты придешь ко мне завтра? Тебя хочу видеть в первых рядах.

– Непременно, – заверила я его. – А у вас не найдется еще билетика для моей подружки? Она модель, постоянно на работе, то в кино снимается, то подиум топчет. Представляете, ноги у нее еще длиннее моих.

И я отставила ножку, демонстрируя ее идеальную длину. Роландо облизал губы и с трудом перевел взгляд на мое лицо:

– Модель, говоришь? Разумеется, найдется. Держи. Подругу тоже в первый ряд сади. Не опаздывайте, мои красавицы.

– Ты что творишь? – накинулись на меня Ашот с Мари, когда я наконец вплыла в кухню после еще десяти минут флирта с магом.

– Какое фирменное блюдо? – возмутилась старушка.

– Какая подруга? – не унимался оборотень. – Что ты задумала?

– Все под контролем, – заверила я их. – Ты, Мари, свари ему что угодно. Главное, плюнь сверху и добавь немного сонной травки, хочу, чтобы он заснул мордой в блюде.

– Это же маг! Он убьет за такое!

– Положись на меня, Мари, – похлопала я старушку по плечу. – Только не перестарайся. Нам усыпить его надо, а не отравить.

Повариха вдруг прыснула со смеху, словно я только что пошутила.

– А билетик ты для меня выпросила?

– Для дела, – уклонилась я от ответа. – Ашот, выручай. Если придет Кормак, скажи, что я приболела. После обеда буду.

– А ты куда? – ошарашенно спросил оборотень. – И что с магом делать? Он же злющий проснется. Не убивать же его.

– У меня живот заболел, надо полежать, – нагло солгала я. – Женские дни и все такое. А насчет мага не волнуйся, к тому времени вернется Кормак, и Роландо будет уже его заботой.

Они еще что-то кричали мне вслед, Ашот предлагал отнести меня на руках в дом, а Мари хотела сварить успокаивающую настойку, но я помахала им и прибавила шагу.

Дел предстояло много, а в запасе была от силы пара часов.

К счастью, уговорить зомби Лео поучаствовать в авантюре оказалось довольно легко. Я спросила, он кивнул. Уже в машине я поняла, что мертвец кивал постоянно, но поворачивать назад было поздно, да и Лео, кажется, что-то да понимал. Другое дело, что ему было явно хуже, чем вчера. Он несколько раз пытался меня укусить, каждый раз сам отдергивая голову, и я решила поверить, что Лео справится. Ему всего-то час предстояло продержаться. Больше времени у нас не было.

Когда мы застряли в полуденных пробках, я едва не бро-

сила затею, но тут зомби очнулся от спячки и каким-то чудом вывернул на узкую придомовую дорогу, вившуюся лентой по спальному району. Не самый хороший поступок, но я в те дни делала много чего неправильного. Выпущенные гребешки и долг Кормака перед якудза постоянно крутились в мыслях. А ведь еще месяц назад я ни о чем, кроме как об архивных записях, думать не могла.

Этот Ролан Роландо казался тем еще бабником и негодяем, но огульно обвинять его тоже не хотелось. Все надо было проверить, а так как в списках подозреваемых числился еще и оборотень, то я поехала одна. Ежа Пешкасия, канарейку Сун-Пак и троих усыновленных никто не приглашал, но, как выяснилось, они спрятались в багажнике.

– Сможешь определить, был ли здесь недавно Ашот? – спросила я Лео, когда мы остановились у здания цирка. Днем громада из стекла и бетона выглядела еще внушительнее, чем ночью. Массивный, нависающий над тротуаром козырек балкона производил гнетущее впечатление. Стекла первого этажа были завешаны афишами с физиономией Роландо. У входа толпились женщины с детьми, ожидая начала представления. Судя по плакатам, скромно размещенным под постерами с магом, днем в цирке выступали воздушные акробаты. Мне сразу захотелось приобрести билетик, ведь нет ничего чудеснее полетов под куполом и головокружительных трюков, но звери, спрятавшиеся всей командой в сумке, где раньше помещался один Пешкасий, напомнили о цели, о ко-

торой я им не сообщала, но о которой они сами догадались.

– За мусорными баками слева есть черный ход, – перевел мне Пешкасий слова чайки Юли, которую я еще пока не понимала. – Давай туда.

Лео пришлось вести за руку, потому что зомби потянуло прямо на детей, и на миг мне даже поплохело от мысли, что сейчас произойдет. Но мертвец и на этот раз справился, послушно дав себя увести.

– Ашотом пахнет? – настойчиво повторяла я, когда мы оказались внутри. Повсюду сновали люди – зрители, уже купившие билет, рабочие, артисты, и на нас, к счастью, не обращали внимания.

Конечно, Лео мог и ошибаться, но, ступая следом за мной по коридорам, лестницам и залам – цирк оказался прямо-таки огромным, – он настойчиво мотал головой. Теперь уже не вертикально, а горизонтально. Я успокаивала себя, что он в здравом уме и знает, что говорит, хотя циничные высказывания Пешкасия немного, конечно, приземляли.

– Ишла, – вдруг произнес Лео и остановился рядом с дверью, на которой висела табличка «Вход только для персонала».

– Ты чувствуешь Ислу? – обрадованно спросила я, тут же подергав дверь за ручку. Разумеется, она была заперта, но разве закрытые двери кого-нибудь когда-нибудь останавливали?

– Живая, – подтвердил Лео. – У трупов другой запах, при-

ятный. А так только живые вонять могут. Бойтся. Внизу она.

Помешал не замок, а толпа рабочих, которые показались в конце коридора с коробками. Я тут же пожалела, что не подумала о маскировке. На каблуках в мини-юбке я вряд ли сошла бы за грузчика.

– Мы сюда еще вернемся, – заверила я Лео, который вдруг загорелся энтузиазмом проникнуть за рабочими в секретный коридор. Мне показалось, что его интерес был вызван не желанием освободить Ислу, а голодом. У мертвеца уже давно неконтролируемо текли слюни, и я поспешила увести его обратно в машину. Не сказать, что он убедил меня в полной невинности Ашота, но на сердце полегчало.

На выходе я задержалась, так как плакат с магом оказался прямо перед глазами.

«Успешный успех для женщин – самых красивых, молодых и прекрасных», – гласила надпись под довольной физиономией Ролана. А внизу мелкими буквами еще приписочка: «Вход только для женщин». Я уже готова была поделиться гениальной идеей, только что пришедшей в голову, с зоопарком в сумке, но тут услышала знакомый голос и буквально остолбенела.

– Вы знаете о ситуации в городе? – говорил Влас Хрусталес, стоявший за моей спиной собственной персоной. – Завтра здесь будет полно красивых девиц, считай, что маньяку пригласительное выслали. Мы собираемся поставить три наряда охраны, еще думали рассадить по залу наших людей,

но этот маг-идиот категорически отказался. Мол, нарушим энергию представления. Вы же директор цирка, можете вмешаться? Нужно убедить этого дурака, что безопасность превыше всего. К тому же, завтра последний день фестиваля, все пойдут гулять, толпищи, пробки... Ох, как представляю, уже голова болит.

Человек, которого Влас назвал директором цирка, соби-рался ответить, но тут его глаза расширились от ужаса, сфокусировавшись на моей сумке. Я бы тоже испугалась, потому что оттуда высунулись одновременно еж, чайка, канарейка, голубь и клешня краба. Не знаю, о чем он там подумал, потому что я подумать вообще ни о чем не успела. Едва детектив стал оборачиваться, как мои ноги зажали самостоятельной жизнью и припустили к машине, в которой уже сидел Лео.

Влас меня все-таки узнал, потому что закричал:

– Держите ее, это она, помощница маньяка! Здесь точно готовится преступление!

– Газу, Лео! – закричала я, и тарантайка Кормака, которую мы нещадно эксплуатировали, с ревом помчалась по улицам Дзио.

Обернувшись, я заметила, что Влас погрузился в новенький седан и, поставив на крышу мигалку, помчался за нами. Все приуныли, так как лошадиных сил у нашей машинки явно было маловато.

Нас выручил голубь Ян, который вылетел из бокового окошка, а вернулся уже с компанией. Мы двигались вдоль

какого-то сквера, машинка чихала и пыхтела, а Влас уже почти сел нам на хвост, вернее, едва не пихал носом седана наш бампер. Но тут голубиная стая, снявшаяся с площади, зависла ровно над машиной детектива, и какое-то время летела прямо над ним, ровняясь и прицеливаясь. Пешкасий первым разгадал замысел Яна, от чего залился неприятным смехом. Когда горные ежики издевательски смеются – это всегда неприятно.

Еще минута, и Влас Хрусталес, детектив и азиатский вампир, стал бы нас таранить, но в это время голубь Ян закричал «Огонь, пли!», и сзади раздался противный визг тормозов. Обернувшись, я только и увидела покрытое плотным слоем голубинового помета лобовое стекло седана. А к машине летели все новые и новые голуби.

Чем там закончилась история с обстрелом авто, мы не узнали, но я впоследствии никогда не жалела, что познакомилась и взяла под свою опеку голубя Яна. Уже позже я узнала, что Ян, как и краб и чайка, души преступников, которые попались под руки магическому правосудию. Их не убили, но обрекли влачить существование в нечеловеческом виде. Впрочем, по мне, так им и так неплохо жилось, а что до их грехов, то мы эту тему никогда не поднимали.

Когда мы подъехали, на пороге кафе стоял злой Кормак, а из-за его плеча выглядывал не менее сердитый Ашот. Если для первого мое отсутствие означало саботаж, то второй, кажется, просто разволновался. Мага Ролана нигде видно не

было, и я совсем успокоилась. Пока все шло так, как было задумано.

– Работать я сегодня не буду, – заявила я опешившему от моей наглости Кормаку. – Надо тренироваться, а то ведь ваш конкурс завтра, а я в лучшем случае Ашоту ноги отдамлю да кафе опозорю. Поэтому сейчас и до самого вечера мы с Ашотом будем танцевать. И кстати, это я твоих гребешков в море выпустила. Их скоро внесут в вымирающие виды моря, и я решила проявить инициативу и помочь бедным тварям. Насчет долга не волнуйся. Завтра мы победим. Если уж так случится, что у других номера окажутся лучше, обещаю работать на тебя бесплатно до тех пор, пока не выплачу долг. А от якудза отобьемся.

Может, Кормак и был мировым злом, но на мою исповедь отреагировал правильно. Махнул рукой, кивнул Ашоту и скрылся в кафе. Нравился мне этот парень, Кормак.

Весь вечер мы с Ашотом танцевали на берегу моря. Начали в кафе, но там тренировалась основная группа, и я постоянно отвлекалась, думая о том, как нелепо выгляжу со стороны на фоне опытных танцовщиц. Когда же ушли на пляж за валуны, то в мире остался только Ашот, его руки, державшие крепко, его глаза, не позволяющие мне в себе усомниться, его губы, которые улыбались и манили.

Закат освещал наши плавнодвигающиеся тела, и мне уже не казалось, что я делаю что-то не так. Пусть все идет, как идет. Профессиональной танцовщицей за два вечера танцев

я не стану, но смогу хотя бы не мешать Ашоту и не выглядеть на его фоне посмешищем.

– Ты такая красивая, – прошептал оборотень, оказываясь еще ближе, чем раньше.

– Но не настоящая, – грустно прошептала я. – Ты же знаешь, какая я на самом деле.

– Неважно, – снова улыбнулся Ашот. – Главное, как ты чувствуешь себя здесь.

Взяв мою руку, он приложил ее к своей груди, я же прислонилась к нему, закрыв глаза и слушая, как бьется его могучее сердце. Чем бы ни закончилась история Наташи, но я была благодарна ей за эти мгновения.

Обучая меня сегодня, Ашот проявлял чудеса терпения. Интересно, будет ли он таким же терпеливым завтра, когда я скажу ему, что у меня на уме. Что-то подсказывало – оборотню моя идея сильно не понравится.

Глава 10

– Наташа, кофе!

Нет, право, я когда-нибудь его покалечу за эту «Наташу». Когда займусь единоборствами, подкачаюсь и стану хотя бы по массе тела одинаковой с наглым оборотнем. Сегодня такой важный день, а он издевается! А я еще переживала, что Ашот откажется участвовать в моем плане. Но нет, оборотня все затеянное даже веселило.

– Ну, ничего так, – протянула Мари, скептически оглядывая могучую фигуру Ашота, затянутую в женское платье. Ноги брить он категорически отказался, поэтому пришлось надеть на него длинную юбку. Каблуки тоже забраковал, их заменили балетки такого огромного размера, что продавец обуви честно признался – они лежали у него со дня открытия магазина. А вот на макияж и парик Ашот согласился без возражений. Видимо, понимал, что с его физиономией шансов пройти за девушку ноль. Они и так были невелики, но отпускать меня одну с кем-либо другим из команды Кормака оборотень отказался. Хотя из того же Кормака девица вышла бы понатуральнее.

– Мне все равно, что ты там задумала, – кричал на меня Кормак, но как-то по-семейному и совсем не обидно. – Если вас там убьет маньяк, то я воспользуюсь связями и даже из ада достану. Исключительно, чтобы заключить всех в по-

жизненное рабство. Не забывайте – вы мне победу в конкурсе должны.

Кстати, с гребешками Мари-таки выкрутилась. Нарезала каких-то грибов, залила своим особым соусом, уложила на раковины и выкатила, как фирменное блюдо заведения. За весь день подмены никто не заметил, правда, не обошлось без побочки. Гости не желали расходиться, гудели, болтали и хохотали без умолка. Не знаю, какие грибы использовала старушка, но я решила фирменное блюдо на всякий случай не пробовать.

Зоопарк, конечно, увязался с нами, но в свою сумку я никого, кроме Пешкасия, не пустила. В результате все разместились в рюкзаке Ашота, которого уговаривали взять хотя бы борсетку, чтобы не разрушать образ, но оборотень заявил, что с рюкзаком ему удобнее. Я только надеялась, что у него там нет оружия, ведь в Цирке наверняка будут проверять металлоискателем.

План был такой. Во время представления по очереди выйти из зала и обыскать цирк. Целью были служебные помещения. Конечно, такой обыск было бы лучше делать ночью, но голуби доложили, что помимо полицейских, выставивших дополнительные патрули, свою охрану организовал и маг. В общем, в крепость можно было попасть, только постучавшись добровольно. Так мы и собирались сделать. Лучше, если бы моим напарником стал Лео, но у него начался приступ безумия, который не снимали никакие снадобья, и зомби с

утра сидел в клетке, пуская слюни.

Я так и не успела прикупить гардероб для Наташи, но Кормак неожиданно притащил парадное черное платье моего размера. Правда, Ашот сразу принялся бурчать, что с такой длиной юбки можно вообще ничего не надевать – сразу в трусах идти. Я заметила, что между племянником и дядей еще с утра искры летали, видимо, Кормак прознал в деталях, кто и как освобождал гребешков. Удивительно, что с Пешкасием хозяин кафе разговаривал исключительно вежливо, едва ли не лебезя, хотя именно горному ежу принадлежала идея разорить Кормака на гребешках. Может, хозяину еще никто не выдал Пешкасия, а может, Кормак решил закрыть глаза на проделки ежа, потому что его «экологический» рэп вместе с вокалом Сун-Пак неожиданно стали собирать публику. Вечером мы с Ашотом должны были выступать на Центральной площади на конкурсе танцев, а Пешкасию разрешили провести сольный концерт в кафе «Для своих». Мари с Ове и Спиросом уже делали ставки, кто больше соберет денег, ведь Пешкасий решил устроить благотворительный сбор на очистку прибрежной полосы Дзио от мусора. Половину он забирал себе, четверть платил Кормаку, остальное посвящал экологии.

Признаться, из Ашота вышла совсем некрасивая девушка, и охранник на входе долго и тщательно проверял его билет, едва ли не пробуя клочок бумажки на вкус. Все пытался найти подвох и уличить нас в подделке, но, видимо, личную

печать Ролана было трудно подделать. В очереди из длинноногих девиц с фигурами моделей могучий Ашот выделялся, как индюшка среди волнистых попугайчиков.

Уже сидя в кресле в первом ряду и ожидая начала представления, я вдруг подумала о том, что не хочу возвращаться в отдел обслуживания клиентов. По статусной шкале должность ведущего специалиста Бюро Переводов звучала солиднее, чем официантка в кафе «Для своих», но у Кормака мне было хорошо. Может, не стоило сопротивляться судьбе? Потому найти Ислу и уладить дела с полицией было жизненно важно. А там будь что будет. Накануне я долго выпрашивала Кормака, стоит ли доверять нюху Лео и не разумнее ли рассказать обо всем детективу Власу, но хозяин кафе одобрил первоначальный план. Во-первых, Ролан давно дружил с полицией и подозревать его точно не будут, во-вторых, маньяк мог обустроить ловушку в цирковом подвале и не иметь отношения к артистам, выступающим наверху.

Конечно, я нервничала. Ашот категорически отказался пускать меня бродить по цирку, заявив, что найдет Ислу сам. Зоопарк решил отправиться с ним, разумеется, человеческое мнение проигнорировав. Моей задачей было сидеть и внимать магу. Ашот должен был уйти из зала во время представления и, если Исла отыщется, отвезти ее в безопасное место, а потом вернуться за мной и ждать у входа в цирк. В теории все казалось гладким, но в реальности всегда бывают препятствия, из-за которых рушатся планы.

А еще мне хотелось, чтобы представление поскорее закончилось, и мы с Ашотом отправились танцевать. Только не на Центральную площадь, а на побережье за кафе Кормака, туда, где я впервые попыталась смириться с телом Наташи. И кажется у меня это получалось.

В Цирке творился аншлаг. Еще по пути я заметила, что улицы города были буквально запружены людьми и нелюдьми. Люди просто отдыхали, так как календарь показывал воскресенье, а вот нелюди отмечали последний день Фестиваля гребешка. Отличить их можно было по яркой, почти маскарадной одежде. Я так и не поняла сути праздника, но, похоже, мигрантам был важен сам повод. Праздник мог называться как угодно, лишь бы позволял им почувствовать себя настоящими горожанами, своими, а не приезжими. В воздухе витали праздничное настроение, ожидание мечты, которая обязательно сбудется, атмосфера добра, мира и взаимопонимания. Оттого с трудом верилось, что в таких условиях можно замышлять нехорошее.

Мало ли кто прятался в подвале Цирка? Вдруг у якудза там склад или тайное место встречи? Может, Краб Усоп держит там взаперти Ислу, пока ее родственники не заплатят за нее выкуп? Ведь брат русалки не обязательно сказал всю правду. Если якудза похитили ее с целью выкупа, то родня Ислы вряд ли пошевелится, чтобы ей помочь. С другой стороны, сможет ли Ашот справиться с азиатской мафией? Может, пусть лучше маньяк?

Сказать, что в зале собрались одни красотки – ничего не сказать. Повсюду виднелись стройные загорелые тела, лица с идеальным макияжем и фальшивыми улыбками. Девушки окидывали друг друга оценивающими взглядами, в воздух так и искрился от напряжения. На одного Ашота глядели с недоумением. Мне подумалось, каково было бы сейчас в этом зале Нанише – с ее кривыми ногами и родовой веточкой в волосах. И снова стало грустно, что человеческий мир так сильно ценит внешность.

Тем временем, на сцену поднялись девушки в ослепительных нарядах, и каждая принялась рассказывать, как сильно изменилась ее жизнь после мероприятия. Кого здесь только не было! И обманутые бедные родственницы, лишённые наследства, и студентки, не имеющие средств к существованию, и внезапно забеременевшие, от которых отвернулся мир. Но больше всех было забитых мамаш, которые расцвели, похорошели и стали зарабатывать колоссальные деньги, которые позволяли им покупать шубы, дорогие машины и возить на моря мужа с детьми. И все эти чудеса случились после семинара Роланда. Мне показалось, что в Дзио сюжет о морском курорте не должен быть популярным, но публика пока принимала представление благосклонно. Девушки в зале улыбались девушкам на сцене, я же чувствовала себя зрительницей плохо поставленного спектакля. Мне было откровенно скучно. Хотя бы спели, что ли?

На пятой истории Ашот откровенно зевнул и громко про-

шептал мне на ухо, что ему надо в туалет. С тем расчетом, что сидящие сзади и спереди его девушки, непременно, слышали. Зрительницы уходу высокой, загораживающей обзор дамы только обрадовались, я же проводила его тревожным взглядом. Надеюсь, что все будет хорошо, я осталась скептиком и предчувствовала неприятности.

И вот, наконец, на сцене появился он – маг Ролан Роландо, который представился вовсе не колдуном, а доктором жизни. Элегантный костюм, начищенные до блеска туфли, уверенные, отточенные движения и выверенная улыбка – все указывало на то, что Роландо олицетворяет собой успешный успех во плоти. Вот только это был не Роландо.

Несмотря на то, что когда я видела мага в последний раз, он изменился, помолодел и похорошел, стоящий на сцене человек точно колдуном не являлся. Хотя и очень старался себя за него выдать. Немного не тот разрез глаз, самую малость не та улыбка, чуть резковатые движения и едва заметный акцент, которого у Ролана никогда не было. Я напряглась, соображая, стоит ли идти следом за Ашотом, чтобы предупредить о том, что на сцене не маг, когда человек, называющий себя Роландо, вдруг объявил, что ему нужны помощницы из зала.

И вот уже к моему креслу подходит охранник, который объявляет, что мне лучше пройти с ним, потому что господин Роландо меня выбрал. Большой растерянности я в жизни не испытывала. Краем глаза заметив, что выбрали не од-

ну меня, а еще примерно десять девушек, которые уже направлялись вслед за провожатыми из зала, я решила не сопротивляться. Мне совсем не хотелось на сцену, тем более, что соседки провожали нас завистливыми взглядами, однако Наташа неплохо соображала в непредвиденных ситуациях и, кажется, уже нашла выход.

В коридоре притворюсь, что мне плохо и убегу в туалет, подумала я, доставая из сумочки телефон и набирая Ашота.

– Вас просили не звонить во время представления, – заявил охранник, забирая у меня устройство. – Отдадим после.

– Но мне нужно... – начала я, однако закончить не успела. Мы уже давно покинули зал и двигались по полутемному коридору где-то явно в служебных помещениях – тех самых, в которые должен был проникнуть Ашот. Остро пахнувший травами платок, зажатый в руке охранника, прижался к моему рту и носу, отчего короткая борьба очень быстро закончилась моим поражением. Теряя сознание, я увидела, что других девушек постигла та же участь. Все-таки надо было в зале оставить Ашота. Шансов справиться с оборотнем, на которых, как известно, химия не действует, у злоумышленников не было бы никаких.

Туго связанные в запястьях руки болели, в голове царил дурман, тело затекло в неудобном положении. Яркий свет слепил глаза, и мне пришлось прищуриться, чтобы осмот-

реться. Разумеется, ничего хорошего вокруг не наблюдалось. Я была привязана к офисному стулу, другие девушки находились в том же положении. Мы явно сидели в каком-то складе. Вокруг громоздились ящики и короба, старая мебель и закрытые чехлами непонятные предметы. Над одним из ящиков, стоящих в центре, висел источающий ослепительный свет шар. Я насчитала примерно пятнадцать девушек и – о чудо! – среди них была Исла, а также еще три девушки, фотографии которых я видела в газетах.

Сердце скакнуло в страхе, остановившись на трех фигурах, которые замерли у светящегося шара. Одного из них я знала. То был Ролан Роландо, маг, которого я последний раз видела в кафе. С тех пор он не изменился, разве немного оброс щетиной. Двое других были весьма престарелыми старцами, один из них даже опирался на трость, так как стоять ему было трудно.

– Ты совсем оборзел, Рон, – бурчал он на известного мне мага. – Зачем было красть этих девок до представления? Нам повезло, что в прошлом году тут маньяк орудовал, удалось все пропажи на его делишки спихнуть. Но лучше бы ты думал головой, а не задницей.

– Так головой я и думал, смотри, какая она у меня красивая, – бахвалился Роландо. – Прости, но я не мог больше смотреть на эти морщины. У нашей рыженькой здоровья и молодости столько, что, считай, я лишь откупорил бутылку и понюхал чуток. Клянусь, распивать будем все вместе.

Трое явно сумасшедших посмотрели на рыжеволосую девушку с заплаканными глазами. Кажется, это была самая первая пропавшая без вести.

– Никогда так больше не делай, – вмешался третий, суровый на вид, старец. – В прошлом году нам оказалось достаточно семерых девиц из зала. А сейчас ты набрал аж пятнадцать. Хочешь, чтобы мы в младенцев превратились?

– Хочу, чтобы мы ничем в себе не отказывали, – улыбнулся Ролан, подходя ко мне. – Глядите, какая красавица. Так и пышет здоровьем, силой, молодостью. Можно мне забрать ее целиком?

– Нет, мы будем делить всех поровну, – отчитал его Суровый. – Надеюсь, ты их проверил.

– Не волнуйся, Лун. Они все из рода человеческого. Ну, что? Не будем оттягивать приятный момент? Начинаем?

– Давай, – кивнул головой недовольный старец. – До конца представления еще час, но нам же и в себя потом прийти надо. Я уже не помню, что такое быть молодым.

– И красивым, не забывай, – улыбнулся Ролан и подмигнул мне.

Я даже мычать не могла. От кляпа во рту тошнило, а от бессилия хотелось выть, да бесполезно. Какое же гнусное преступление задумали эти престарелые колдуны! В Межмирье иногда выпускали сводки о магических преступлениях. Сейчас я в подробностях вспомнила, как одно время все болтали о магах, забирающих молодость у людей. Газет-

чки Межмирья их тогда Старцами обозвали. Одно время они орудовали в Готенруге, потом переместились в Корсион, а потом исчезли, и о них писать перестали. А маги-преступники просто-напросто воспользовались услугами Бюро Переводов и мигрировали в мир людей, в Дзио. Ставшие их жертвами девушки жили от силы лет пять, много болели и быстро умирали – ни один маг-знахарь не в силах был им помочь. Вот бы никогда не подумала, что мне придется разделить участь одной из них. Если старикам достанутся мои года, а мне их, то жить, правда, останется недолго. Сразу захотелось помянуть недобрым словом Пешкасия. Ведь если бы он не уговорил меня ехать в Дзио за Сун-Пак, ничего бы не произошло. Я не стала бы красавицей, не завела друзей, не узнала Ашота. Нет, жалеть я ни о чем не буду. Лучше поверю в чудо.

Между тем, шар, висевший в воздухе над ящиком, разросся и стал заполнять собой все помещение. Я приготовилась к боли – самому худшему, что смогла представить, но ничего такого не почувствовала. Лишь легкое жжение в теле, сменившееся приятной усталостью. Как после вечерней пробежки в парке. Свет становился все ярче, и мне пришлось зажмуриться, чтобы не ослепнуть. В ушах слышалось равномерное гудение, которое вдруг прервалось визгом одного из старцев. То был именно визг – какой-то нечеловеческий.

– Останови, Рол! Сейчас же останови, что-то не так!

– Не могу! – раздался тревожный голос Роландо. – Оно

неуправляемо!

– Темные духи, что ты наделал!

Голоса потонули в общем крике, сквозь сомкнутые веки полыхнула и погасла вспышка, забрав с собой яркий свет. Комната погрузилась во тьму, но перед глазами плавали такие зеленые круги, что разобрать ничего не выходило. Меня слегка тошнило, но, в целом, чувствовала я себя неплохо. Не мертвой – и то хорошо.

Когда во мраке нарисовался четкий белый прямоугольник, я не сразу поняла, что это открылась дверь. Зато взвыла сквозь кляп, когда по глазам полоснул свет фонарика. После свечения того шара они стали очень чувствительными. В результате пришлось долго моргать, чтобы разогнать зеленую пелену, но еще раньше я услышала знакомый голос:

– Ролан Роландо, Лун Беркас, Волий Рот, вы арестованы.

– Кто вы, дьявол вас побери? – прохрипел голос из-за ящичков. Кажется, старцы на ногах после своего колдовства не держались.

– Служба миграционной безопасности. Вы имеете право хранить молчание и лежать мордой в пол.

А вот это уже говорил другой знакомый голос. Я отчаянно затрясла головой, пытаясь восстановить зрение.

– Вы опоздали, – дерзко заявил Ролан. – Дело сделано. Вы же сами знаете, нас никакой тюрьмой не удержишь.

– В человеческой, куда вас раньше сажали, нет, – согласился женский голос, который я никак не могла вспомнить. –

А вот среди нечисти вам будет самое место.

Наглости и храбрости магам было не занимать, но вместо очередного ответа вдруг послышался их общий крик. Я же вдруг окончательно проморгалась.

В дверях стояла ведьма Елена Ка, все еще державшая удостоверение, похожее на то, что показывал мне детектив Влас. И на голове у нее была та самая остроконечная шляпа, которую я много дней назад видела на гостье Седалии. Теперь я вспомнила это точно. Сам Влас Хрусталес тоже был здесь, и вид у него был весьма сконфуженный. Кажется, он был разочарован, что маньяка поймать не удастся. Третьим вошедшим оказался Ашот Косиман, который успел переодеться в джинсы и майку. В одной руке он держал такое же удостоверение, как у Елены Ка и Власа, в другой – зеркало.

Старцы, хотя теперь их правильнее было бы называть чудовищами, то смотрели в зеркало, то переводили взгляды друг на друга. От красоты и молодости Ролана не осталось и следа. Кожу всех троих покрывала кора дерева, вместо волос торчали прутья, а руки и ноги напоминали ветки и корни. Они пытались двигаться, но лишь скрипели, едва качая непривычными конечностями. Старцы превратились в дриад, причем в самых страшных, каких я знала. А с движением у новорожденных дриад всегда были проблемы. Мы только к пятому году начинали шевелиться.

– Ты подсунула нам нечисть! – злобно прошипел Ролан.

– Да, – пожав плечами, призналась ведьма. – Сначала ду-

мала, что одной Ислы будет достаточно, она ведь из наших, но потом мы подняли кое-какие бумаги по этому вашему заклинанию и поняли, что с обращенной два года назад русалкой зеркального эффекта может не получиться. Пришлось воспользоваться помощью Наниши. Прости, дорогая, – Елена Ка, наконец, обратила на меня внимание. – Пришлось фантазировать на ходу, но мы готовы заплатить, чем угодно и как угодно. Восполним и моральный, и физический ущерб. И разумеется, я превращу тебя обратно. Но если бы не твое присутствие здесь, эти негодяи продолжали бы ловить и губить девушек по всему миру еще долго. Мы давно за ними следим, но никак не удавалось поймать их с поличным. Благодаря твоему недавнему превращению, заклинание дало сбой, и наши красавцы утратили человеческое обличье. Теперь мы сможем засадить их в Лью, тюрьму для нечисти, а оттуда не сбегают.

В комнату начали заполнять прибывшие полицейские, Ашот же бросился ко мне, хотя по моему яростному взгляду было понятно, что меня сейчас лучше не отвязывать. Гнева во мне было столько, что хватило бы весь Цирк им затопить.

Но прежде Ашота ко мне кинулся Пешкасий и принялся обнимать мои ноги короткими лапками.

– Я как узнал, что ты у нас героиня, так аж гордостью за тебя проникся. Моя ты хорошая! Одной медали будет рано, проси золота, бриллиантов, квартиру в Дзио и содержание до конца жизни.

Мне еще не успели вынуть из рта кляп, но Пешкасий догадался о моем следующем вопросе.

– Когда я узнал? – переспросил он, имитируя мой тон. – Так от нас что-нибудь разве скроешь? Я потому и перестал бояться, что ты такая на всю жизнь останешься. Мне тараканы в баре все рассказали. Они слышали, как ведьма с Кормаком договаривалась.

Ах, значит, и Кормак тут был замешан?

– Ну конечно, – поддакнул ежик. – И уволили тебя не по-настоящему. Это Елена уговорила начальницу тебя в отпуск отпустить. Как запасной вариант. Ничего, скоро все закончится. Правда, знаешь, я решил, что останусь в Дзио, у меня тут сольная карьера и все такая. Но клянусь, что буду постоянно тебя навещать в Межмирье. Небось, соскучилась по своему подвальчику?

– Прости меня, Наниша, – сказал Ашот, вынимая у меня, наконец, из рта кляп. Ему повезло, что меня захлестнул кашель, иначе на его голову вылилась бы такая брань, что все таксисты бы удивились.

Воспользовавшись моей слабостью, оборотень быстро произнес:

– Мне многое в чем тебе нужно признаться, но прежде хочу просить тебя об одном. Не уезжай. Останься со мной в Дзио, какое бы обличье ты ни выбрала. Знаю, что долго не сможешь простить меня за этот обман, но я надеюсь, что у нас есть время. Поймать Роландо было делом принципа.

Много лет назад он замучил моих сестер. Они остались живы, но я поклялся, что посажу его за решетку. Я был против, когда Лена выбрала тебя в качестве подставной жертвы и мишени.

– Ой, да ладно, зато девочка до старости лет будет такое приключение вспоминать, – хмыкнула ведьма, подходя к нам. – Жизнь-то у нее в том Бюро скучнющая. Ну что? Готова назад превращаться? Седалия уже рвет и мечет, что я у нее такого ценного сотрудника забрала. Ждут тебя дома с распростертыми объятиями. Ну и с премиальными, разумеется.

Я заглянула в глаза Ашота, пытаюсь понять, насколько он искренне готов дружить с дриадой, потом перевела взгляд на Пешкасия, вид которого говорил – еще немного и все неприятности закончатся, посмотрела снова на ведьму, которая явно торопилась, и наконец приняла решение.

– Я не продержалась бы на таких каблуках и минуты, – заявила я, с восхищением оглядывая наряд Ислы. Подруга была, как всегда, великолепна. Изумрудное платье в блесках второй кожей облепляло ее фигуру в форме песочных часов, загорелые стройные ноги уверенно держались на высокой платформе, уложенные стилистами волосы струились волнами по обнаженным плечам.

Наверное, Кормаку и всем нам повезло, что Исла согла-

силась выступить с Ашотом на конкурсе танцев. Всем нам – это его команде, частью которой я теперь стала. В благодарность за свое спасение Исла заявила, что согласна выступить в качестве партнерши Ашота на конкурсе. Заполучить ведущую танцовщицу из знаменитого шоу «Морской сад» было большой удачей, и все это понимали. Кормак сдувал с Ислы пылинки, я же старалась делать вид, что радуюсь вместе со всеми. Конечно, нам нужна была победа, а с участием такого профессионала, как Исла, она была почти гарантирована.

В голове еще вертелось недавнее приключение, но все мысли занимало то, как Исла будет прижиматься к Ашоту у всех перед глазами.

Елена Ка выслушала мой отказ с ехидной улыбкой, заявив, что только полная дура не захотела бы такое тело. Я молча кивнула, не став изливать перед ней душу. Вряд ли она поняла бы, что я выбрала не красивые глаза и длинные ноги, а человека. Остаться и жить среди других людей в Дзюо – разве не достойная награда за риски?

Сразу же после того, как нас освободили, мне позвонила Седалия, заявив, что у меня день на возвращение. Работы, мол, накопилось немерено. В Межмирье меня ждали повышение и новый оклад, но я отказалась, положив трубку и не дослушав до конца. Седалия немного опоздала. Буквально за десять минут до ее звонка со мной связался Кормак, который заявил, что ему требуется помощник не в зале, а в кабинете. Он тонул в бюрократии, и если бы я взяла на себя

немного бухгалтерии, кадров и отчетности, то он бы забыл все мои прегрешения касательно гребешков, а после выплаты долга якудза поднял бы мою зарплату на достойный уровень. Седалия предлагала куда больше и в плане денег, и в плане статуса, но я выбрала Кормака. Нравился мне этот парень с репутацией мирового злодея.

Я всячески отвлекала себя от грустных мыслей, когда в примерку ворвалась Исла и в сердцах швырнула сценическую шляпку на пол.

– Какой идиот! – заявила она, почему-то глядя на меня. – Сказал, что танцевать будет только с тобой. Иди, крошка, твой выход. Только постарайся сильно всех не опозорить.

В этом была вся Исла – говорила, что у нее на уме. Пусть и неприятные вещи, зато правдивые. Наниша, познакомившаяся с хореографией два дня назад, имела все шансы не только проиграть, но и опозорить команду, например, завалившись на сцене.

Я послала Исле воздушный поцелуй и, чувствуя, что у меня выросли крылья, полетела к Ашоту. Момент, когда мы встретились с ним глазами, был незабываем. Капитан службы миграционной безопасности Ашот Косиман имел много недостатков, но мне ни с кем не было так хорошо, как с этим оборотнем, который мечтал стать человеком. На нас глазели люди и нелюди Дзио, сцена пугала огнями, с неба таранилась убывающая луна, но Ашот подал мне руку, приглашая на танец, я уверенно вложила свои пальцы в его ладонь. В

наших глазах светилось счастье.

Признаться, танцевала я плохо, хотя Ашот и заверял, что лучшей партнерши у него не было и никогда не будет. Мы заняли третье место по оценкам любительского голосования. Вместо денег нам выдали позолоченную статуэтку в виде человека с крыльями, но даже если бы ее удалось продать, долг перед якудза она вряд ли бы покрыла. Когда я, приунывшая, шла со сцены, навстречу мне бросился Пешкасий с астрой в зубах. Он явно сорвал ее с ближайшей клумбы, но важны были не цветы, а новости, которые он принес.

Пока мы с Ашотом наслаждались друг другом и танцем, горный еж выступил с Лианной и Сун-Пак в кафе Кормака, сорвав аншлаг. Денег удалось насобирать столько, что Кормак с легкостью оплатил бы долг перед Крабом, если бы якудза... внезапно не простили его. Оказалось, что Краб Усоп услышал рэп Пешкасия и буквально влюбился в него, став первым фанатом. Когда он спросил, что Пешкасий хочет за свое творчество, еж благосклонно предложил забыть долг Кормака.

Обратной стороной славы стало то, что у Пешкасия почти не осталось времени. До зимы он выступал в Дзио, записывал альбом, а потом уезжал в турне по человеческим городам. Зоопарк он забирал собой в качестве хора.

Когда мы поздно вечером отмечали победу и окончание фестиваля тесным кругом в кафе Кормака, Ашот встал и, взяв бокал, приготовился толкать речь. Я чувствовала, что

он сейчас скажет, и зарделась от смущения. Конечно же, я была согласна.

– Наниша, выходи за меня! – произнес он под улюлюканье зоопарка и крики одобрения со стороны говорящих.

Вот так в моей жизни случилась сказка.